

Спецназ. Офицеры

Александр Тамоников

**Офицеры. Лучшие романы
о российских офицерах**

«ЭКСМО»

2008

Тамоников А. А.

Офицеры. Лучшие романы о российских офицерах /
А. А. Тамоников — «Эксмо», 2008 — (Спецназ. Офицеры)

ISBN 978-5-699-26395-0

В книге собраны лучшие произведения признанного российского баталиста Александра Тамоникова, в том числе широко известный роман «Грозовые ворота», который повествует об одном из самых драматических эпизодов чеченской военной кампании. Роту старшего лейтенанта Доронина высаживают на маленьком пятачке, зажатом с двух сторон непреступными скалами. Бойцам поставлена, в общем, несложная задача: блокировать ущелье и перекрыть возможный выход мелких бандгрупп. Воины надеются, что ничего серьезного не случится. У кого-то остались считанные дни до дембеля, кто-то собирается в отпуск, кто-то ждет письма от любимой. Но из ущелья на позиции роты выдвинулась тысячная группировка Теймураза Костолома! Бой превратился в жестокую бойню. Российские солдаты, несмотря на десятикратный перевес в численности бандитов, остались верны Присяге и до последнего вздоха держали оборону... Основанный на реальных событиях, роман шокирует правдивостью и жестокостью изложения и оставляет в душе не только боль утраты, но и чувство преклонения перед стойкостью российских воинов. Содержание сборника: Грозовые ворота. Роман Цена предательства. Роман Взвод специальной разведки. Роман

ISBN 978-5-699-26395-0

© Тамоников А. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

ГРОЗОВЫЕ ВОРОТА	5
ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Александр Тамоников

Офицеры. Лучшие романы о российских офицерах

ГРОЗОВЫЕ ВОРОТА

Все мы смертные, кроме вечно живых.
Григорий Стернин

ПРОЛОГ

...И вдруг наступила тишина. Едкий пороховой дым стелился плотным, темным туманом над искореженной высотой. Легкий весенний ветер не мог справиться с дымовой завесой, смешанной с отвратительным запахом СМЕРТИ. Только вершины гор, ставшие случайными свидетелями жесточайшей битвы, гордо возвышались над местом боя, недостижимые ни для темно-серого смрада, ни для человеческого страдания. Они покрылись ярким весенним нарядом и красовались между собой на фоне чистейшего, безоблачного неба. Им, как и тем, кто развязал это безумие, было совершенно безразлично то, что произошло там, внизу, на уровне, куда интересы их не распространяются. По обоим склонам в самых неестественных позах лежало множество людей, вернее, то, что от них осталось после массированного артобстрела. В одной из воронок, наполовину присыпанный землей, с открытыми, полными навечно застывшей боли глазами, нашел свое последнее укрытие командир роты. Рядом – на расстоянии протянутой руки – догорал обезображенный до неузнаваемости труп капитана-десантника. И чуть поодаль – почти весь личный состав. Погибший, но не сдавший своих позиций, выполнивший до конца Воинский Долг. А метрах в десяти, не далее, – уничтоженный враг. Смерть смела все, что разделяло их в жизни, – идеологию и вероисповедание, национальность и возраст. Смерть в одно мгновение уравнила всех. И сейчас они лежали, с одинаково искаженными от боли и ненависти мертвыми лицами, с оружием в руках, в непосредственной близости друг от друга. Русский и белорус, чеченец и араб. Солдат Отчизны и платный наемник. Они уже не были врагами. Все они стали жертвами одной войны, одной политической схватки, цель которой – власть. А дым горящих камней, земли и человеческих тел постепенно поднимался ввысь, туда, к неприступным и равнодушным вершинам, унося с собой души погибших. Поднимался, чтобы там, надо всем живым, раствориться в чистом небе, в котором уже стали собираться стервятники, чутко уловившие запах обильно пролитой крови. Они парили, кровожадно всматриваясь вниз, где на безымянной высоте у Косых Ворот в неравном бою погибло сводное подразделение. Рота специального назначения!

Костя проснулся рано, на часах не было и шести утра. Открыв припухшие от обильного ночного возлияния глаза, нашупал рукой возле софы бутылку пива – непременный атрибут его похмельного пробуждения. Сделав несколько судорожных глотков, откинулся на подушку.

Сейчас должна отпустить тошнота, исчезнуть сухость во рту и ослабеть боль, раскалывающая череп пополам.

Он лежал и ждал облегчения. По мере того как похмелье неохотно отступало, к Косте возвращалась способность соображать.

Возникал вопрос, постоянный в такие мгновения, – что было вчера?

В редких случаях по утрам Костя более-менее помнил, что происходило на финальной стадии предыдущей пьянки. По большей части события бурной ночи память не хранила. Наверняка опять чего-нибудь «учудили» напоследок, после безумных, до предела извращенных оргий с девицами на дискотеке «У Паши».

Черт! Как же плохо. Водки бы, граммов сто.

– Мам! – крикнул Костя. – Мам!

Его крик был услышан, в комнату вошла мать.

– Проснулся, чудо?

– Проснулся. Знаешь, как мне плохо?

– Представляю.

– Налей, мам, грамм сто пятьдесят?

– Прямо в постель подать?

– Все равно.

– Тебе все равно. А мне – нет. Поднимайся, там, в холодильнике, есть немного коньяка, но прежде ответь, когда прекратится весь этот бардак?

– Мам, дай прийти в себя. Потом поговорим. Отчим, наверное, на кухне?

– Да, завтракает.

– Опять мораль начнет читать.

– А ты как хотел? Папа занимает высокий пост, я тоже, слава богу, не кухарка, а сын – не пойми что. Ты думаешь, о твоём поведении у нас на службе никому ничего не известно?

– Можно подумать, отчиму в его мэрии за меня мозги чистят.

– А ты думаешь, нет?

– Ладно, пошел я, мочи нет.

Костя, не одеваясь, в плавках, прошел на кухню.

Отчим доедал свою яичницу.

– Привет, – буркнул Костя.

– Здравствуй, здравствуй. Что это ты, не умывшись, не одевшись, и сразу в холодильник?

– Похмелиться хочу. – Костя не считал нужным скрывать свои намерения.

Он достал початую бутылку «Арарата», не наливая в рюмку, опрокинул содержимое в себя из горла.

– Фу, – поморщился отчим, – как так можно?

– Молча, папа, молча. Ты денег случаем не подбросишь?

– Деньги, между прочим, с неба не падают.

– У вас, в мэрии, падают. И не только с неба.

– Эх, Костя, Костя! – Отчим явно не хотел портить себе настроение. – Не пойму я тебя. Имеешь практически все. Не зависим ни от кого. Когда за ум возьмешься?

– Возьмусь, пап. – Костя достал из салатницы дольку помидора, бросил в рот. – Вот погуляю с годик, а потом все – очки на фейс и за учебники. И никаких пьянок. Учеба, учеба и еще раз учеба. Клянусь. Клянусь крутыми кроссовками, которые, кстати, ты обещал мне.

– Как ты хорошо помнишь, что обещают тебе, а вот своих обязательств исполнять не торопишься.

– Всеу свое время, пап. И не надо только про свою «совковую» юность плакаться. Наслышан. Так дашь денег? Хоть сотню?

– Спрашивай у матери, она бюджет ведет.

– А ты из внебюджетных? Вон из рубашки так и выпирают! Поделись с больным сыном!

– Больным? Да на таких больных... ладно, пошел я. – Отчим встал, бросая на стол пятидесятирублевую купюру. – Хватит и полтинника.

После этого, поправив галстук, вышел.

– Козел, – произнес Костя вслед, – сам каждый день тысячами таскает, а сотню зажал. Ну и черт с ним. Мамуля подкинет еще. Деньги будут.

Костя присел за стол, закурил «Парламент» отчима. Курить он начал в десятом классе. Сразу и при всех. «Предки» поахали-поохали, смирились.

Курил Костя и думал: что же было ночью? Чем все кончилось? Бухать они начали у Паши с утра. Потом потусовались у Эдика. Затем к Валере завалили. У того родители уже второй год за бугром пашут, ежемесячно зеленые шлют на бабу. По-моему, как раз баксы и поступили, иначе чего они тогда в обменнике меняли? Точно, вспомнил – триста баксов.

Потом разъехались. Эдик с Валерой в институты свои, отметиться. Он же, Костя, вернулся домой. Домработница Зина заканчивала уборку, и он завалился спать. Пока удается проследить ход событий.

Разбудил его тот же Эдик, и они ломанулись к «Паше».

Начали с пива, потом – как всегда. Тогда-то и девочки подкатили. Это он помнил. А вот что было дальше? Какая-то бабеч. Базар с ней. Вместе вроде не пили. Вернее, он один пил. Улица. Дождь. Потом... а вот потом все покрыто, как говорится, мраком. Переспал с ней? Или нет? И что же было дальше?

Костя напрягал извилины, но ничего путного вспомнить не мог.

На кухню вошла мать.

– Ты так и будешь в трусах сидеть?

– А чего? Я – дома.

– Но и дома надо соблюдать приличия. Я хоть и мать, но в первую очередь, – женщина.

Имей такт.

– Ладно. Сейчас оденусь. Слушай, мам, мне двести рублей надо.

– Что так мало? Мог бы и больше запросить.

– Дай больше, но я вчера занял двести у пацана одного – отдать надо.

– Иди оденься, поговорим серьезно.

– Но деньги дашь? А то неудобно получится.

– Ну сколько тебе одно и то же говорить? Приведи себя в порядок.

– Иду.

Костя зашел в ванную комнату, поплескался теплой водой, намочил зубную щетку, мыло. Бриться не стал. И так сойдет. Прошел в свою комнату, натянул джинсы и майку. Проверил карманы. В одном лежала визитка отчима, Костя всегда носил ее с собой, на ней корявым почерком цифры – телефонный номер и имя. То ли Лида, то ли Люся, то ли Лена – не понять.

С этим разберемся потом.

Сейчас главное – заполнить «бобы» и слинять из дома.

К Эдику. От него и по номеру прозвонить, если тот не объяснит сам, кому принадлежит этот телефон.

– Я готов, мам, о чем разговор поведем?

– Может, хватит придуряться? Естественно, о твоём поведении.

– Ну вот, всегда так. Человеку без нотаций хреново, а тут еще душеспасительные беседы, отчим отчитал уже.

– Кость! Тебе нравится твой образ жизни?

– Нет, конечно. Но это временно. Сама же говорила – лучше перебеситься в молодости, чем потом всю жизнь куролесить.

– Перебеситься – одно, а вот стать алкоголиком в восемнадцать лет – совсем другое.

– Лучше алкоголиком, чем наркоманом, – тоже твои, кстати, слова.

– Не цепляйся к словам.

– Ты – нападаешь, я – защищаюсь. Но, знаешь, честно говоря, мне гулянки тоже уже надоели. Гулять-то хорошо, а вот по утрам... врагу не пожелаешь. Синдром проклятый вконец достал.

– Дала бы я тебе по заднице.

– Э! Это надо было раньше делать, теперь – поздно.

– Давай ложись в постель – отходи. Переболеешь дня два – легче будет.

– Ладно, черт с ним, переболею, но давай с послезавтра. У нас на сегодня и завтра дела с Эдиком.

– И какие могут быть дела у двух бездельников?

– Мы с Эдиком познакомились с девушками, нет, только ничего плохого не думай. На этот раз все чисто и благопристойно. Пригласили их провести время вместе на природе. Согласись, не можем же мы кинуть их? Как я буду выглядеть, если завалюсь в постель? Разве так поступают? А послезавтра – все! Шабаш! Ложусь и отхожу. Честное пионерское. Тем более стимул есть – отчим обещал кроссовки.

– Я сейчас позвоню Эдику и проверю правдивость твоих слов.

– И подставишь меня. Нет, ты, конечно, можешь позвонить, но как после этого будут говорить обо мне? Маменькин сыночек? Подъюбочник?

– Ладно. Поверю тебе, в последний раз поверю, но послезавтра – ты мой. Все, что бы я ни потребовала, будешь выполнять беспрекословно, согласен?

– Согласен. Но условие на просьбу. Я не могу явиться в компанию без денег, дай пятьсот рублей?

– Мне помнится – ты просил двести?

– Двести – долг отдать, три сотни – на природу.

После некоторого раздумья Анна Сергеевна достала банкноту.

– Хорошо. Вот тебе деньги. Но, учти, послезавтра...

– Я все учел, все, мамуля. Извини, мне пора.

Костя, сунув деньги в карман, выбежал из дома.

Осадившись пивком, направился к Эдику.

Мать Кости – декан исторического факультета педагогического университета, – строгая ко всем, за исключением, пожалуй, собственного сына, женщина умная, прагматичная и расчетливая. Анна Сергеевна в свое время и замуж за офицера – Костиного родного отца, погибшего в Афганистане в год рождения сына, – вышла только ради того, чтобы иметь возможность уйти от забот многодетной семьи, из которой была родом. Все же тогда служба офицера еще была одной из престижных и, что немаловажно, неплохо оплачиваемой. То есть замуж мать Кости вышла по расчету и после гибели мужа траур долго не носила. Работая в школе, Анна Сергеевна сделала все, чтобы найти себе достойную пару. И результатом трудов стал брак с заведующим одним из отделов горкома партии, мужчиной значительно старше ее, который обеспечивал ей и сыну безбедную жизнь и продвижение по службе самой Анне Сергеевне. Вскоре она становится преподавателем тогда еще пединститута, защищает кандидатскую и получает прекрасную возможность продолжить карьеру, чем и пользуется. Костя знал обо всем в деталях от самой матери, которая с раннего возраста пыталась навязать сыну свои представления о жизни.

Отчим после крушения партийной системы быстренько переоформился в демократа и остался на плаву, занимая высокую должность заместителя главы городской администрации. Деньги он имел никак не соизмеримые с его должностным окладом.

Вот таким тандемом родители Кости воздействовали на него, готовя ему жизнь обеспеченную, беззаботную. И, как это часто бывает, вырастили избалованного, непослушного оболтуса.

После окончания школы Константину была уготована студенческая скамья юридического факультета, несмотря на то что школьные выпускные экзамены он сдал кое-как.

Но Костя продолжать образование не собирался. Он наотрез отказался поступать куда-либо, объясняя отказ тем, что учеба его и так достала и ему необходим год отдыха. Как ни старались Анна Сергеевна и Григорий Максимович, сын настоял на своем.

По правде говоря, Костя при всех его недостатках имел и ряд достоинств. Он не был трусом, ценил дружбу, зла долго не держал, обиды легко прощал, умел признаваться в собственной неправоте. И слыл отчаянным, хулиганистым малым, дерзким в словах и поступках.

Может быть, эти качества и позволяли ему быть авторитетом среди сверстников и пользоваться их уважением.

У Кости было много знакомых, но друг – один Эдик, его одноклассник. Он, как и Костя, был парнем рискованным, или, как их нынче называют, экстремалом. Он везде и во всем поддерживал затеи Кости и готов был ради друга пойти на все. Так, по крайней мере, ему самому казалось.

Костя шел к Эдику. Конечно, никакого знакомства не было и поездки на природу тоже не намечалось, просто нужны были деньги. Обманом Костя свой поступок не считал, а относил его к небольшой вынужденной хитрости. Он нес в кармане куртки бутылку водки, зная, что друг тоже по утрам страдает похмельем. Предков Эди сейчас не было дома, и они смогут спокойно оттянуться. А потом «пробить» телефонный номер. Все же интересно, кто такая эта Лида, Люся, Лена?

Обычно Костя давал свой, но это случалось крайне редко, а у девиц, с которыми он проводил ночи, вообще не интересовался ни именем, ни адресом. Тем более никогда не брал чужие телефоны. У проституток на всех один телефон – номер фирмы интимных услуг.

Почему же на этот раз он записал номер?

Может, Эдя просветит?

Эдик встретил друга радушно.

– Привет, Кость! Заходи! Принес чего-нибудь?

Костя вытащил пузырь.

– Ну слава тебе... С утра, думал, подохну. Да мои еще наехали: где да как, что за дела? А мне без них плохо, и так над тазиком с пяти утра. Выворачивает, сил нет. И ладно бы рыгал по-человечески, а то желчь одна прет, – жаловался на судьбу Эдик, открывая бутылку. – Возьми, Кость, там, в шкафу, бокалы и в холодильнике – пепси – запить.

Выпили.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал Эдик. – И что у меня за натура такая? Пить могу литрами, и голова не болит по утрам. А вот рвет, невозможно. Стакан залудить – как на свет по новой народишься. Мать говорит – синдром похмелья только у алкашей. Значит, мы с тобой «синяки»?

– Тебе не без разницы?

– Ну ты сказал, без разницы? А блевотня поутру? Как петух, в натуре. Тот на рассвете кукарекает, а я блюю.

– Ты прошедшую ночь хорошо помнишь? – спросил Костя.

– Да вроде, а что?

Друзья выпили еще по сто граммов.

– У меня тут телефончик один, на, глянь.

Эдик посмотрел.

– Номер как номер, а вот с именем напряг – не могу понять.

– Вот и я не пойму. Мы вчера под конец к «Паше» вернулись. Так?

– Да. Бухнули нормально, потом девочки подвалили. Как всегда.

– И я так в компании и оставался?

– Ты? Дай вспомнить... нет, ты какую-то девицу углядел в толпе. Еще мне что-то про нее сказал. Но что конкретно? Не помню.

– А потом?

– Потом отвалил.

– К ней?

– Наверное. Дергались вы рядом, это я видел.

– А что за бабеч? Из «бабочек»?

– Не-е, я ее раньше не видел, залетная, скорее всего, не постоянка. И потом, прикид у нее не того...

– Чего не того?

– Ну не как у всех. Старомодный, что ли? Меня Верка оседлала. Я с ней потом и ушел.

– А я остался?

– Вот это не помню.

Эдик задумался.

– Нет, ты, наверное, тоже свалил. Точно. С Веркой моей Груша была, все тебя хотела. Я ходил искать, но в толпе не нашел. У бара тоже не было. И девицы, кстати, я не заметил. Выходит – свалили вы.

– Свалили. А куда?

– Да чего ты голову ломаешь? Очухался-то где?

– Дома. Мать говорила – около трех пришел, в дымину.

– Тогда, скорее всего, врубил автопилот и до хаты. Да ты по номеру звякни. И узнаешь, что к чему.

– Правильно.

Эдик передал трубку. Костя набрал номер.

Ответили сразу. Мужской, явно нетрезвый, хриплый голос:

– Да!

– Здравствуйте, извините, вы не могли бы Лиду пригласить?

– Чего? Какую тебе Лиду? Набирай номер правильно. Нет здесь такой.

Связь отключилась.

– Вот черт. Нет там никакой Лиды.

– Ну Люсю спроси.

Костя вновь набрал номер.

– Да! – все тот же хриплый голос.

– А Люсю можно?

– Это опять ты? А не пошел бы ты, парень?

– Подождите, не бросайте трубку, у вас номер такой? – Костя продиктовал цифры.

– Такой, и чего?

– Понимаете, я неразборчиво записал имя. С вами проживает девушка?

– Ленка-то? Дочь! Это она тебе номер дала?

– Не придумал же я его?

– Тогда нет ее.

– А когда будет? Или где мне найти ее?

– А чего ты к ней имеешь?

– Да ничего, просто познакомились, хотел еще раз встретиться.

– На работе она. Если невмоготу, ступай в кардиологию, третье отделение. Все. Больше не звони. У нее смена до утра.

– Спасибо.

Но хриплый абонент не слышал слов благодарности, опустив трубку на аппарат.

– Значит, Лена, – подвел итог Костя.

– Чего-то я не возьму в толк, с чего это ты заинтересовался какой-то Леной? Там Груша, а ты непонятно кем интересуешься.

– Ладно, Эдя, проехали. Давай по третьей, у меня дела.

Выпили и по третьей, последней. Эдик спросил:

– Когда встретимся?

– Будь дома. Я зайду или позвоню.

– Ладно. Тридцатку не дашь? Мои все выгребли.

Костя дал ему три десятирублевки и вышел.

Он поймал такси, отправился в областной кардиологический центр.

Время было раннее, центральный вход закрыт. Попасть внутрь больницы можно лишь через приемный покой.

Встретила его пожилая женщина.

– Что вы хотели, молодой человек? Вам нужна помощь?

– Нет. Понимаете, тут такое дело, мне необходимо увидеть одну девушку.

– Понимаю. Но посещение больных в Центре строго регламентировано. С расписанием можете ознакомиться на выходе.

– Она не больна. Работает здесь.

– Тогда тем более. Человек на смене, у нее дела. Закончит работу, и увидите.

– Да не могу я ждать. Здесь такое дело, – пошел на хитрость Костя, – я вчера подвозил вашу сотрудницу. По пути рассказала, что работает здесь. Выходя из машины, она выронила кошелек, в нем триста рублей. Я решил вернуть деньги, а времени в обрез, мне необходимо на несколько дней уехать из города.

– Да? – Женщина недоверчиво посмотрела поверх очков. – Это другое дело. Триста рублей для нас не шутка. Как фамилия девушки?

– Ну, так близко мы не знакомились. Знаю, что зовут Леной, работает в третьем отделении.

– В третьем? Что-то не припоминаю, наверное, недавно у нас. Молоденькая?

– Моего возраста примерно.

– Хорошо, подождите здесь, постараюсь найти вашу Лену.

Когда за женщиной закрылась дверь, Костя отчего-то почувствовал себя неловко. И это было что-то новое.

Ждать пришлось недолго.

Скоро дверь отворилась, в приемную комнату вышла симпатичная девушка в строгом медицинском костюме.

«Она», – узнал Костя. Память сработала на раздражитель, и кое-что он вспомнил. Вспомнил, как именно ее пригласил танцевать, предлагал составить компанию.

– Ты? – очень удивилась девушка.

– Я.

– Вот уж кого не ожидала больше встретить.

– Тем не менее.

– Что тебя привело ко мне? Мы же, по-моему, расстались, о встрече не договариваясь? И как ты нашел меня? Хотя понятно, воспользовался номером, который я опрометчиво дала. О чем вскоре пожалела. Отчим тоже хорош – объяснил где найти, ведь просила же никому не говорить!

– Лен, давай выйдем на улицу, неудобно как-то здесь...

– Зачем?

– Поговорим.

– О чем?

– Ну что ты в самом деле? Пойдем. Не съем же я тебя?

Девушка на секунду задумалась.

– Хорошо! Но только на несколько минут, я очень занята.

– Больше и не потребуется.

Они вышли, присели на лавочку.

– Лен! Не люблю я кружить вокруг да около. Поэтому спрошу прямо, что тогда, на дискотеке, или после нее было? Как встретил тебя – помню, дальше – темный лес.

– Ну и оставался бы в лесу. Зачем тебе знать, что вчера было?

– Не знаю, как тебе объяснить, но чувствую я себя как-то дискомфортно. Сразу, как проснулся, вспомнил о тебе. Почему? Не знаю. Что-то вот осталось, наверное, в подсознании, какое-то приятное воспоминание. Поэтому и спрашиваю.

– А ничего не было. Ты был пьян на порядок сильнее, чем сейчас, но сначала вел себя прилично. Тогда я, дура, тебе и телефон дала. Знала бы, что будет дальше, получил бы ты от ворот поворот. Потом распинаться начал, какой ты крутой, при деньгах, две сотни совал мне. Предлагал переспать. Я от тебя, ты за мной, только на улице и отвязалась. Вот что было. Ничего сверхъестественного, правда? Ну ладно, получил ответ? Тогда прощай. Домой не звони, пожалуйста, и не ищи встреч. Нет у меня времени и желания встречаться с тобой. Пока.

Девушка встала и направилась к больничному корпусу.

– Лен! Да подожди ты. Я, может, извиниться хочу. Лен?

Лена на ходу обернулась:

– Ни к чему это. Никому твои извинения не нужны. Ни мне, ни тебе.

Она вошла в приемный покой, оставив Костю одного перед дверью.

Тот в сердцах ударил по ней ногой.

Смотри какая! Корчит недотрогу. Он еще перед ней стелется. Плебейка! Ругаясь про себя, Константин вышел за ограду больничного комплекса.

На душе стало муторно. Он огляделся, ища глазами «рюмочную», но подобных заведений здесь, видимо, не было. Поймал такси.

– В центр.

– Куда именно? Центр большой.

– К Кремлю.

– Полтинник готовь?

– Поехали.

Выйдя у кремлевского парка, Костя зашел в забегаловку, где его хорошо знали. Бармен – бывший одноклассник Денис – приветливо махнул рукой, приглашая к стойке.

– Проблемы, Кость?

– С чего ты взял?

– Видок у тебя... не того.

– Перебрал вчера.

– Чем лечиться будем? Водочку, бормотушку или, может, пивком оттянешься?

– Водки. Двести.

Видя, что бывший одноклассник не в духе, Денис не стал продолжать разговор. К тому же зашли посетители. Костя попросил еще столько же водки и сел за столик. Спиртное ударило в голову, но настроения не подняло.

Перед глазами стояла Лена.

Как она с ним разговаривала? С каким-то превосходством, даже пренебрежением. Странно, но Костя чувствовал себя виноватым. Но следует признать – девка-то молодец. Знает себе цену. И симпатичная. Никакой косметики, маникюра, наращенных ногтей в отличие от размалеванных подруг, с которыми он общался с тех пор, как познал женщину. Он-то и мужчиной стал со шлюхой. А эта? Эта – другое дело.

Но почему она так задела его, почему остается в мыслях? Ведь разобрались же. Она его презирает, это факт. Почему засела в сердце? А может, потому и засела и мучает его, что не такая, как все?

Костя допил водку. И почувствовал, что хватил лишку.

Предметы бара стали расплываться, Денис за стойкой раздвоился, потянуло в сон.

– Денис! – заплетающимся языком позвал Костя.

Тот подошел.

– Чего-то меня, Дэн, развезло, вызови тачку, отправь домой.

– Рассчитаешься сейчас или записать?

– А? Совсем чердак едет, конечно, сейчас.

Он достал сотенную.

– Вызови такси.

– Тебя грузчик наш отвезет, у него «шаха» здесь. Пошли во двор.

Качаясь на одеревеневших ногах, Костя вышел во двор, рухнул на заднее сиденье, и через полчаса водитель передал тело домработнице.

Разбудила его, лежащего одетым на софе в зале, мать, вернувшаяся из университета.

– Ты что же делаешь? Мне про природу заливал, а сам? Нажрался, как последняя скотина, да еще с утра. Смотреть на тебя противно.

– Мам, отстань, и так плохо.

– Нет, а ты что хотел? И учти, никакой похмелки я тебе не дам и никуда из дома не выпущу. Раздевайся, прими душ и в постель.

Раздался телефонный звонок. Анна Сергеевна подняла трубку:

– Алло!.. Эдик?.. Дома. Нет, Эдя, он не может выйти, не в состоянии... вот именно... так что вы сегодня без него... Хорошо, хорошо. До свидания.

В любой другой ситуации Костя ни за что не позволил бы матери решать за него – идти ли ему к друзьям или нет. Просто снял бы трубку параллельного телефона. Но сегодня ему было не до Эдика, и он равнодушно воспринял ответ матери. Сейчас ему самому не хотелось никуда идти. Не хотелось ни веселья, ни водки. Единственное, что он сделал бы с удовольствием, так это просто поговорил бы с Леной, но это было невозможно. А посему Костя подчинился матери, ушел в свою комнату и лег в постель.

Анна Сергеевна удивилась спокойному послушанию сына. Она готова была к скандалу, к оскорблениям, к тому, что сын все равно поступит по-своему и уйдет. Но тот поступил иначе, Костя послушался ее, и это обстоятельство вселило в Анну Сергеевну беспокойство. Она вскоре подошла к постели, присела.

– Что-нибудь случилось, Костя?

– Ничего.

– Не надо лгать матери.

– Я говорю правду.

– Но такого никогда не было. Чтобы ты послушал меня с первого слова.

– Все тебе не так. Иди встречай отчима, я хочу побыть один.

– Ты не заболел?

– Я всегда болею, когда перепью.

В полном недоумении Анна Сергеевна вышла из комнаты.

Пришел с работы Григорий Максимович. Супруга поспешила к нему с новостью о поведении Кости.

– Натворил, наверное, опять чего-нибудь, вот и прячется. Я, кстати, с нашим участковым встретился сегодня. Приходил в мэрию специально ко мне. Каково?

– Зачем?

– С просьбой, чтобы приструнили сыночка. Тюрьма по нему плачет, если не прекратит пьяные выходки.

– Какие выходки, Гриша?

– А ты загляни на досуге в милицию. Там тебе расскажут. Этот участковый, видишь ли, только из уважения ко мне и тебе отмазывает, как он выразился, нашего засранца. То Костик морду в кабаке кому-то разобьет, то на стене напишет похабщину, то телефонную будку опрокинет. Там у участкового много чего. И Костик всегда мной прикрывается – таскает с собой мою визитку. Ты понимаешь, как он меня подставляет?

– Но, Гриша, почему об этом я узнаю только сегодня?

– А ты думаешь, когда я узнал? Вчера? После сегодняшнего визита капитана и узнал. Это хорошо, что Костик дома, я сейчас проведу с ним беседу.

– Не сегодня, Гриша. Придет в нормальное состояние, тогда вместе и поговорим.

– Ты лелеешь надежду, что Константин когда-нибудь вернется в нормальное состояние?

– Гриш! Давай прекратим этот разговор. Я знаю, что говорю. – Когда было надо, Анна Сергеевна могла быть непреклонной и властной.

* * *

Сегодня вместо обычного совещания в части был назначен товарищеский суд чести младших офицеров. Рассматривалось дело старшего лейтенанта Доронина Александра Владимировича, которое состояло из нескольких пунктов, но доминирующим было обвинение в превышении командиром роты своих полномочий. Ну, конечно, до кучи, и употребление спиртных напитков в служебное время, как будто у офицера есть какое-то другое время, и отказ заступить в наряд. И еще много чего, вытасченное на свет божий из объемной записной книжки бдительного заместителя командира части по воспитательной работе – майора Куделина.

И кому какое дело, что выпил Доронин, встретив своего однокурсника на сборах, и всего сто граммов? Было? Было. И то, что отказался заступить в наряд вместо «скосившего» под больного сына начальника штаба округа? Опять-таки. Было? Было.

А превышение власти? В чем? В том, что въехал в челюсть одному подчиненному, распоясавшемуся сержанту? Сержанту, который заставлял молодых солдат закапывать на двухметровую глубину случайно брошенный мимо урны окурки? Конечно, юридически он не имел права трогать сержанта Шульгина. Но этот тип являл собой образец мерзости и цинизма. С каким-то садистским упоением он унижал тех, кто был моложе по срокам службы и слабее его.

И разве Доронин не пытался по-хорошему урезонить сержанта? Не проводил беседы? Не наказывал дисциплинарно? Но куда там! Шульгин только нагло смотрел в глаза – говори, мол, говори, золотая рыбка, ничего ты мне сделать не сможешь. И разве не подавал Доронин рапорт о проступках сержанта вышестоящему командованию? Подавал. А результат? Нулевой. Воспитывай, ты на то и поставлен. Вот и провел Доронин воспитательную работу. Один удар – и Шульгин тут же обнаружил, что он на самом деле представляет. Куда спесь девалась? Хотел узнать, что я смогу ему сделать? А вот что. И так будет постоянно, пока не поймет, что вокруг него люди, а не рабы.

А зам по воспитательной, понятное дело, тут как тут. Еще бы, ЧП в части. Доложили ему в момент, и немудрено – развел «стукачей» на всех уровнях. И тут же раздул дело до суда.

Хорошо, что еще командир – человек с понятием, бывший афганец, суровый, но справедливый офицер. И бурная деятельность его зама, которого какая-то высокая рука поставила на эту должность, чтобы затем рвануть вверх, была командиру не «в жилу». Это чувствовалось в их отношениях – холодных, неприязненных.

Поэтому, может быть, Смирнов как-то, вызвав его, Доронина, на беседу, посоветовал не связываться с замполитом – как по старинке продолжали называть замов по воспитательной.

Да черт с ним, с замполитом, но под его защитой наглеют старослужащие, пытающиеся установить свой диктат в подразделениях. И в какой-то степени это им удается.

Доронин посмотрел на время. Пора выдвигаться. Подойдя к клубу, он встретился с сослуживцами, которые курили, собравшись кучами. Его позвал Вова Чирков – командир инженерно-саперной роты.

– Что, Сань, готов к промыванию мозгов?

– Ты знаешь, где я видал это промывание.

– Это понятно. Непонятно другое, с чего к тебе так прочно прицепился Куделин? В части подобных случаев было да и есть до черта. Но все заминали до сих пор. А тут решили вдруг предать огласке? Для чего? Да, по сути, и предавать-то нечего. Подумаешь, въехал козлу по морде. Мои архаровцы иногда так доведут, что всех готов порвать.

– Все, Вова, здесь понятно. И дело не в том, что я ударил подчиненного или дернул по сотке. Неудобен я. Должность занимаю, а замполиту надо своих, нужных ему людей продвигать. Возьми Панкратова. Папа – в Академии Генерального штаба, генерал, а сын – взводный. Но должности заняты! Как продвинуть парня? Надо освободить место и положить Панкратова на роту, хотя ему и взводом-то командовать рановато. Глядишь, папа и вспомнит добрым словом того, кто сынка бестолкового к очередной звездочке протолкнул. Или Кудецкий? Вместо него меня в наряд пытались засунуть. Он будет бухать и класть на всех с прибором, а я за него лямку тянуть? Уже... Как говорит мой нерусский старшина – такой сикиш не канает. Но Кудецкого не тронули. Попробуй – все же сын начальника штаба округа. А Доронина? Отчего ж, его можно. Кудецкий, видишь ли, был только пьян, а я отказался выполнить приказ. Он, понимаешь, ни при чем. Виноват я.

– Ладно, Сань, не заводись. Тебя командир поддерживает. Не даст сожрать замполиту.

– Сейчас, может, и не даст, но Куделин и под командира копает. А что этот козел задумает, того добиваться будет всеми способами.

Разговор офицеров был прерван командой ЗНШ – заместителя начальника штаба:

– Товарищи офицеры, кончай курить. Прошу всех в клуб.

Офицеры потянулись в зал. По ходу суда Доронину отводилась особая роль, и зайти он мог одним из последних. Поэтому Александр остался на улице, тем более что командование еще не подошло.

Как вести себя на суде? Агрессивно защищаться? Или играть в молчанку? В любом случае решение по нему уже принято, осталось только разыграть спектакль. Молчать будет трудновато – все же обвинения против него сильно притянуты за уши, поэтому-то и обидны.

За размышлениями он не заметил, как от штаба подошел командир в окружении заместителей. Смирнов пропустил, как положено, замов вперед, сам подошел к Доронину.

– Ну что, Доронин, особого приглашения ждешь? Готов к суду?

– Я-то готов, товарищ подполковник, только несправедливо все это. Вам не кажется?

– Казаться мне, Доронин, по должности не положено, но я предупреждал тебя – держись от Куделина подальше.

– Так мы что, в разных армиях служим? Почему я должен просчитывать каждый свой шаг, боясь попасть на заметку какому-то уроду?

– Все! Прекрати. Не заводись – себе хуже сделаешь. И болтай поменьше. Куделина речами не проймешь. Отмолчись. Дальше посмотрим.

Доронин вошел в клуб, присел на крайнее кресло предпоследнего ряда.

Следом зашел командир. Он занял место в президиуме, но не Смирнов играл сегодня первую скрипку, зам по воспитательной.

– Товарищи члены суда младших офицеров, прошу занять свои места.

Когда команда была выполнена, замполит обвел взглядом аудиторию.

– Доронин? Старший лейтенант Доронин?

– Я. – Александр встал.

– Вы что, Доронин, первый раз замужем? Проходите и займите свое место.

Александр прошел через весь зал и остановился рядом со специально поставленным стулом, под президиумом, перед залом.

– Вот так, садитесь на стул позора.

– Не волнуйтесь, товарищ майор, я постою.

– Доронин! Здесь вам не цирк, – настаивал замполит, – а суд, пусть и товарищеский, так что извольте выполнять правила. Стул позора и предназначен для того, чтобы на нем сидел тот, кто коллективом предан позору.

– Сказал постою, значит, постою, и нечего меня уламывать.

– Товарищ подполковник! Обращаюсь к вам как к командиру. Сами видите, как ведет себя Доронин.

– Майор! По-моему, вы затягиваете. Если вам не дорого свое время, то пожалейте время подчиненных. Начинайте.

Зам по воспитательной с трудом проглотил пренебрежительный тон подполковника Смирнова, но, сдержавшись, продолжил исполнять отведенную ему роль.

– Что ж, Доронин, командир сделал для вас исключение. Но на то он и командир.

– Товарищ майор, – донеслось из зала, – ну на самом деле, давайте по теме, чего кота за хвост тянуть?

– Я попрошу нетерпеливых свое мнение попридержать при себе и не позволю превращать серьезное мероприятие в балаган. Начинайте, – обратился он к председателю суда – одному из командиров рот, капитану Березкину.

Тот начал:

– Товарищи офицеры! Мы с вами сегодня обсуждаем проступки, совершенные нашим сослуживцем, командиром пятой роты, старшим лейтенантом Дорониным Александром Владимировичем. Первое – это избиение сержанта Шульгина на глазах у подчиненных. Что вы можете, товарищ старший лейтенант, сказать по этому поводу?

– Если вы считаете, что один удар в порыве гнева по уважительной, поверьте, причине – избиение, то тогда вообще о чем можно говорить? Прошу точнее сформулировать обвинения в мой адрес.

– Товарищ старший лейтенант, какая разница – один вы нанесли удар, два ли, но вы ударили своего подчиненного?

– Да, ударил.

– Другие подчиненные рядового состава при этом присутствовали?

– Да, присутствовали.

– И как же вы оцениваете свой поступок?

– Если вы хотите этим вопросом спросить, ударил бы я сержанта вновь, повторись та же ситуация? Отвечаю – да, ударил бы. Или, по-вашему, я должен был со стороны наблюдать, как сержант издевается над молодыми солдатами?

– Как у вас складно получается, – вступил в разговор Куделин. – Товарищ подполковник, товарищи офицеры, довожу до вашего сведения, что по случаю физического оскорбления сержанта Шульгина проводилось служебное расследование и фактов, подтверждающих то, что сержант издевался над «молодыми», как здесь выражается так называемый командир роты, не обнаружено. Стыдно, старший лейтенант, прибегать ко лжи во спасение своей изрядно подмоченной репутации. Стыдно и недостойно офицера.

– Вы проводили дознание и факты не подтвердились? А что вы ждали? Да кто же вам правду скажет о Шульгине? Ведь всему личному составу известно, что он ваш, товарищ майор, осведомитель.

– Что-о? Что вы сказали? Вы в своем уме? Или опять пьяны? Вы понимаете, в чем только что меня обвинили? Товарищ подполковник, товарищи офицеры, я обращаю ваше внимание на слова этого негодяя. Вы еще ответите за свои слова, Доронин, ответите.

– Я-то отвечу, но и вам придется извиниться за негодяя. И что это так вы взвились? Или я сказал что-то из ряда вон выходящее? По-моему, всем известно, как вы проводите воспитательную работу, на чем ее основываете.

– Товарищи офицеры! Майор Куделин! Не забываетесь, что вы находитесь на суде чести. Ваши пререкания никому не нужны, а вы, товарищ Березкин, исполняйте свои обязанности, – высказался раздраженный командир.

– Да о какой чести вы, товарищ подполковник, говорите, – не унимался Куделин, – вы посмотрите на поведение Доронина, он же всем нам бросает вызов своим поведением.

– Это у тебя, майор, где честь должна быть, кое-что выросло. Воспитатель гребаный. Ведь приняли решение убрать институт замполитов, так нет, попробуй тронь эту касту. Хрен возьмешь.

– Доронин? Что за поведение, твою мать? – вышел из себя командир. – А ну прекрати немедленно! Ты можешь не уважать конкретную личность, но погоны старшего офицера уважать обязан. И обращаюсь ко всем – не прекратите сами эту порнографию, я ее прекращу.

Побледневший Куделин не стал продолжать перепалку, уткнулся в записную книжку и принялся что-то быстро в нее заносить.

Наконец капитан Березкин решил взять ведение собрания в свои руки.

– Вам, Доронин, был задан вопрос – как вы оцениваете свой поступок, но вразумительного ответа собрание так и не получило. Вам слово.

– А мне нечего сказать. Считайте, что от объяснения по всем пунктам я отказываюсь. Можете начинать обсуждение.

– Это ваше право. Товарищи офицеры, кто желает выступить?

В зале царило молчание, никто особого желания высказаться, видимо, не испытывал.

– Что, нет желающих?

– Разрешите мне, – подал голос Чирков.

– Слово предоставляется командиру инженерно-саперной роты старшему лейтенанту Чиркову.

– Товарищи офицеры. Не знаю, как вы, но я не пойму, из-за чего мы тут собрались.

– Пожалуйста, еще один комик, – проговорил как бы про себя Куделин, но так, чтобы его услышали.

– Это вы про себя, товарищ майор? – не остался в долгу Чирков.

– И вы туда же, Чирков? Ну-ну, далеко пойдете.

Командир привстал – обвел взглядом аудиторию и, ничего не сказав, сел на место.

Было заметно, что он сильно раздражен.

– Я не хочу препираться с замполитом, – продолжал Чирков, – и определять кто есть кто. Скажу по существу данного, неудачно разыгранного спектакля. Ради чего мы здесь? Что обсуждать? Что Доронин совершил преступление? Ударил сержанта? А за что? За то, что тот издевался над «молодыми», хоть и хочет все по-другому представить майор Куделин. Я знаю, что творит этот Шульгин, и, будь на месте Доронина, тоже набил бы ему морду. Да что об этом говорить? Все мы прекрасно видим, что наш коллектив с приходом в часть Куделина разделился на два лагеря. И «дедовщина» процветает там, где есть такие вот сержанты, которые входят в своеобразный актив замполита.

Куделин хотел что-то сказать, но его опередил лейтенант Панкратов:

– Товарищи офицеры, это что получается? Что мы совершенно игнорируем субординацию и, вместо того чтобы обсуждать проступки Доронина, свою оценку которых я дам ниже, обсуждаем старшего офицера? Что нам не положено по Уставу. Поэтому считаю, что такое

поведение непозволительно, и призываю всех выступать по теме. Теперь скажу свое мнение о том, что совершил Доронин. А поступил он подло. Иначе назвать его поступок не могу. В арсенале офицера много возможностей навести в подразделении порядок. Но Доронин предпочитает мордобой, тем самым показывая личному составу губительный пример. И за это он должен понести суровое наказание.

– Панкрат, – фамильярно спросил уже порядком заведенный Чирков, – а у тебя во взводе что творится, ты знаешь? Или тебе некогда? Хотя откуда тебе знать? Ты же постоянно на вызове у Куделина. А во взводе у тебя правит сержант и отдувается за все ротный. Не знаю, как он еще терпит подобное. Не знаю, но понимаю – ведь ты же под патронажем Куделина. Тебя трогать – себе дорожке выйдет. Так что тебе ли обсуждать Доронина? Садись лучше – свое ты на сегодня уже отслужил хозяину.

– Старший лейтенант Чирков! – В голосе Куделина звучали металлические нотки, он смотрел на командира роты холодными, змеиными глазками. – Если вы офицер, то подпишитесь под своими словами, и мы с вами разберемся где следует.

– Не волнуйся, майор, я за свои слова отвечу. Смотри, как бы тебе за свои дела не пришлось ответ держать. Считаешь, что все можешь? Смотри, не переоцени себя и своих покровителей.

– Чирков! А ну сядь на место, – приказал подполковник Смирнов. – Да что это такое происходит? Вы что? С ума все походили? Вы же офицеры. Нет, видимо, придется мне принять активные меры. Распоясались. Ну что ты, Березкин, на меня смотришь? Будете продолжать заседание?

– Товарищи офицеры, кто еще желает выступить?

Поднялся майор Куделин.

– Я буду краток. Не скрою, что по факту проступков Доронина я сделал свое предложение командиру части – отстранить старшего лейтенанта от командования ротой до принятия решения вышестоящим командованием, но после того, как вел себя Доронин на собрании, – изменил свое решение. Я считаю, что таким, как он, не место в Вооруженных силах, и буду ходатайствовать о его увольнении.

– Да? Уволить меня хочешь? А вот это не видел?

Доронин согнул правую руку в локте и ударил по ней левой.

– Ну все! Хватит! – Командир стукнул ладонью по столу и поднялся. – Властью, данной мне, я прекращаю суд. О времени нового заседания будет объявлено дополнительно. Все, кроме Доронина и Чиркова, свободны.

Клуб через несколько минут опустел. Куделин хотел было остаться, но Смирнов проводил его.

– Товарищ майор, вас попрошу дождаться меня в служебном кабинете.

– Есть! – сухо ответил Куделин и с недовольным видом удалился.

Когда командир, Доронин и Чирков остались одни, Смирнов взорвался:

– Вы что, мальчишки? Обнаглели совсем? Как вы смели?

– А что «смели», товарищ подполковник? – ответил Доронин. – Правду сказать? Не по вкусу пришлось? Или вы не видите, что в части происходит? Замполит себя над всеми поставил, превратил часть в натуральный дурдом.

– И потом, товарищ подполковник, – поддержал друга Чирков, – из-за чего вся эта карусель вокруг Доронина? Вы-то должны знать. Ведь ясно, что Куделину рота нужна, должность свободная, чтобы Панкрата протолкнуть.

– Все сказали? Значит, Куделин во всем виноват? А вы – ангелы с крылышками? Ты, Чирков, спрашиваешь, из-за чего закрутилась карусель вокруг Доронина? А не сам ли Доронин дал повод для этого? Не дай он в морду сержанту, а посади на гауптвахту, как положено, и все было бы иначе. Не попадись он с пьянкой...

– Да какой пьянкой, товарищ подполковник?

– Молчи! Ты свое уже высказал. Не попадись, повторяю, с пьянкой, тоже не было бы ничего. Не пошли он на три буквы посыльного, а заступи на службу, и здесь ничего бы не было. Не было бы у Куделина против Доронина ничего. Так кто, в конце концов, виноват? Куделин, который, согласен, ведет себя подло? Или Доронин, который своим поведением провоцирует замполита? Но зам по воспитательной старше и по званию, и по должности, а в армии существует еще понятие о субординации. Видишь, что начальник «перегибает палку», – доложи вышестоящему командиру, а не посылай куда не следует. А вы распоясались, потеряли контроль над эмоциями. И ладно еще Доронин, его еще можно понять, правда, с большим натягом. Он защищался. И делал это не лучшим образом, мягко говоря. Ну а ты, Чирков, почему оскорбил старшего офицера? Какое имел право? Правды добиваетесь? Да ничего подобного. Так правды не добиваются. И какой, собственно, правды? Ведь формально Куделин во всем прав. Разве за Дорониным числится мало грешков? А, старлей? Да будь ты чист, Куделин ничего бы не смог предпринять, как бы этого ни хотел. В первую очередь надо уметь себя контролировать, а не переводить стрелки на других. Вот вы мне ответьте оба: зачем сами в петлю лезете? Не хотите служить? Рапорта на стол и до свидания! И нечего шоу устраивать, шоумены тоже мне...

Наступила короткая пауза. Командир закурил.

– Вы же училища заканчивали не затем, чтобы потом, получив диплом, «слинять» на «гражданку». Вы служить пришли. Я знаю. Научился, слава богу, в людях разбираться и видел в Афгане, как такие, как вы, героями становились, а панкратовы и куделины тихими мышами сроки отбывали. Так какого черта подставляете себя? Вы утверждаете, что я не вижу, что в части происходит. Ошибаетесь. Все вижу. И больно мне, понимаете, больно, а вы мне соли на раны не скупясь... Мы служить должны, людей воспитывать, долг свой исполнять. Посмотрите, кто к нам в последние годы приходит? Наркоманы, алкоголики, дистрофики, лица, ранее связанные с криминалом. Психически нездоровая молодежь. Может быть, я и утрирую, но это имеет место. И мы должны с ними работать. А в этих условиях нужны офицеры настоящие, преданные делу своему. Я почему защищаю вас? Потому что именно в вас вижу тот костяк, вокруг которого можно создать здоровый коллектив. За всей вашей раздолбанностью, внешней шелухой разгильдяйства скрывается истинная военная жилка, надежность, способность держать многоликий коллектив в готовности для выполнения боевой задачи. А вы? Да ладно!

Командир махнул рукой.

– Делайте что хотите, свободны.

Офицеры не торопились уходить.

– Ну что застыли? Сказал же – свободны.

– Извините, товарищ подполковник.

– Чего уж там. В себе разберитесь, передо мной что извиняться? О дальнейшем подумайте.

Командир подошел к краю сцены, вновь закурил, показывая, что разговор окончательно закончен.

Чирков с Дорониным тихо вышли из зала.

На улице шел мелкий дождь. На душе было пакостно. Шли по центральной аллее к КПП молча, каждый думал о своем.

Думал и командир, стоя на сцене один в большом зале клуба. И задача, которую ему предстояло решить, была непроста.

Зная паршивый, склочный характер своего заместителя по воспитательной работе, он ломал голову, как сгладить возникший конфликт. И решения пока не находил. Куделин, если еще удастся его уломать, непременно потребует, чтобы Доронин и Чирков публично извини-

лись. Офицеры этого не сделают, прекрасно понимая, что после извинений примирения не наступит.

Куделин, напротив, усилит нажим, почувствовав слабость оппонента. Такова его натура – безжалостно давить неугодных, подминая под себя, заставляя испытывать постоянную от него зависимость.

Если же не предпринимать ничего, то завтра в вышестоящий штаб полетит такая бумага, что реально встанет вопрос о немедленном увольнении Доронина и Чиркова.

Убедить Куделина не делать этого он, Смирнов, не сможет. Приказать? Тот тут же обжалует приказ. Вот, блин, загнали тоже занозу в часть. Быстрее продвигали бы его, что ли, выше, пока он здесь все не развалил своими интригами...

Значит, все же придется обратиться к Петровичу – генерал-полковнику Седову, – заместителю Главкома Сухопутных войск. Они были в дружеских отношениях еще с Афгана, когда капитан Смирнов прикрыл собой командира дивизии генерал-майора Седова, приняв на себя три пули душманского снайпера. После этого случая генерал чувствовал себя обязанным Смирнову.

Придется поставить Куделина в известность, что и он, Смирнов, может в случае необходимости сильно огрызнуться, сломать карьеру своему заму. Это был некрасивый ход, но вынужденный. Иначе сохранить Доронина и Чиркова для армии ему не удастся. А терять этих парней не хотелось.

Приняв решение, подполковник Смирнов направился в штаб, поднялся на второй этаж, зашел в кабинет своего заместителя, который ждал прихода командира, выполняя приказ.

Утром на разводе о вчерашнем происшествии не было сказано ни слова. Это обстоятельство удивило многих. Но более всего офицеров строевой части.

Никакого рапорта, докладной в вышестоящий штаб по линии майора Куделина не поступило.

Это было по меньшей мере странным. Все ожидали, что Доронина и Чиркова как минимум до окончания разбирательства и повторного суда чести отстранят от исполнения служебных обязанностей, но этого не произошло.

Не произошло ничего, и причин такого неожиданно спокойного исхода никто не знал, за исключением, естественно, Смирнова и Куделина.

Суд же вообще перенесли на неопределенный срок.

Жизнь продолжалась.

Доронин с Чирковым, как и остальные командиры подразделений, готовились к отправке в запас отслуживших положенное военнотружущих и к приему молодого пополнения. Сержант Шульгин увольнялся тоже, и это, в какой-то степени, смягчало противостояние. Но только смягчало.

* * *

Утром Костя, хоть и чувствовал себя еще неважно, стал собираться.

Анна Сергеевна поинтересовалась:

– Куда направляешься? К Эдику? Сам же обещал, что будешь отходить от пьянки?!

– А я что делаю? Не прошу же водки и денег не прошу. И не к Эдику иду, просто прогуляюсь и вернусь.

– Кость? Что с тобой случилось? Ты попал в неприятную историю? Тебе что-то угрожает? Или, может, денег задолжал? А?

– Мам, ну почему если я веду себя не как всегда, то у меня непременно должно что-то случиться? Ты не допускаешь, что я мог решить изменить свою жизнь? Вот так, взять и изменить?

- Подожди, подожди, уж не влюбился ты случаем?
- Не волнуйся. Мне это, наверное, не грозит, здесь я весь в тебя.
- Что ты хочешь этим сказать?

– А разве ты отчима любишь? Или любила раньше? Он тебе просто для выживания нужен был, вот и пошла за него. Про отца говорить не буду, не знаю, но сомневаюсь, что и его ты любила. Извини, конечно, но это на самом деле так.

Анна Сергеевна слушала и понимала, что Костя не ерничает, не издевается, он говорит то, что думает. Она ответила:

- Моя любовь, вся моя жизнь – это ты. Понял? Остальное не в счет.
- В том-то дело, что не в счет. Не будем продолжать. Пошел я.
- Возьми хоть на сигареты.
- У меня есть, – уже с площадки ответил Костя.

Анна Сергеевна, закрыв дверь, присела на пуф. Неужели сын влюбился? Конечно, это должно было когда-то произойти, но так неожиданно? Еще вчера утром он был обычным Костей, каким она привыкла его видеть. Сегодня уже другое дело. Ей так не хотелось делить сына, свою единственную любовь, с другой женщиной. Но поделаться Анна Сергеевна ничего не могла. Оставалась надежда, что не любовь заполнила сердце Кости, а легкое увлечение, которое быстро пройдет, и все встанет на свои места.

Костя ждал Лену. Еще пятнадцать минут до окончания смены. Он сидел на скамейке у самых ворот больничного комплекса и курил.

Лена вышла в обществе подруг, таких же молодых, как и сама. Они о чем-то щебетали, перебивая друг друга. Отработанные сутки, казалось, никак на них не повлияли, молодость давала знать о себе. Девушки были жизнерадостны и легки. Когда они поравнялись с Костей, тот окликнул:

- Лена?
- Лена остановилась и обернулась на голос.
- Это я, Лен.
- Ты? Зачем? Я же просила...
- Проводить тебя хочу.
- Больше ничего?
- Нет.
- Мне провожатые не нужны.
- Лен? Ну хорош выпендриваться. Всего лишь прошу – пройтись рядом.

Лена оценивающе посмотрела на него, нахмурив брови. И получилось это так забавно, что Костя невольно улыбнулся.

- Ты чему улыбаешься? С головой неполадок?
- Не идет тебе хмуриться. Смешно выглядишь.
- Ты никак сегодня трезвый?
- Абсолютно.
- Что так? Деньги у «крутого» кончились? Мама не дала?

– Лен! Зачем ты стремишься сделать мне больно?! Мстишь за то, что я когда-то наговорил тебе по пьянке?

- Лен, – донеслось от трамвайной остановки, – «девятка» идет, ты едешь?

Костя напрягся, ждал, как поступит девушка. Уйдет – тогда конец, больше он ее не увидит, вернется в тот мир пьянства и разврата, и будь что будет. Останется, тогда...

– Езжайте, я пешком пройду, – ответила Лена подругам, и Костя вздохнул с облегчением. Осталась. – Ну что вздыхаешь? Провожай, коль запросился.

- Костя взял ее пакет, они вышли за ворота.
- Ты вообще чем занимаешься? – спросила Лена.

Что было на это ответить?

– Готовлюсь к поступлению в университет.

– Хорошая подготовка – пьянство.

– Да ты видела меня выпившим всего один раз.

– Выпившим – один, вчера. Пьяным еще один, позавчера. А всего видела тебя два раза.

– Да это так, мы просто расслаблялись.

– Где же так перетрудились? Слушай, а чего тебя ко мне потянуло? У вас же компания.

И девицы всегда рядом, готовые на все. Или те поистаскались и тебе захотелось свеженького?

– Я не знаю, чего меня потянуло к тебе. Потянуло, и все.

– Ты еще в любви признайся, с первого взгляда.

– А ты не веришь в такую любовь?

– Нет.

– Может, и права.

– А про отчима из мэрии и маму-профессора ты мне правду сказал или тоже мозги парил?

– Правду.

– Знаешь, как тебя можно охарактеризовать?

– Как?

– Самовлюбленный, капризный, молодой, но уже пресыщенный самец.

– Тебе доставляет удовольствие унижать меня?

– Если скажу «да» – обидишься? Уйдешь?

– Не уйду. Но ты не права, не совсем права. Ты же совсем меня не знаешь! А делаешь

категоричные выводы.

– Знаю я вас таких.

– И богатый опыт?

– А как бы тебе хотелось? – Костя промолчал. Девушка продолжила: – Я не в том смысле.

Просто много сейчас таких, как ты. Полные дискотеки. Кичитесь друг перед другом, как павлины. Одежда – что ты, фирма. А сам, своими руками или мозгами, хоть рубль заработал?

– Ладно. Пусть я такой, каким ты видишь меня. Пусть я не заработал ни копейки, так почему до конца не послала меня куда подальше? А идешь рядом? Почему?

– Посылала, так ведь не пошел? А почему иду рядом – сама не пойму.

– Все ты понимаешь. Просто тебе доставляет наслаждение оскорблять меня. Мстить. И побольнее. А я серьезно хочу попросить у тебя прощения за то, что вел себя по-хамски тогда, на дискотеке.

– Ладно, Кость, мы пришли.

Константин оглянулся – вокруг парк.

– До дома провожать не надо, давай расстанемся здесь.

– Как скажешь.

– Да? Как же ты не похож на того «супера» с дискотеки. Только вот что в тебе настоящее?

Сегодняшнее поведение или пьяные выходки и то, что за ними следует?

– А ты проверь. Давай встречаться. Все и поймешь.

– Почему ты так самоуверен? Может быть, у меня есть парень и мы любим друг друга?

Такую возможность ты не допускаешь? Или тебе все до фени и парень не проблема?

– Я допускаю, что у тебя может кто-то быть. Но тогда так и скажи. Только правду, я отстану.

– Не скажу.

– Значит, нет никого.

– Это неважно.

– Для меня важно.

– Дело твое. Мне без разницы. Все, пора домой.

- Подожди, Лен! Давай вечером встретимся?
- На дискотеке «У Паши»? В кругу твоих дружков?
- Нет. На Кремлевской площади. Погуляем среди старины.

Лена думала недолго.

– Хорошо. Но уговор, в дальнейшем домой мне не звонить, возле работы не встречать, тем более вызывать.

- Как же я тогда увижу тебя?
- Я еще не решила, стоит ли нам встречаться.
- Но на сегодня договорились?
- Приду, раз обещала. Во сколько?
- Определи сама, как тебе удобно.
- Тогда в семь вечера.

Костя остался в парке. Платком вытер вдруг запотевший лоб.

Что происходит с ним? Почему он, Костя, который ко всем относился с пренебрежением, внезапно подчинился этой хрупкой девушке? Но сердце обволокла теплая приятная волна, и это ощущение посетило его впервые. И вокруг стало как бы светлее, ни о ком, кроме Лены, не хотелось думать, и вообще ему было просто хорошо.

До вечера оставалась уйма времени – весь день. Чем заняться? Пойти к Эдику? Но тот пьянкой достанет, а ему нельзя, да и не хотелось. А простого разговора не получится. Пойти домой? Там в обществе Зинаиды вообще с ума спрыгнешь. Домработница нытьем да упреками достанет. Мол, доводит он родителей до ручки. Вот у нее, Зинаиды, сын – курсант Академии МВД. Скоро при большой должности будет. И он ей в отличие от Кости хлопот не доставляет, одни радости. Ну и дальше в том же духе.

Вот черт! И пойти-то некуда.

Все же, так ничего и не придумав, он отправился домой.

Там его ждал разъяренный отчим.

– Явился?

– Чего тебе-то от меня надо?

– Чего надо? Нет, вы только посмотрите на него. Чего надо? Ты до каких пор позорить меня будешь? Вот уже где сидят твои выходки, – Григорий Максимович ударил себя по шее, – постоянные пьянки, дебоши. Меня, второго человека в городе, каждая мелочь пытается ущипнуть. «А сын-то у вас, Григорий Максимович, того, хулиган!» – скопировал отчим чью-то речь.

– Когда все это было? И отец за сына не ответчик, тем более отчим.

– Вырастили на свою голову. Воспитали.

– Во-во, тут ты прав на все сто. Я – результат вашего воспитания. Другим я не стану, так чего попусту напрягаться? Работай в своей мэрии и посылай всех на хер, при твоей должности это несложно.

– Я, значит, должен работать, а ты балдеть? На мои, кстати, деньги! И при этом подставлять меня? Так?

– Слушай, надоел ты мне. Я живу как хочу, делаю что хочу, встречаюсь с кем хочу, понял? И ты ничего не изменишь. Денег не дашь? Обойдусь. Чего зря базарить?

– Ну наглец, ну негодяй, – чуть не задохнулся от возмущения Григорий Максимович, – вот свинья неблагодарная. За мой счет живет и меня же еще и посылает.

– Я тебя еще не посылал.

– Ну ладно, хорошо, без денег ты обойдешься? Отлично. Больше от меня ты не получишь ни копейки, посмотрю, как ты вскоре запоешь.

– Смотри сколько хочешь. – Костя зашел к себе в комнату, включил магнитофон, чтобы не слышать продолжающихся причитаний отчима.

«Вот тоже домотался. Видать, хорошо ему стуканули на меня, раз так разошелся. Денег он не даст. Испугал». На сегодня у Кости осталось три сотни, о дальнейшем думать не хотелось. Если что, мать выручит.

Так под размышления о насущном, под аккомпанемент инструментальной музыки и пробивающегося недовольного ворчания отчима Костя уснул.

И снились ему зеленое бескрайнее поле, полное цветов, и Лена, с которой он кружится в танце и ловит ее веселый, счастливый смех.

Вечером, ровно в 19.00, они встретились. Затем долго бродили среди древних строений Кремля, и Косте все больше нравилась эта девушка, да и Лена посмотрела на юношу другими глазами.

С этого дня они стали встречаться каждый свободный вечер. Костя почти перестал пить, общение с Эдиком свелось к редким телефонным звонкам.

Все больше длинными ночами он анализировал свою короткую жизнь и признавал ее неправильной и пустой. И хотя мать ежедневно выделяла ему средства, брать их становилось стыдно. Но он брал, оправдывая себя мыслью, что поступит в университет, получит образование и тогда сам сможет зарабатывать и помогать матери.

Все так и продолжалось бы, если бы не нелепый случай, изменивший судьбу Константина и Лены.

Однажды поздно вечером, возвращаясь с прогулки, они проходили мимо цветочных ларьков, выстроившихся возле отеля.

Торговали в них по большей части выходцы с Кавказа.

Заметив, как Лена посмотрела на цветы, Костя подошел к одному из ларьков, в окошке которого красовалась усатая физиономия. Вокруг ларьков стоял плотный запах дыма анаши.

– Сделай-ка мне букетик, – попросил Костя.

– Конечно, дорогой, какой хочешь? Есть гвоздик, роза тоже есть, выбирай, да?

– Лен! – обернувшись к девушке, крикнул Костя. – Ты что предпочитаешь, розы или гвоздики?

– Да не надо ничего, Кость.

– И все же?

– Розы.

– Давай розы, вон, как тот букет, с папоротником.

– Какой разговор? Сейчас сделаем.

Кавказец скрылся внутри ларька – собирать букет.

Костя полез в карман за деньгами, и... о, черт! Он же надел брюки, а деньги остались в джинсах. Вот, блин, незадача.

Продавец вернулся к окошку.

– Двести рублей.

– Пойдет. Но тут такое дело, брат. Я деньги дома оставил. Так вышло, понимаешь? Ты мне дай букет, а я тебе утром с процентами заплачу, я здесь постоянно с пацанами тусуюсь, – стараясь говорить тихо, упрасивал кавказца Костя.

– Э-э? Ты что, за лоха меня держишь? За дурака считаешь? Букет надо? Плати деньги. Нет деньги, иди отсюда.

– Ну послушай, брат!

– Э! Какой я тебе брат? Сказал же – иди отсюда, – ответил продавец и смачно, зло выругался на незнакомом языке.

– Кость? – позвала Лена. Она почувствовала неладное и попросила: – Пойдем отсюда – сдались тебе эти цветы?

Но Костя уже завелся.

– Значит, не дашь в долг?

– Да иди ты.

Костя немного отошел от палатки, резко развернулся, подняв ногу, ударил по витрине ларька.

Одновременно вскрикнули и продавец, и Лена. Стекло разлетелось. Костя протянул руку и забрал приготовленный букет. Повернулся и пошел к Лене.

– Ты с ума сошел? – испуганным вопросом встретила его девушка.

– Держи цветы!

– Костя! Ты что наделал? Ой, смотри!

Он обернулся, из разбитого ларька и соседних палаток вышли четверо крепких джигитов.

Пострадавший орал:

– Этот гадина мене витрина разбил, букет забрал, деньги забрал, твар, сволач, резать буду. – В руках торговец держал большой нож.

– Костя, бежим отсюда, – тянула за рукав Лена.

Тот отстранил ее.

– Отойди и дергай домой!

– Они же убьют тебя.

– Да? – И обращаясь к кавказцу: – Что кинжал достал? Убить хочешь? Ты на чьей земле, чурбан немый?

– А-а, билат, – бросился продавец в атаку.

Костя увернулся и встретил движение противника ногой в солнечное сплетение. Кавказец охнул, упал на тротуар, нож отлетел в сторону. Костя подобрал его. Кольцо вокруг него сжималось. Но нож в руках Кости сдерживал крепких мужчин. Парень был подвижнее, моложе и показал, что кое-что в драке умеет.

– Эй, ты, – крикнул один из кольца, – брось нож!

– Что еще?

– Ну смотри, дурак, тебе конец. Гиви, держи его, побежит – стреляй.

Только сейчас Костя увидел в руке у одного из противников пистолет. Был ли он настоящим? Разбираться возможности не было и рисковать тоже.

Тот, кто приказал, вытащил из кармана сотовый телефон, набрал номер, что-то быстро сказал и, глядя на Костю, прошипел:

– Ну сейчас ты, свинья, получишь по полной. Будешь знать, по чьей ми земле ходим.

Буквально через мгновение из-за поворота вылетел, сверкая «мигалками», милицейский «уазик». Из него выскочили трое.

– Стоять всем.

Увидев в руках Кости нож, один из милиционеров, вскинув короткоствольный автомат, приказал:

– Нож в сторону, сам на землю, быстро, руки за голову, ноги в шпагат.

Пришлось подчиниться.

Лена вышла из-за палатки, обратилась к офицеру:

– Товарищ капитан, вон у того мужчины, – она показала на Гиви, – пистолет.

– А ты кто такая?

– Она, начальник, с этим бандитом, который напал на нас.

Капитан обратился к кавказцу:

– Она правду говорит, Гиви?

– Да ти что? Первый день меня знаешь? Нет никакой пистолет, мамой клянусь.

– Вы общите его, – настаивала Лена.

Капитан посмотрел на нее и неожиданно приказал:

– Эту и пацана в отдел, нож как улику с собой. Я тут разберусь и приеду позже.

Лена почувствовала ужас, когда ей надели наручники. Все происходило как бы в другом измерении и не с ней. Но ее вернули в реальность, посадив в клетку «уазика», рядом с Костей, который тоже был в наручниках. Он что-то хотел сказать ободряющее девушке, но милиционер оборвал его на полуслове.

Автомобиль, продолжая мигать красно-синими огнями, включив лающую сирену, направился в отдел.

Капитан проводил взглядом служебную машину, подошел к тому, кто вызвал наряд.

– Гурам?

– Я понял, начальник.

Он достал несколько купюр, сунул их милиционеру.

– А за экстренность?

– Эх, Ваню, беспредельничать начинаешь. Тебе сколько ни дай, каждый раз просишь все больше.

– А ты другую крышу найди. За меньшие бабки.

– Конечно. Ты же сам и наедешь сразу.

– Молодец! Соображаешь. Ладно. Этого орленка мы до утра закроем, но утром, к восьми часам, чтобы от вас было заявление. Свидетелей побольше, и не только кавказцев, усек?

– Будешь пацана доить?

– А это, Гурам, уже не твое дело.

– Конечно, не мой. Лишь бы мне не мешали, не волноваться, все сделаем.

В отделе с Лены взяли показания и как свидетеля отпустили.

Костю же завели в обширную комнату, посадили на табурет посередине.

– Сидеть ровно! – командовал молодой сержант, помахивая дубинкой.

Милиционер исполнял роль конвоира или надзирателя и находился здесь как подручный, чтобы по сигналу опера помочь «дубинатором» задержанному говорить то, что надо. Но опера пока не было, и сержант упивался собственной значимостью.

– Попал, тварь?

– Послушай...

– Заткни пасть, ублюдок. Разговариваю здесь только я. Подожди, сейчас ты у нас запоешь, гадина. Это тебе я говорю. Не таких видали. Так что сиди ровно и готовься.

Вошел капитан, проводивший задержание. Сел напротив, смотря Косте прямо в глаза узкими бесцветными глазками.

– Фамилия?

– Ветров.

– Имя, отчество?

– Константин Сергеевич.

– Приводы были?

– Были.

– Даже так? Замечательно. За что попадал к нам?

– Мелкое хулиганство. Так в протоколах писалось.

– А сейчас, значит, на разбой пошел?

– Какой разбой? Их было четверо, я – один.

– Но ты был вооружен.

– Нож не мой.

– Конечно. Как же иначе?

– Я у этого черта в ларьке букет цветов хотел купить, а деньги оставил дома. Ну и попросил займы. Отдал бы утром с процентами. А он погнался на меня, как будто это я в его Чуркестане торгую, а не он здесь. Ну я погорячился. Разбил стекло. Продавец вылетел с ножом и на меня, я нож-то выбил, а они из всех ларьков поперли, вот и подобрал нож для обороны.

– Это твоя версия. Посмотрим, что завтра напишут потерпевшие.

– Вы хотите задержать меня?

– Ты уже задержан.

– А девушка?

– Ее отпустили.

– Товарищ капитан, может, отпустите? Я подписку дам. А с утра, обещаю, буду здесь как штык.

– Сержант, выйди! – приказал капитан конвоиру. Тот вышел. – Ты что, придуряешься или на самом деле не понимаешь, что попал серьезно? А может, ты таким способом решил от армии закосить? Подумал – разобью витрину, милиция заведет дело, а сейчас начинается призыв. Военкомат проверит, что есть претензии со стороны правоохранительных органов, и даст отсрочку, а?

– Ничего подобного я не думал.

– А зря, думать всегда надо. Особенно сейчас, в твоем положении. Разбой – дело нештучное, и срок получить ты можешь легко.

– Но ведь не было никакого разбоя?!

– Если бы так. Пойми, я не из тех, кто стремится посадить человека, было б за что. Нет. И прекрасно понимаю, что ради девочки ты затеял эту бучу. И готов помочь тебе, но, чтобы сделать это, мне нужна поддержка.

– Что надо сделать?

Капитан что-то написал в своем блокноте, подошел к Косте и показал страницу, на которой красовалась сумма – 1000\$.

– Как ты, Ветров, думаешь, за тебя может кто-нибудь поручиться?

– Позвонить можно?

– Куда и кому?

– Домой, родителям.

– Звони.

Капитан передал сотовый телефон.

– Только знаешь, капитан, – перейдя на «ты», сказал Костя, – хочу тебя предупредить, как бы ты не подавился со своим аппетитом.

– Что-о? Ты что там твякнул, придурок? – Капитан схватил Костю за подбородок, подтянул к своим бесцветным глазам. – Ну-ка повтори, мразь?

– Повторить? Ты про Бергера слышал?

В глазах у капитана мелькнуло недоумение. Знал ли он заместителя главы администрации города? Лично нет, но наслышан был. Бергер в городе слыл фигурой значительной, хоть внешне незаметной. Его называли «серым кардиналом», и славился он своими связями. Бергер был из тех людей, с которыми нужно либо дружить, либо не знаться вообще.

– При чем здесь Бергер?

– Он мой отчим. Ему я и собираюсь звонить. Что будет дальше, не знаю, захочет ли он поручиться за меня? Не уверен, мы сейчас с ним в сложных отношениях. Но вот как отнесется к тебе? Представить нетрудно. Да и кавказцам твоим грозят большие неприятности, это точно. Если, конечно, я расскажу про вашу дружбу. Ну что? Звонить? Чего замаялся?

Капитан понял, что попал в капкан. Если этот пацан действительно сын Бергера, пусть и приемный, то это очень серьезно. Черт бы побрал этого сопляка.

Но что делать?

– Капитан! Отпусти меня, и никто ничего не узнает. Что проще? Своих чурбанов предупреди – и дело в шляпе.

Капитан почувствовал облегчение. Это был выход. Уничтожить протокол – словно и не было ничего. Но скрыть задержание не удалось.

Неожиданно в отдел прибыл недавно назначенный начальник. Полковник решил проверить несение службы своими подчиненными. На входе, у дежурного, он спросил:

– Почему на втором этаже горит свет?

– Там, товарищ полковник, в двенадцатой комнате капитан Дианов с задержанным.

– В это время? Ночной допрос? Интересно.

Поднявшись на второй этаж, он зашел в комнату, успев уловить фамилию Бергер.

Капитан при виде начальника подал команду «Встать!» и вытянулся сам.

– Садитесь. Что за дела, капитан? Почему вы держите задержанного ночью здесь, а не в камере предварительного заключения?

– Да вот недавно задержали, товарищ полковник, хотел по свежим следам разобраться.

Полковник взял протокол задержания, прочел.

– Не понимаю, что здесь неясного.

– В протоколе допущена неточность, парень, получается, не виноват, его спровоцировали торговцы.

– А почему в вашем диалоге прозвучала фамилия Бергер?

Капитан молчал. Ответил Костя:

– Он мой отчим.

– Вот как? Вы сообщили домой, что находитесь в милиции?

– Нет.

– Почему? Вам не предоставили такую возможность? – спросил полковник, глядя на капитана.

– Я просто не подумал об этом, – ответил Константин.

– Дианов! Какое вы принимаете решение по задержанному?

– Отпускать парня надо. А с торговцами я разберусь.

– В таком случае доставьте его домой. Извинитесь. В 10.00 по этому вопросу с докладом ко мне. Все! Выполняйте.

При этом протокол задержания полковник положил во внутренний карман своего кителя.

Костя вышел из отдела. Сейчас должны подогнать «дежурку», его привезут домой, и начнутся разборки. То-то взбесится отчим! Костя оглянулся по сторонам и... увидел Лену.

Промокшая, она ждала его.

Костя бросился к ней. Обнял. Лена плакала.

– Ну что ты? Все нормально.

– Какой ты дурак все же.

– Что ж поделать?

– Видимо, придется принимать тебя таким, какой ты есть.

– Значат ли твои слова, что ты...

– Не спрашивай ни о чем. Стала бы я ждать тебя, если бы ты был мне безразличен.

– Лена! – Костя приподнял ее и закружил.

– Отпусти, Кость, ну что ты на самом деле, на нас же смотрят.

Стоящий на входе постовой милиционер внимательно наблюдал за ними, сохраняя вид невозмутимый и равнодушный.

– Слушай, Лен, поехали на одну хату, там сейчас никто не живет. А? Поедем? Ну что мы, дети, что ли? Ведь я же чувствую, как ты дрожишь.

– Это от холода.

– Нет, Лен, не от холода. Поедем?

Дежурная машина подъехала, когда Кости уже и след простыл. Водитель вышел из автомобиля, осмотрелся. Никого, даже постового. Пожал плечами и вернул «Волгу» в гараж.

Эта ночь была великолепна.

Когда в едином порыве соединились два тела, два любящих сердца, окружающий мир перестал для них существовать. Волшебное наслаждение пронзало Лену и Костю, вызывая острые, ранее неведомые ощущения близости...

Уставшие, расслабленные, Костя с Леной лежали, нежно обнявшись. Говорить не хотелось. Каждый находился еще под впечатлением испытанного счастья.

По стеклу мелкой дробью барабанил дождь, и они слушали эту музыку. Умиротворяющую мелодию осеннего дождя.

Убаюкиваемые этой мелодией, Костя и Лена постепенно погрузились в сладкий сон.

Утром, проводив девушку до дома, Костя долго не отпускал ее.

– Лен? Тебе точно ничего не будет дома?

– Не будет, Кость, не волнуйся.

– А то я зайду и все решу сам.

– Знаю я, как ты решаешь проблемы, лучше уж скажу, что заменяла подругу на работе.

Мои особо интересоваться не будут.

– Почему?

– Давай об этом не будем.

Костя увидел, как помрачнела Лена, и прижал ее к груди.

– Скоро все изменится, Ленуль. Мы будем вместе и ни от кого не зависимы.

– Ладно, отпусти, мне пора.

Костя провожал Лену взглядом. Она обернулась, махнула рукой, зашла в подъезд.

Костя направился домой. Он был по-настоящему счастлив.

* * *

Вернулся Константин часам к десяти, и дома его ждало то, что он даже предположить не мог.

На месте оказались и отчим, и мать. По их настроению можно было догадаться, что Костю ожидал непростой разговор.

Он разделся, прошел в зал.

– В этом доме что, мента похоронили? – решил начать Костя шуткою.

– Шуткуешь все? – Голос отчима был грозен. – Играешься, детина?

– А в чем, собственно, дело?

– Ты еще спрашиваешь? Ты где был ночью, сукин сын?

– Ты, отчим, думай, перед тем как что-то сказать.

– Нет, ты слышишь, Анна? Он еще и огрызается.

– Костя, – сказала Анна Сергеевна, – папа спросил тебя. Будь любезен дать ответ. И не называй его отчимом.

– Пожалуйста. Мне скрывать нечего. Ночь я провел на кичмане.

– Где?

– Ну в ментовке. На кичмане.

– Что за сленг?

– Нормальный сленг, сейчас все так выражаются.

– И как же ты попал туда? – спросил на этот раз отчим.

– Слушай! Если ты завел этот разговор, то все уже знаешь. Зачем перетирать перетертое? Тебе полковник наверняка все по полочкам разложил.

– Костя, – вновь вступила в разговор Анна Сергеевна, – у папы из-за тебя большие неприятности.

– При чем здесь он? Ну при чем? Мы разные люди. У него свои дела, у меня – свои.

– А при том, – перешел на крик Григорий Максимович, – что мне сам губернатор поутру мораль читал, тыча протокол твоего задержания. И спрашивал – как это мы можем руководить городом, если в собственной семье порядка навести не можем? Понимаешь, что это значит?

Костя промолчал.

– Сколько можно прикрываться мной? Раньше еще можно было как-то терпеть твои «шалости». А сейчас ты совсем обнаглел. Моим именем шантажируешь сотрудников милиции? Ты что, все мозги пропил?

– Мам! Огради меня от оскорблений.

– Мама? – взорвался отчим. – Что мама? Теперь тебе никакая мама не поможет. Вот повестка в военкомат. Завтра в 10.00 быть на призывной комиссии. И вперед, в войска. Понял?

– Никуда я не пойду.

– Пойдешь. Еще как пойдешь. Не захочешь сам – милиция оттащит, будь уверен, я позабочусь об этом.

Костя никак не ожидал такого поворота. Идти в армию и раньше не входило в его планы, тем более теперь, когда он встретил и полюбил Лену. Но отчим от своего не отступит, это было видно. Чтобы репутацию свою сохранить, не отступит. Придется подчиниться, иного выхода просто нет. Не умолять же его!

– Не надо куда меня тащить. В армию? Черт с тобой. Пойду служить, в конце концов это лучше, чем жить с тобой под одной крышей. Давай повестку.

Костя забрал повестку, прошел к себе в комнату.

Он услышал, как захлопнулась входная дверь. Отчим ушел.

Костя вышел в зал, взял телефон, набрал номер. Трубку сняла Лена.

– Аллю!

– Ленуль, это я.

– Я поняла.

– Нам нужно встретиться, срочно.

– Хорошо. Я буду в больнице через полчаса.

«Конспираторша», – подумал Костя. Сделала вид, что ее вызывают на работу. Но и ему надо поторопиться.

Костя вышел из дома, поймал такси и направил его к кардиологическому центру. Там они и встретились.

Разговор прошел трудно. Лена была убита новостью. Костя как мог успокаивал ее.

– Ты только жди меня, Лен.

– Мог бы и не говорить об этом. Как узнаешь, когда тебя отправляют, позвони обязательно, мне завтра на дежурство, вот номер отделения. Я провожу тебя. И не отговаривай меня. Господи, но как же это, почему так внезапно?

Наступил день призыва. Лена простояла возле здания военкомата под пронизывающим, иногда смешивающимся с дождем ветром почти полдня. Костя находился внутри здания. На часах было уже 14.00, когда репродуктор наконец начал озвучивать фамилии призывников, сообщая далее номера команд, к которым те были приписаны, откуда, куда и во сколько будет производиться отправление к местам несения службы. Среди прочих назван был и Костя. Его команда должна быть отправлена с железнодорожного вокзала через пять часов. Конечной станцией назывался поселок N, который ни о чем Лене не говорил, она не имела ни малейшего представления, где этот поселок мог бы находиться.

Пять часов! Но это до отправления. Значит, выйдут они как минимум на час раньше, чтобы добраться до вокзала. Еще четыре часа. Может, ей съездить домой, переодеться? Девушка порядком озябла. Но тут же отогнала эту мысль. А вдруг что изменится? Там, в военкомате. И Костю отправят раньше?

Или он сможет отпроситься и выйти, а ее не будет? Нет! Нужно ждать. Лена подняла воротничок легкой куртки, тяжело вздохнула и осталась стоять на месте, среди берез, которых тут, перед зданием, было много, и росли они, выстроенные, словно по команде, абсолютно ровными армейскими рядами.

Их команда задержалась в военкомате, и на вокзал они, человек сорок с сопровождением, добирались бегом. Поэтому времени на прощание с родными практически не осталось. Состав подошел с небольшим опозданием, и стоянку сократили до десяти минут, которых хватило лишь на посадку. Косте удалось на бегу попрощаться с Леной. И это вызывало ноющую боль в груди. Как будто скомканные провода могли как-то предопределить их дальнейшую судьбу.

Сержанты, их было двое, под командованием офицера распределили призывников по местам, разделив команду почти поровну. Первая группа должна была выйти рано утром, другой же, в которую входил Костя, предстояло ехать еще полдня. После этого они ушли в передний отсек, и весь личный состав, как отныне именовались вчерашние пацаны, был предоставлен самому себе. Где-то затренькала гитара, и хрипловатый голос, явно подражая кому-то, затянул грустную песню о неразделенной любви афганца-калеки. Тут и там из сумок и пакетов на столы стали вываливаться продукты, которыми призывников укомплектовали родные. Появились и бутылки. С самогоном, водкой, пивом.

Эти приготовления обещали ночь веселую, но бессонную. Сосед Кости достал сумку.

– Угощайся, братан!

Костя тоже выставил объемный пакет.

– Давай вместе.

– У тебя пожрать есть? У меня припасен пузырь водяры.

– У меня тоже.

– Пойдет, литра на двоих хватит.

– Вполне.

– А ты, видать, не из работяг. Вон на тебе какой прикид. В таком и в армию? Отымут же?

– Черт с ним. Познакомимся?

– Колян.

– Костя.

– Ну че, Кость, – предложил Колян, – вздрогнем по одной?

Выпили, поговорили. Потом Колян прошел в тамбур покурить.

Костя взял пирожок. «Неужели весь вагон будет пить?» – подумал он, видя, как во всех отсеках стали мелькать кружки, стаканы, предвещая пьянку грандиозную. Но предположение его не подтвердилось. Сержанты, словно опытные охотники, появились как раз в тот момент, когда бутылки были выставлены на столики. Они прошлись по вагону, сметая на своем пути почти все спиртное.

Возразить призывники в большинстве своем не посмели, так как понимали, что любое неповиновение сейчас может в дальнейшем отразиться на их службе. Сержанты подтвердили эти опасения, когда кто-то все же пытался воспротивиться наглой экспроприации. Конечно, не все они изъяли, но угрозу всеобщей, неуправляемой пьянки предотвратили.

После того как сержанты вернулись в свой отсек с полными десантными сумками, оттуда вышел лейтенант.

Он был молод, может, года на три-четыре старше тех, кого сопровождал. И немного пьян. Примерно в той же степени, что и остальные.

Офицер прошел на середину вагона.

– А ну, внимание в отсеках! – начал он. – Всем повернуть свои черепа на меня и внимательно слушать. – Дождавшись, пока молодежь притихла, продолжил: – Итак! Вы все должны усвоить, что находитесь на службе в Вооруженных силах. А что это значит? А это значит, что ни одна персона из числа личного состава не имеет права даже чихнуть без разрешения. Понятно?

Далее. Всем в течение десяти минут закончить ужин – и по полкам. Через пятнадцать минут все движения по вагону прекратить. В туалет или к месту курения в тамбуре ходить по одному и только с разрешения дежурного сержанта. В каждом отсеке будет назначен старший. Он же выполняет функции дневального, которые ему будут разъяснены тем же сержантом. И, предупреждаю, от вашего поведения зависит многое. Те, кто выходит утром, не тешьте себя надеждой, что можете игнорировать мои требования и борзеть. Обо всем я доложу тем офицерам, которые вас будут встречать. Вопросы?

– Товарищ лейтенант! А если будет, к примеру, невтерпеж, ну я имею в виду в сортир? А очередь прошла?

– Иди сюда, диарейный!

Из среднего отсека вышел молодой парень с большими удивленными глазами.

– Фамилия?

– Моя? Марков, товарищ лейтенант.

– Чтобы, Марков, случайно не обделаться, назначаю тебя до нуля часов бессменным дневальным по туалету и тамбуру. Сержант объяснит твои обязанности и права. Еще у кого будут вопросы? Нет вопросов? И правильно. В армии лучше не задавать много вопросов, чтобы не осложнить себе жизнь, – это мой совет вам. А это что за чучело? – спросил лейтенант, смотря на Коляна, который некстати появился в проходе.

Взоры призывников устремились на того, кого назвали «чучелом».

– А че такое? – непонимающе спросил Колян.

– Иди сюда! Ты что, дефективный?

– Нет, а че?

– Фамилия?

– Горшков.

– Ты где шлялся, Горшков?

– На «очко» ходил, а че?

– Ты придуряешься, – не выдержал лейтенант, – или по жизни дурак?

– Нет.

– Что нет?

– А ничего нет, – взъерошился Колян.

– Понятно. Ты в какой команде, Горшков? Во второй? Значит, нашей части повезло с тобой. Еще одним «промахом» будет больше.

Николай совершенно ничего не понимал. Он стоял перед офицером и озирался по сторонам. Но сочувствия и поддержки не находил, а вызывал только смех своим «а че». Костя решил помочь своему соседу.

– Товарищ лейтенант! Он просто ходил в сортир и не мог слышать ваших распоряжений, поэтому и не въезжает, что происходит.

– Это кто такой умный в адвокаты решил поиграть?

– Я. – Костя вышел в проход. – Фамилия Ветров.

– Персонально для тебя, Ветров. – Лейтенант пальцем указал на Костю. – В армии есть правило – каждый отвечает за себя. И чтобы ты, Ветров, сразу это усвоил, с нуля часов сменишь Маркова на почетном посту у туалета. Ну а ты, Горшков, в три часа, соответственно, сменишь своего защитника. Понял?

– А че не понять-то?

– Ну и хорошо, иди на место. – И, обращаясь ко всем: – Ну все! Всем, как я надеюсь, все ясно. Значит, время пошло. Чтобы через десять минут на столах было пусто и чисто, а ваши тела находились в горизонтальном положении. Выполнять!

Лейтенант прошел несколько отсеков, вызвал парня с гитарой:

– Ты, – ткнул он гитариста пальцем в грудь, – следуй за мной.

Вскоре из первого отсека зазвучала гитара и парень хрипловатым голосом запел грустные песни. Лейтенант расслаблялся.

Присев на свое место, Колян спросил:

– Кость? А че этот чухан в погонах домотался до нас?

– Работа у него такая.

– Это понятно. А че он хотел-то?

– Показать, что в армии не принято задавать вопросов.

– Ладно. Водку не шмонали?

– Было. Мою забрали, твою, начатую, – нет.

– Козлы! Надо выжрать, пока остатки не отняли.

Колян разлил спиртное, и они допили водку, быстро перекусили, и Николай взобрался на верхнюю полку.

– Кость? А че летеха говорил про три часа?

– Сменишь меня.

– Где?

– На посту у туалета.

– Зачем?

– Да спи ты, я разбужу тебя в три и все объясню.

Скоро он захрапел. Прилег и Костя. Как это ни странно, но наступило какое-то успокоение. Не хотелось ничего, даже думать.

А поезд держал ход, унося Костю все дальше и дальше от дома, от любимой, к неизвестной жизни, возможно, к тяжелым и опасным испытаниям, которыми так богата армейская служба.

* * *

Старший лейтенант Доронин с утра чувствовал себя неважно. Сказывалась ночь, которую они с Чирковым провели, расписывая «тысячу», и пара бутылок водки, раздавленная по ходу игры. Александр стал замечать в себе некоторые перемены. Если раньше выпитое накануне никаких последствий не вызывало, то с некоторого времени утреннее самочувствие ухудшилось и появилось желание, даже потребность, слегка похмелиться. Он знал, что это симптомы алкоголизма, но ничего поделать не мог. Да и не хотел. Выпивать приходилось почти каждый вечер, за исключением, пожалуй, времени несения службы в наряде. Одиночество, которое ждало офицера дома, провоцировало эти частые, порой неумеренные пьянки.

Вот и сейчас, подходя к КПП, Доронин думал о том, как облегчить свое состояние, вернее, когда сделать это? До развода или позже? На построении Куделин под любым предлогом стремится обойти строй офицеров и выявить тех, от кого несет перегаром, чтобы, занеся в записную книжечку, при случае напомнить где надо о вопиющем факте. Поэтому Александр и размышлял, стоит ли давать замполиту еще один козырь против себя.

Но на входе в часть Доронина уже ждал Чирков.

– Сань, ну ты и спать горазд. Я тебя уже полчаса жду.

– А ты что, вообще не спал?

– Какой там сон? Благоверная такой разнос устроила. Пришел-то я домой в четвертом часу.

– Да, засиделись мы. Ну и чем дело кончилось?

– А ну ее. Что об этом говорить? Пойдем лучше по пивку вдарим?

– А развод?

– Какой развод в воскресенье?

– Куделин вчера объявлял о построении.

– Пошел он, этот Куделин. Пусть своих поджопников строит. Командир ничего не говорил? Нет. Ну и все. А Куделин? Шел бы он, этот Куделин.

– Ты чего завелся?

– Нет, ты идешь или будешь и дальше Муму травить?

– Пошли.

– Вот это другое дело, а то Куделин, Куделин, да кто он есть-то по большому счету? Замполит. Этим все сказано.

Так под возмущенные реплики Чиркова друзья направились к ближайшей коммерческой палатке, где они хорошо знали продавца и где их так же хорошо знали как постоянных клиентов и даже отпускали спиртное в долг. На этот раз за окошком оказался не тот парень, с которым у них было давно налажено взаимопонимание, а молодая и симпатичная незнакомая девушка.

– Вот так сюрприз! – воскликнул Чирков. – Сань, ты смотри, какая принцесса сейчас нас обслужит. Вы, как я понимаю, – обратился он к девушке, – новенькая?

– Да, а что?

– Да нет, ничего. Просто такое прелестное создание и в каком-то комке? Здесь ли ваше место, красавица?

– А вы считаете, что красавица может прожить без денег? Не зарабатывая себе на жизнь?

– Конечно! У принцессы обязательно должен быть принц, который обеспечивал бы ее и лелеял.

– Может быть, хватит, ребята? Что будете брать?

– Пару баночек «Баварии». А принца-то, как я понимаю, у принцессы нет?

– Пожалуйста – ваше пиво.

– Значит, нет, – сделал вывод Чирков. – Могу порекомендовать, девушка, своего друга. Сань, покажись. Ну чем не принц? Кстати, из дворян, голубых кровей, так сказать.

– И давно офицеры, да еще дворяне, пьют по утрам пиво, как алкаши?

– Правильно замечено, Катя. – Чирков увидел на визитке имя девушки. – Обычно мы пьем шампанское, но, знаете, однообразие надоедает, вот иногда и позволяем себе изменить привычке.

– Володь, хватит болтать. У нее же работа.

– Вот тебе на. Я его, понимаешь ли, расписываю таким гусаром, а он еще и брыкается. Нет, вы посмотрите на него, Катя, не иначе мой друг в смущении? А, Сань? – Чирков плечом подтолкнул Александра.

– Пойдем, в часть пора, – действительно непонятно отчего смутившись, поторопил друга Доронин.

Девушка проводила взглядом офицеров.

– Володь! Ну что ты представление устроил?

– Тебе не понравилась девушка?

– Да какая разница – понравилась, не понравилась, может, у нее парень есть или, вообще, муж.

– Парень, муж, – передразнил Чирков. – Ты на службе этой совсем умом тронулся. Кроме казармы да «чипка» ничего не видишь. Какой муж? Ты обратил внимание на ее взгляд? Нет? Ну конечно. А я обратил и говорю тебе, на все сто, что никого у нее нет. Ее взгляд, Сань, ищет, понимаешь? Изучает и, если хочешь, желает быть увиденным и понятым.

– Ну напел. Откуда ты-то знаешь? Можно подумать, что, кроме казармы и «чипка», ты еще что-то видишь в отличие от меня.

– Конечно, вижу. У меня же жена молодая, Сань, и к тому же психолог по образованию. Только, надо признать, психолог из нее довольно неважный.

– Что так?

– Рассуди сам. Ты думаешь, она поверила, что я ночью с тобой в карты играл и жрал водку? Ничего подобного. В ее понятия такой расклад не укладывается. Обязательно я провел ночь в кабаке и обязательно с бабой. И хоть кол ей на голове теши. Говорю: «Дашенька, никакого кабака не было, да и где я на него денег-то, в конце концов, возьму? Тем более не было женщины – ты у меня одна-единственная, а пришел поздно потому, что игра затянулась». Она мне в ответ, знаешь что? «Если бы я была у тебя единственная, как говоришь, то не шлялся бы по ночам с друзьями, а летел бы на крыльях любви домой, к своей единственной». Икара тоже нашла.

– А что? Логично.

– Не спорю. Но не в этом главное. Вот ты в свое время после службы только домой, к своей ненаглядной. А она? Помахала дяде ручкой, и вся любовь. Извини, конечно.

– Ты, Вова, наши отношения никогда не поймешь, если мы сами их не поняли.

– Ладно, хорош об этом. На самом деле, базар какой-то гнилой пошел. Но о Кате – девушке из киоска – подумай. Мужик ты видный, не будешь же бирюком всю оставшуюся жизнь? Да и какая это жизнь без семьи? Поругаться – снять стресс – и то не с кем. При нашей-то работе чердак снесет быстро и бесповоротно. Подумай, обещаешь?

– Обещаю, Вов, обещаю.

– Вот это другое дело. Оп-па! Построение. Пошли вокруг штаба, – увидев, что на плацу построены офицеры, сказал Чирков. Свернув на аллею, друзья обошли плац и разошлись по своим подразделениям.

* * *

Пассажирский поезд прибыл в поселок N в 11.30, почти по расписанию. На вокзале команду призывников встречала группа офицеров во главе с заместителем командира части майором Куделиным. Первым из вагона вышел лейтенант Панкратов – старший команды. Он четко доложил Куделину о том, что группа из двадцати двух человек к месту несения службы доставлена, происшествий в пути следования не было.

– Хорошо, Дима. Давай выводи свою команду и передай капитану Артамонову, сам ко мне – доложишь подробнее.

Выполнив требование Куделина, Панкратов снова подошел к нему.

– Обрисуй, Дим, что за орлов привез?

– В общем, товарищ майор, народ нормальный. Не идеальный, конечно, контингент, но вполне терпимый. Могло быть и хуже.

– Как вели себя в дороге?

– Попытались сначала организовать пьянку, но вы меня знаете – пресек на корню. Да и сержанты молодцы – помогли.

– Водку изъял?

– Так точно. Как положено. Все в сумке у сержанта Орлова.

– Хорошо. В части разобьем у них на глазах, для профилактики, так сказать. С наркотиками был кто замечен?

– Травку не курили – точно. Сам проверял. А насчет другого – посмотрим, что оставят после себя в вагоне. Но, по-моему, внешне, по крайней мере, ничего о наркоте не говорит.

– Ну и ладненько. Себе-то отобрал людей?

– Так у меня ротный будет сам подбирать.

– Ну-ну, не прикидывайся. Прекрасно же знаешь, что ты у меня первоочередный кандидат на роту. И даже на какую, не так?

– Товарищ майор, что я могу сказать? Доверите – не пожалеете, но Доронина еще снять надо. За него командир стоит.

– Снимем, Дим, снимем. И не только Доронина. Неужели ты думаешь, что я потерплю открытый себе вызов? Никогда. А Смирнову расти надо, не все же ему частью командовать? Ну ты понял меня. Только смотри не болтай лишнего – себе хуже сделаешь.

– Товарищ майор! Об этом могли бы и не говорить. Что я, враг себе? Да, чуть не забыл. Я во время командировки домой наведалься на денек. Говорил с отцом, в том числе о вас, о вашей поддержке. Он был очень доволен, говорил, что надо помогать друг другу.

Куделин сделал вид, что сказанное лейтенантом никак на него не подействовало, но чувствовалось, что услышанное ему приятно.

– Будем, Дим, помогать. Иначе нельзя. Кстати, я настоял на представлении тебя к досрочному присвоению очередного воинского звания. Так что готовь дырочки на погонах.

– Спасибо, товарищ майор!

– Не за что. Я своих людей, Дима, никогда не бросаю и продвигаю по мере возможностей. А их, возможностей, у меня хватает. Учти это.

– Обязательно учту, товарищ майор!

– Вот и прекрасно. Иди проверь вагон и выходи на площадь. Поедешь со мной.

Команду молодого пополнения вывели из вагона, построили в колонну по двое и под командованием строгого капитана повели на привокзальную площадь, где их ждали две крытые машины. Пополнение подвели к задним, открытым бортам. Капитан профессионально развел команду на две равные группы, объяснил, что посадка осуществляется по командам «К машинам!» и «По местам!». После чего личный состав молодого пополнения впервые отработал норматив по посадке в автомобиль. Костя с Николаем оказались вновь рядом, на одной скамейке у кабины. Машины тронулись, и пацаны через небольшой квадрат заднего борта пытались рассмотреть, что собой представляет поселок N, но видели лишь капот следующей за ними машины. Примерно через час автомобили подъехали к КПП. Капитан вышел из кабины и подал команду «К машине!». Приказ был выполнен, и вновь построенное по двое молодое пополнение пошагало через открытые ворота контрольно-пропускного пункта на территорию части, где им предстояло провести два года жизни.

Все вокруг было непривычно чисто и ухоженно. Кустарник вдоль дороги, по которой они шли, аккуратно подстрижен. Бордюры и нижние части стволов деревьев побелены, да и сам асфальт блестел, словно его специально мыли с порошком. Да так оно и было.

– Смотри, Кость, порядок какой. – Колян был явно удивлен. – Кусты подстригли, и трава вон везде скошена. Наверное, за порядком здесь следят. Да, чую, попали мы.

– Что тебе не нравится?

– Все нормально, только этот порядок кто-то должен постоянно наводить, а кого, как не нас, запрягут поддерживать эту красоту? Вот то-то. Мне братан говорил – он в стройбате служил, – нет хуже, если в части порядок. Лучше дедовщина дремучая, чем беспредельная уставщина. А нам, чую, подфартило. Мало того, что офицерье – чуханы, сержанты – волки, так еще и уставщина. Кранты нам, Кость, как пить дать.

– Да не скули ты!

– А ну отставить разговорчики в строю, – приказал капитан, – разговорились, мать вашу. Еще слово услышу – на полусогнутых поковыляете.

– Видишь? – уже шепотом проговорил Колян. – Я же говорю, чуханы. Им бы только поизгаляться.

Видимо, шепот его на фоне общего молчания все же был услышан.

Капитан резко остановился.

– Группа, стой!

Колян по инерции врезался в парня перед собой, создав небольшую свалку.

– Напра-во! – скомандовал офицер. Затем он подошел к середине строя и остановился напротив Коляна. – В чем дело, боец? – обратился он к Николаю. Тот только моргал глазами. –

Тебе что, мои команды по одному месту? А? – Колян съежился под грозным взглядом офицера. – Язык проглотил? Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Больше не буду, товарищ старший лейтенант.

– Нет, вы только посмотрите на этого чудака с буквы М. Он уже и разжаловал меня. Ты в себе, парень?

Колян набычился и молчал.

– Фамилия?

– Горшков, – пробурчал Коля.

– Надо запомнить, а то попадешь еще ко мне. С таким, как ты, я точно старшим лейтенантом стану. А ну смотри в глаза!

Николай поднял голову.

– Специально для тебя, Горшков, повторяю еще раз – в строю не разговаривают, а только выполняют команды, понял?

– Угу!

– Да не угу, Горшков, а так точно.

– Так точно!

– Вот так-то лучше. И заруби себе на носу, что ты теперь в войсках, а не у мамы под подолом. Здесь с тобой долго разговаривать не будут. Так что под дурака косить не советую. Учти, Горшков!

После этой воспитательной паузы строй продолжил движение и через несколько минут остановился у красивого здания – клуба воинской части.

– Внимание, группа! Сейчас можно перекурить. Далеко не разбредаться, быть в готовности к построению. Ясно? Да куда ты, чудик? – осадил капитан одного из второй шеренги, который по-своему понял слова капитана и вывалился из строя. – Встань, где стоял. Вот так. Еще раз говорю для всех – все действия начинаются и заканчиваются только после команды старшего. Разойдись!

Строй рассыпался, и тут же почти все задымили. Офицер предупредил:

– Окурки бросать только в урну и курить возле нее. Найду после вас хоть один бычок, языком заставлю территорию вылизать.

– Видал, Кость? – жаловался на судьбу Колян. – Ну че такая непруха? Сначала один прицепился, теперь вот другой. Что я им всем дорогу, что ли, перешел? И это офицерье, а еще потом деда начнут. Что ж за жизнь будет? Ну попал так попал, мать твою. Свалить, что ли, отсюда, пока не поздно? Посадить не посадят – я присягу не принимал, а потом, может, в другую часть отправят, а Кость? Ты как думаешь?

– Лучше не надо. Перетерпи.

– Сказал тоже – перетерпи. Ты же видишь, я у них как бельмо на глазу?

– А куда, собственно, ты свалишь? Ни денег у тебя, ни документов. Далеко ли уйдешь?

– Тоже верно. Эх дурак я, дурак. Надо было ширнуться пару раз, так, без наркоты, чтобы только дырки были, и объявить себя на медкомиссии наркоманом. Так многие пацаны на призывной комиссии делали. И нормалек. Сидел бы щас дома. А все предки – иди, говорили, в армию, пока не спился и не сел, а там из тебя, дурака, человека сделают. Ага! Сделают. Только кого? Вот вопрос!

– Не переживай, Коль. У любого человека всегда так – то черная полоса, то белая. Пройдет все.

– Чей-то я не замечал, чтоб у меня белая полоса когда-нибудь была. Одна чернота. А с другой стороны, и в деревне оставаться что толку-то было? Пьянки да драки. Один черт, рано ли поздно посадили бы. И че мне так не фартит в жизни? Не знаю. Я, Кость, у одной бабки нашенской, деревенской – она вроде Глобы местной, – как-то спрашиваю: «Чего меня, бабуль, в жизни дальнейшей ждет?» Она смотрит так хитро и говорит: «Счастье тебе будет, большой

почет будет». Я спрашиваю: «А где почет-то будет, в деревне, что ли?» Она: «Нет, бери выше – о тебе вся держава знать будет». Я опять: «С чего вдруг державе обо мне знать? Я в деревне-то никому не нужен, а ты – держава». А она знаешь что отвечает? «Сам-то ты – ничто, а вот смерть твоя громкой будет, через нее и счастье познаешь». Ну, утешила. Да на что мне такой почет, посмертный? А еще говорит – принеси, мол, десятка два яиц, иначе ничего не сбудется. Ну не дура? Понесу я ей яйца, чтоб меня потом грохнули где-то. Жди!

– Не отнес?

– Ну ты че, Кость, в натуре? Не дурак же я конченный?

– Значит, не видать тебе почета?

– А он мне и не уперся, такой почет.

– Внимание, группа! Закончить перекур! – подал команду капитан и через некоторое время: – В две шеренги становись!

Имея лишь смутные представления, как построиться в эти две шеренги, призывники заметались перед клубом.

– Отставить! Всем оставаться на местах и слушать!

Капитан достал список личного состава и стал зачитывать фамилии, обладатели которых выходили из общей массы и становились друг рядом с другом. Затем, выровняв шеренги по ранжиру, офицер объявил:

– Вот так вы должны строиться по команде «В две шеренги становись». Ясно?

Послышались ответы «да», «угу», «понятно». Капитан и здесь навел порядок:

– Повторяю, на все вопросы начальника военнотружаший отвечает: «Так точно» или «Никак нет», усвоили?

– Так точно! – вразнобой выкрикнули новобранцы.

– А ну все хором еще раз – усвоили?

– Так точно! – уже более отчетливо и в один голос ответила группа.

– Вот так. Значит, сейчас по одному заходим в клуб и располагаемся на первых рядах. С вами проведет беседу командование части. Вперед!

Личный состав зашел в клуб и разместился напротив президиума.

Капитан отошел в сторону и стал вместе со всеми ждать, поглядывая на входную дверь. Первым в зал вошел лейтенант, который сопровождал пополнение в поезде. Он нес увесистую брезентовую сумку. Изнутри нее раздавался характерный звук, издаваемый большим количеством бутылок, и бутылок не пустых.

– Кость, смотри, никак наш чухан бухалово притащил? Зачем? Не знаешь?

Николай поудобнее устроился в кресле и стал рассматривать зал.

– Внимание, группа! Встать! Смирно!

Капитан стоял посередине зала перед новобранцами, ожидая, когда командир со свитой пройдет боковой проход. Перед молодым пополнением появился подтянутый и совершенно седой офицер с двумя большими звездами на каждом погоне.

– Товарищ подполковник! Очередная группа призывников для беседы собрана. Старший группы – капитан Артамонов.

Подполковник окинул дружелюбным, но строгим взглядом пополнение, поздоровался:

– Здравствуйте, товарищи. Приветствую вас по случаю прибытия в нашу часть. Садитесь.

Товарищи офицеры, прошу в президиум.

Он сам и сопровождающие заняли свои места за длинным столом на сцене.

Первым заговорил седой офицер:

– Я – подполковник Смирнов Александр Сергеевич – командир части. Это, – он указал на сидящих офицеров, – мои заместители и командир вашего подразделения на период прохождения курса молодого бойца. Знакомьтесь.

И командир перечислил офицеров, сообщая их звания, фамилии, имена, отчества и должность, которую каждый из них занимал.

– Это пока те офицеры, которых вы должны знать, ну и, естественно, своего командира взвода. Он будет вам представлен непосредственно в подразделении. Теперь я коротко расскажу о части, в которой вам выпала честь служить.

Командир кратко изложил историю части. Объяснил, что военнослужащих ждет в ближайшем будущем, сказал о «Курсе молодого бойца» и о скором принятии воинской присяги. Обратил особое внимание на необходимость соблюдения воинской дисциплины. Довел до каждого его основные права и обязанности. Затем передал слово заместителям, которые, в свою очередь, выступили в части, их касающейся. Таким образом, молодые парни получили первичные понятия о том, где они и зачем.

Выступления офицеров новобранцы восприняли довольно равнодушно. Все ждали решения участи сумки, принесенной лейтенантом. Наконец очередь дошла и до нее. Слово вновь взял майор Куделин:

– Товарищи, надеюсь, вам известно, что употребление спиртных напитков на все время прохождения срочной службы категорически запрещено? И все же вы взяли их с собой в дорогу. Вот они, в этой сумке. Чтобы раз и навсегда расставить все точки над «і» в этом вопросе, мы сейчас проведем акт уничтожения спиртного. Лейтенант Панкратов, приступайте!

Лейтенант встал из-за стола, прошел за кулисы, вернулся оттуда с ведром. Затем, взяв сумку, стал доставать бутылки. Он демонстративно показывал их залу, открывал и медленно выливал содержимое в ведро.

По залу прокатился приглушенный ропот, но никто не посмел высказать что-нибудь вслух. Ведро наполнялось – сумка худела, рос строй пустой тары. Колян не выдержал и возмущенно зашептал на ухо соседу:

– Ну не гады, Кость? Ты смотри, че делают? Взяли бы себе по-тихому, и все дела. Чего народ дразнить? И зачем столько добра переводить?

– Чтобы ты усвоил, что пить в армии нельзя.

– Да я и так это знаю. Но зачем так-то? Ни себе, ни людям.

Вылив последнюю бутылку, Панкратов посмотрел на замполита. Тот подошел к нему и обратился к залу:

– Вот так будет всегда. Найденное вино будет уничтожаться, и если вас сейчас никто не наказывает, то в дальнейшем лиц, склонных к употреблению спиртного, ждут крупные неприятности. Вплоть до суда военного трибунала, ибо от выпивки до серьезного преступления – один шаг. Запомните это. У меня все.

Встал командир части. Капитан тут же среагировал командой «Встать! Смирно!».

– Занимайтесь по распорядку, товарищ лейтенант. – Командир предоставил право командования лейтенанту Панкратову. – С баней определились?

– Так точно, товарищ подполковник! После медкомиссии сразу баня.

– Хорошо, занимайтесь.

И он, уводя за собой свиту, удалился из зала.

Личный состав вывели следом и тут же строем повели в медицинский пункт для прохождения заключительной комиссии.

Новобранцы молча и послушно обходили врачей, которые особо не утруждали себя обследованием, задавая дежурный вопрос:

– Жалобы есть? Нет? – И выносили заключение: здоров.

Доронин отослал на предварительный отбор личного состава своего старшину – прапорщика Мамедова. Тот имел острый глаз и какое-то особое чутье, позволяющее ему распознавать людей. Поэтому командир роты из призыва в призыв доверял это непростое дело своему

старшине, зная, что тот подберет кого надо. Старший лейтенант сидел в канцелярии роты и составлял план работ на следующую неделю.

В коридоре раздалась команда дневального – «Дежурный по роте на выход!». Значит, пришел кто-то из своих или старшина вернулся. Тут же открылась дверь и появился прапорщик Мамедов.

– Ну, какие дела, Акиф?

– В общем, командир, посмотрел я молодежь. Есть стоящие ребята. Подобрать можно.

Я вот тут набросал список, посмотри?

– Да чего мне на него смотреть? В этих делах я полностью полагаюсь на тебя.

– Командир! Мне кажется, ты не в духе?

– Что? Заметно?

– Мне – да.

– Черт его знает, Акиф. Просто сижу вот здесь и думаю, а за каким... это все?

– Что «все»? – не понял старшина.

– Да вот это все – служба, наряды, учения, нервы, в конце концов? Ради чего? Живут же другие? Торгуют, воруют и при этом живут в достатке. А мы? Чем мы их хуже, Акиф? Бросить все к едрене фене и податься в коммерсанты, на рынке шмотками торговать, а, Акиф?

– Не то говоришь, командир. Не думая говоришь. Ты просто устал. Это пройдет – ты сам знаешь. А уволиться? Уволиться сейчас легко, но как ты пацанов, которые в тебя верят, бросишь? Не представляю. Зная тебя – не представляю.

– О чем базар, военные? – В канцелярию вошел Вова Чирков. Он, как всегда, был подвижен и жизнерадостен. – Акиф? Чтой-то ты с командиром сотворил? Он же чернее тучи.

– А ты у него спроси, Володь. Захандрил, в тоску ударился твой дружок.

– Да? Так мы это мигом исправим. А ну, Сань, доставай тару. Акиф? Ты куда? Давай присоединяйся – третьим будешь.

– Да нет, Володь, у меня служба, вы уж без меня.

– А у нас, можно подумать, выходной. Смотри. Насильно мил не будешь. Пьянка – дело сугубо добровольное. У тебя, Сань, тушенка есть? И водичка? А то у меня спирт – у начальника ГСМ раздобыл. Разбавить не помешает.

– В тумбочке есть банка тушенки, а за водой дневального отправь. Хлеба вот только, по-моему, нет.

– Да кто ж тушенку с хлебом ест? Это извращение, я считаю. Дневальный! А ну-ка, боец, принеси нам графинчик свежей водицы. Сань, а с чего ты вдруг депрессняк словил? Утром вроде нормальным был?

– Не знаю, Володь. Может, это с похмелья?

– Точно! У меня взводный один, Петруха Бирюков, с утра не похмелится, считай, день пропал. Так и будет как тень из угла в угол метаться. Опрокинет стакан – другой человек, и желание работать появляется, и настроение выше крыши. Так что, судя по всему, у вас один и тот же синдром.

Чирков достал походную фляжку, увеличенную в объеме выстрелом холостого патрона, перелил половину в бутылку, смешал спирт с водой.

– Сейчас остынет немного, и в путь. Где кружки?

Доронин выставил две кружки по двести пятьдесят граммов, открыл банку с тушенкой.

– Наливай.

Володя разлил бутылку на две равные доли.

– Ну что? За тех, кто в сапогах?

– За них.

Друзья выпили.

– Фу! Тяжело пошла. – Вова фыркнул и мотнул головой. Закусив с ножа небольшим куском говядины, закурил. То же сделал и Доронин.

– Чем спирт плох, Сань, это тем, что после него сушняк страшный – полное обезвоживание организма. Пьешь потом, как верблюд.

Канцелярия постепенно, но быстро заполнилась клубами табачного дыма, создавая обстановку, соответствующую проводимому мероприятию, и настраивая на общение.

– Вот наши прапора борзуют, Сань! Вообще беспредел какой-то. На складе автослужбы движок камазовский стоял, почти новый. Я на него давно глаз положил. У меня на моем мотор на ладан дышит. Хотел через начальника службы выбить замену. В принципе, договорился и пошел сегодня на склад посмотреть комплектацию, а там... пусто. Ты понял? Спрашиваю Ашира – прапорка со склада, – кто движок забрал? Какой движок? Непонятку строит. Я говорю, ты в себе? Камазовский движок. А-а, отвечает, так нет его. Ну я это и сам вижу. Куда дел – допытываюсь. А ты, говорит, у зампотеха спроси, чего меня достает? А сам лыбится масляной, довольной рожей. Третью машину сменил, сидя на складе.

– Может, на другой «КамАЗ» поставили? У них автослужба, им и решать, – высказал свое мнение Александр.

– Да куда, Сань, ставить? Кроме моей кошелки, остальные «КамАЗы» новые!

– Да идут они, Володь. Чего ты на этом движке заикнулся?

– Да я сам, может, его спихнул бы? Не жирно им в одну харю-то?

– Вот повысят тебя, тогда и будешь толкать и спихивать все, что захочешь.

– Повысят? Уже. Под сокращение отправят – это вернее. Там, в штабе, что-то затевается. Я у Мухамедзяна, помощника начштаба, интересовался. Но и он точно не знает. Ходят, говорят, слухи о сокращении, но кого, чего – неизвестно.

– Тебя не сократят – ты один спец по минам.

– Да мне все равно! Пусть сокращают. Я подрывник, Сань, на гражданке работу найду, будь уверен.

– В криминале?

– А хоть и так? Буду баксы лопатой грести.

– Помечтай.

– Ладно, Сань, давай кружку.

Он вылил остатки. Выпили. Закусили.

– Хорош, Сань, о работе. Ты мне вот что доложи – как насчет Катюши?

– Какой Катюши? – сразу не понял Доронин.

– Здрасьте вам! Девушка из комка. Утром пиво у нее пили. Забыл?

– А! Вот ты о чем? И что, собственно, как?

– Ну ты даешь. Ты утром обещал о ней подумать?

– Я не пойму, Володь, чего ты-то завелся с этой дамой? Ну симпатичная, и что? Пусть даже нравится, что из этого? Их таких в поселке много, что же теперь, за каждую юбку хвататься?

– Нет. Спиваться потихоньку. Это как раз на руку Куделину. А так, может, жизнь по-новому пойдет. Что я, не вижу, как плохо тебе? И, как друг, обязан помочь. Один из вариантов помощи – предложение познакомиться тебя с Катей. Это же ни к чему не обязывает. Сложится – хорошо. Будет кому дома тебя ждать. Семью обретишь, жизнь наладится. Нет? Ну на нет и суда нет.

– Ты считаешь, я нуждаюсь в опеке?

– Да не в опеке, дуrolом. Я же сказал, в поддержке. А это разные вещи. Ну что? Пошли к Катюше?

– Может, завтра, Володь?

– Завтра я в наряд заступаю, дружок, а один ты не пойдешь. Так что давай двигай телом.

Друзья вышли из казармы и через плац, мимо штаба части, направились к КПП.

После прохождения медицинской комиссии и веселой помывки в бане новобранцев привели в казарму. Команда, с которой прибыл Костя, окончательно формировала роту по наличию личного состава. Там, в подразделении, молодому пополнению выдали военную форму и предметы армейской атрибутики, которые следовало пришить и подшить. Это весьма нудное для новичка занятие проходило под пристальным контролем старшины. Погоны, шевроны, подворотнички следовало разместить и закрепить на обмундировании в строгом порядке, что мало кому удавалось сделать с первого раза. Обстановка царила нервная. Колян, пришив на совесть погон, надел китель, посмотрел на себя в зеркало бытовки и матернулся:

– Во, блин! Ровно ведь шил, а он завалился назад. Опять отрывать, мать его! Может, нагрузить кого? Посноровистей?

Но вокруг такие же злые лица с исколотыми пальцами. Колян тяжело вздохнул, в сердцах срывая неудачно пришитый погон. Тот не хотел отрываться, что еще больше взбесило Николая:

– Ну не гадство, в натуре? Что ж это такое?

Косте тоже с изрядным трудом удавалось справляться с делом. Николай подвалил к тому. Присел рядом.

– Че, Кость, получается?

– Никак не могу подворотничок пришить, мать его. То вверх задирается, то по краям неровно. Одуреть можно.

– А погоны пришил?

– Да вроде.

– Да? А у меня не получается. Во, смотри, ноготь сломал. Раз пять пришивал, все без толку. Поможешь, Кость?

– Сейчас, Коль, справлюсь с подворотничком – помогу.

– Молодчик! А то я так до дембеля буду с ним долбиться.

Он успокоился и постепенно начал развлекать Костю своими байками.

Канитель с формой продолжалась до ужина, после которого старшина объявил о личном свободном времени. Колян подкатил было к Косте – в очередной раз пожаловаться на судьбу, но тот попросил отстать.

– Коль, я письмо буду писать.

– Че, сразу, в первый день письмо?

– И что в этом удивительного?

– Кому писать-то собираешься, предкам?

– Невесте.

– Невесте? Ну-ну, пиши. Будет она тебя два года ждать, раскатал губу. Мне, что ли, тоже написать домой? А ну его на фиг, не хочу. Пойду пошатаюсь, может, земляков из старослужащих где надыбаю.

* * *

Доронин с Чирковым, миновав КПП, направились к коммерческой палатке. Еще издали они увидели кучку молодых парней и стоящую на обочине «девятку». Двое, нагнувшись, что-то говорили в окошко. По мере приближения все отчетливее слышался мат. Поведение парней было, мягко говоря, вызывающим.

– Смотри, Сань, никак конкуренты?

– Или отморозки. Шпана весь поселок заполонила, откуда только берутся?

– Отсюда, из поселка, и берутся, но, по-моему, ведут они себя хамски.

Подойдя к палатке, друзья услышали:

– Тебе че, дура, не ясно? Гони бобы, сука ржавая. Или тебя для начала на каркалык посадить?

– Эй, ребята, – обратился к ним как можно дружелюбней Володя, – ну что это такое? Разве можно так хамить девушке? Чему вас в школе учили? Или вы, убогие, и в школу-то не ходили?

– Че-е? Ты че там вякнул, шакал облезлый?

Один, самый крупный, подняв свою наголо обриту голову, пошел на офицеров.

– Че хочешь, петух? – Настроен он был воинственно.

– Сань? Это он мне? – играючи спросил Доронина Чирков.

– Тебе, тебе, козлина! – отвечал бритоголовый.

– Напрасно, парень, ты так выражаешься. За слова отвечать надо.

– Перед тобой, что ли? – Дитина подошел вплотную, набылчился. – Ну че, фуцены? Сами свалите? Или... – Парень не договорил, молниеносно сбитый с ног резким, почти без замаха ударом Володи.

Не обращая внимания на поверженного, Чирков двинулся на оставшихся троих, ошарашенных тем, как внезапно был выведен из строя их, судя по всему, предводитель.

– Ну что, братва? Кто на очереди? Ты, вафельник? – Он обратился к стоящему возле окошка.

Парень явно насмотрелся видеобоевиков и с головой особо не дружил, раз решился дернуться на Чиркова. Володя, уклонясь от движения ноги, присел и врезал нападавшему кулаком в промежность. Тот издал глухой звук и медленно, вращая выпученными от боли глазами, завалился на бок. Двое оставшихся рванули в разные стороны. Потеряв, видимо, ориентацию, один из них бежал прямо на Доронина, которому было достаточно выставить руку, чтобы поймать бегущего на противоход. В результате и третий оказался на земле. Володя обвел взглядом поле боя, удовлетворенно сказал:

– Чисто сработано. Тебя не задели, Сань?

– Смеешься?

Парни по одному начали подниматься. Володя подошел к ним:

– Слушайте и запоминайте, обмылки, если вы хоть раз еще здесь появитесь и не дай бог заденете девушку из палатки, я вам, недоумкам, сделаю плохо. Всем до единого. А сегодня, считайте, вам повезло. А ну слиняли отсюда. Мухой!

Те, сбиваясь в кучу, втиснулись в «девятку», и машина, с пробуксовкой, быстро скрылась в первом же переулке.

Из палатки доносился приглушенный звук плача. Володя нагнулся к окошку.

– Катюш? Что с тобой? Ну-у! Это ты зря, из-за каких-то балбесов так расстраиваться?

– К черту эту работу, всякий сопляк будет оскорблять как хочет. Ухожу я отсюда, пусть лучше голодать буду, чем терпеть такое. Что же с людьми происходит? Почему облик свой человеческий теряют? – всхлипывала Катя, готовя палатку к закрытию.

Чирков подошел к Доронину.

– Видишь, как расстроилась? Ее надо успокоить, я – домой, а ты, Сань, впрягайся провозить Катюшу. Иначе нельзя.

– Подожди, Володь... – попытался остановить друга Доронин, но тот только махнул рукой, дескать, все решено. И ушел.

Александр вздохнул, закурил и стал прохаживаться по тротуару, дожидаясь выхода девушки. Ей понадобилось не больше пятнадцати минут, чтобы закрыть комок. Доронин подошел, когда она клала ключ в сумочку.

– Извините, Катя, но действительно будет лучше, если я провожу вас. И вам, и мне будет спокойней.

Девушка внимательно посмотрела на Александра.

– Саша, вы с другом – хорошие люди, и я благодарна вам. В этом поселке, к сожалению, мало кто мог бы так поступить, но все же хочу сказать... Если вы от скуки или по еще какой причине решили развлечься со мной, закрутить легкий роман, то лучше остановитесь сразу. Ничего у вас не выйдет. Несмотря на свою молодость, я уже была замужем, у меня растет дочь, растет без отца, который предал и ее и меня. Не буду вдаваться в подробности, как и почему это произошло. Просто один раз я испытала на себе, что значит быть брошенной, обидно, незаслуженно брошенной. Урок был преподан отменный. Повторения я не желаю. Теперь решайте, стоит ли меня провожать...

– Спасибо за откровенность, Катя. Тогда я, в свою очередь, должен вам сказать, что тоже, как и вы, в свое время был оставлен женой и тоже знаю, что такое предательство. Поэтому я не рассчитываю на флирт. Да, впрочем, не рассчитываю и на то, что у нас может что-то серьезное сложиться. Просто вы мне нравитесь, и просто, как мужчина, считаю своим долгом проводить вас после того, что произошло.

Катя вновь очень внимательно посмотрела на Александра.

– Ну что же мы тогда стоим? Пошли?

– Давайте ваш пакет и указывайте дорогу.

Они вышли на тротуар и неспешным шагом пошли туда, куда указала Катя. Александр шел, держа в руке пакет, и абсолютно не знал, о чем говорить. Катя тоже молчала, и чувствовали они себя скованно. Молчание прервал Доронин:

– Катя! Вы на самом деле решили уйти из палатки?

– Сейчас уже не знаю. Характер характером, а семью кормить все же надо. У меня, кроме Олеси, дочери, еще мама-инвалид. Даже не знаю, уходить или терпеть.

– Из-за местной шпаны, думаю, не стоит волноваться. Хуже, если не складываются отношения с хозяином палатки.

– Да нет, тут все нормально. Просто давит меня эта работа, нет от нее радости, но сейчас, наверное, невозможно найти занятие и по душе и с нормальной оплатой. Ну а вы? Трудная у вас работа? И опасная, наверное. Вы были в Чечне?

– Нет, пока нет.

– А как вы относитесь к этой войне?

– Честно? Воспринимаю как нечто реально происходящее, не более того.

– Но вы можете попасть туда?

– Конечно.

– Ну что ж, вот мы и пришли. В этом доме я живу. – Она показала на четырехэтажный кирпичный дом. – Извините, Саша, домой не приглашаю. Мне было приятно побеседовать с вами. До свидания, Саша.

– До встречи.

Она зашла в подъезд, Доронин немного постоял, выкурил сигарету и пошел домой.

Занятия курса молодого бойца захватили молодое пополнение полностью. С подъема и до отбоя жизнь, строго регламентируемая распорядком дня, не давала солдатам никакой возможности отвлечься и думать о чем-то другом, кроме службы. Дни чередовались, словно длинные пулеметные очереди. Самым желанным стал сон, когда тебя, выжатого как лимон, принимала в свои объятия такая желанная, жесткая солдатская постель, еще совсем недавно казавшаяся совершенно не пригодной для отдыха. Почти болезненное состояние хронического недосыпания и острое чувство голода постоянно сопровождают существование неподготовленного человека в условиях армейской среды. И если Косте удавалось с трудом выдерживать навалившиеся физические и эмоциональные нагрузки, то Колян, более привычный к жизни простой, не обремененной излишествами, справлялся с новыми условиями сравнительно легко. Своим неунывающим балагурством он поддерживал товарища. За короткий срок ребята сблизились

и во многом дополняли друг друга. И получалось неплохое сочетание качеств, помогающее преодолеть тяготы и лишения армейской службы. Каждый вечер, невзирая на усталость, Костя писал своей возлюбленной письма и так же аккуратно получал такие желанные ответные послания. Николай смотрел на друга с сочувственной снисходительностью. Он был твердо убежден, что никакая, даже самая распрекрасная, девушка ни за что не будет ждать парня два года. Ну месяц, два, это еще Коля допускал, но никак не более. В этом он был категоричен, хотя мнения своего Косте не навязывал, оттого ли, что понимал всю бесполезность этого занятия, или от искреннего желания не причинить товарищу боль.

Первый снег выпал, по обыкновению, внезапно. Начавшийся вечером дождь плавно перешел ночью в снег, мелкой белой сыпью покрывший землю. Снежная скатерть, накрывшая поселок, изменила его облик, сделала его чище и приветливее. Курс молодого бойца закончился, и молодое пополнение было распределено по подразделениям. Костя с Николаем попали в роту старшего лейтенанта Доронина. На ближайшее воскресенье назначили принятие присяги. Об этом все были предупреждены заранее, дабы молодые солдаты могли пригласить своих родных и близких. Костя решил, что не нужно приглашать ни Лену, ни родителей. Николай вообще не сообщил родным о предстоящем празднике: поездка влетела бы им в копеечку.

Торжественность события была омрачена погодой. Снег растаял, потом ударил морозец, и плац – центральное место действия – превратился в ледяной каток. И что-либо предпринять, дабы привести его в надлежащий вид, не было времени. Молодое пополнение, впервые вставшее в строй своих постоянных подразделений, вызывалось командирами взводов поочередно к накрытым красной материей столам, где каждый произносил заученные наизусть слова воинской присяги. Немногочисленные гости и члены семей офицерского состава ежились под начавшимся мелким дождем и порывистым ветром, простреливающим плац насквозь. Прохождение торжественным маршем было смазано из-за того, что роты больше старались просто удержаться на ногах, а не выдержать равнение шеренг и синхронность шага. И это удавалось не всем. От прохождения с песней пришлось отказаться, и «Взвейтесь, соколы, орлами...» – упорно изучавшаяся и репетированная песня – так и не прозвучала перед восторженными зрителями. Не подняли настроения ни показательный обед, ни выступления участников художественной самодеятельности. В общем, праздник не удался. Те, к кому приехали близкие, до утра были отпущены в увольнение. Остальным же, все из-за той же погоды, предстояло остаток этого дня провести в части, под бдительным оком ответственных офицеров и прапорщиков, которым, в свою очередь, подфартило первые сутки пребывания молодого пополнения провести в казармах.

А с утра наступил новый этап в жизни молодых парней – им предстояло адаптироваться и вжиться в коллектив постоянного подразделения, где, собственно, и отслужить срочную службу. После общего утреннего построения части Доронин, поставив задачу командирам взводов, собрал молодых солдат вместе в комнате, которая когда-то гордо именовалась Ленинской.

– Ну что, господа, рад поздравить вас с началом службы в нашей славной части и в не менее славном подразделении. Я, как вы должны знать, командир роты, старший лейтенант Доронин. Я собрал вас для краткой ознакомительной беседы. Что такое рота? Я имею в виду не ту, учебную, в которой вы прошли курс молодого бойца, а настоящую, линейную роту. Это, в первую очередь, коллектив вооруженных людей, оснащенных боевой техникой для выполнения поставленных задач. И в этом коллективе вам предстоит жить. Люди у нас, как, впрочем, и везде, подобрались разные. Как по возрасту, срокам службы, национальности, так и по своим индивидуальным качествам. Проблема дедовщины остро не стоит, хотя с проявлением ее вы столкнетесь неминуемо. Я говорю прямо и открыто потому, что теперь мы с вами одна семья. Главное не в том, что вас будут заставлять делать всю черновую работу, а в том, чтобы это не приняло характер унижения личного достоинства человека. Контроль за соблюдением воин-

ской дисциплины лежит на мне и офицерах роты. Поэтому во мне, в частности, вы должны видеть не только командира, но и первого помощника, готового всегда вас выслушать и принять меры для решения возникающих проблем. Конечно, по субординации первые, к кому вы должны обратиться, это командиры взводов, и только с их разрешения – ко мне, но в экстренных случаях можете обращаться напрямую. Далее, – продолжал Доронин, – я прекрасно понимаю, что вы еще остаетесь в зависимости от гражданки, от того, что оставили дома. Это могут быть сложные жизненные условия, нерешенные проблемы или девушка, обещавшая ждать. Эта зависимость будет еще остро сохраняться некоторое время, поэтому прошу и требую – в случае возникновения сложных вопросов самостоятельно ничего не предпринимать, а сразу ко мне. Будем решать их вместе. Вам понятно, о чем я?

– Не совсем, – буркнул Николай, совершенно ничего не понявший.

– Горшков? Вам не понятно?

– Так точно! – Николай замер по стойке «смирно».

– И что непонятно – проблемы или девушки?

– Зависимость...

– Так! Хорошо! Объясню на конкретном примере. Допустим, вы, Горшков, оставили в своем селе девушку, которую любите и которая обещала вас ждать. А через некоторое время получаете письмо, скажем, от друзей – мол, зазноба ваша вовсю вам изменяет. Вы теряете покой, начинаете мучиться, стараясь найти выход, чтобы проверить информацию. Понятна ситуация?

– Никак нет.

– Что на сей раз непонятно?

– Чего я должен мучиться? Наши пацаны такое мне не напишут никогда.

– Вы уверены?

– Так точно.

– Интересно почему?

– А у меня нет зазнобы, че о ней писать-то?

По рядам прокатился смешок. Доронин тоже с улыбкой посмотрел на Николая:

– Садись, Горшков. С тобой все ясно. Кому еще непонятно? Есть такие?

– Никак нет! – тихим хором ответили солдаты.

– Ну слава богу! – Одного такого в роте иметь еще куда ни шло, а вот нескольких... –

Ладно, с этим разобрались. У каждого из вас, судя по личным делам, есть родители, которые со слезами проводили вас. И теперь ждут не дождутся весточки. Я знаю, что некоторые этому важного значения не придают, поэтому каждый ЕЖЕДНЕВНО в течение первого месяца перед построением на вечернюю прогулку сдает лично мне или ответственному офицеру письмо, написанное домой. Для тех, кто забудет, лучше не забывать. Ибо после отбоя, в 24.00, вас поднимут и заставят-таки написать. И думайте, что пишете. А то были у нас орлы. В армии без году неделя, а домой пишут, что вот они уже и в Чечне, в окопе, после кровопролитного боя, в котором лично уничтожили чуть ли не с десятков «чехов», потеряв лучших парней. А дома – мать с инфарктом. Или еще что похуже. Пожалейте близких и себя на всеобщее посмешище не выставляйте. Вот, кажется, и все. Сейчас старшина разведет вас по взводам – и вперед. Ветрова попрошу остаться. Встать! Выходи строиться! Ветров! Подойдите ко мне.

– Товарищ старший лейтенант, рядовой Ветров по вашему приказанию прибыл.

– Садись, Ветров, вот сюда, поближе.

Доронин положил перед собой лист бумаги, похожий на анкету, и посмотрел с интересом на Костю.

– Вот смотрю я, Ветров, на выписку из твоего личного дела. Отец, он же, судя по фамилии, скорее всего, отчим, – довольно значительная фигура в мэрии крупного города. Мать – декан университета. Я ничего не путаю?

- Никак нет, товарищ старший лейтенант. Вы удивлены?
 - Тому, что ты здесь, – да, удивлен. Понимаешь, из такой семьи и в армию? Нет, это, конечно, хорошо, но почему?
 - Просто решил пройти армию.
 - И родители тебе позволили?
 - Они у меня с понятием.
 - Да! Ситуация, прямо скажем, нештатная.
 - Мне кажется, напротив. Ничего особенного.
 - Ну это только тебе кажется. Интересно, как тебя Куделин пропустил мимо себя? Да еще в паре с Панкратовым?
 - О чем вы?
 - Да так, о своем. Послушай, Ветров, я смотрю, парень ты ничего, но тяжело тебе будет. Ты в своем роде единственный в роте, если не в части. Давай-ка я тебя к старшине коптером определю? Будешь всегда при нем.
 - Мне особых условий не надо, товарищ старший лейтенант.
 - С характером?
 - Пусть будет так, как будет.
- Доронин внимательно посмотрел на Костю.
- Извини, Ветров, а настоящий, родной отец, он что, давно не живет с вами?
 - Он погиб. В Афганистане, в год моего рождения, так что я его даже не видел.
 - Офицер?
 - Так точно, летчик.
 - Понятно. Значит, не хочешь коптером?
 - Никак нет.
 - Что ж, воля твоя. Хорошо, Ветров, иди во взвод. Ты во втором?
 - Так точно.
 - Иди. И передай командиру взвода, чтобы прибыл ко мне.
 - Есть.

Когда Костя вышел, Доронин задумался. Этого парня ждало сложное испытание. Ветров обязательно попадет под плотный прессинг, и нужно принять меры, чтобы оградить его, но как это сделать? Тотально установить контроль невозможно, но усилить его следует. Парень при всех достоинствах просто не может быть подготовлен к жизни в суровых условиях, ему необходимо помочь, как, впрочем, и всем «молодым». Парадокс получается. Сейчас этих сопляков защищаешь, оберегаешь, чтобы не задела их «неуставщина», а потом они же, становясь старослужащими, сами начинают беспредельничать, унижая таких же пацанов, какими были сами каких-то полтора года назад. И объясняешь, растолковываешь, и вроде понимают они все, но ситуация неотвратимо повторяется. Словно через год-полтора их поражает какая-то эпидемия жестокости. Не всех, конечно, но большинство. И это факт.

В планах командира роты, кроме беседы с молодыми, назначено было и собрание старослужащих. Личный состав был собран в отсеке 1-го – 2-го взводов. Отработав общую тему, связанную с прибытием молодого пополнения, Доронин на личный разговор вызвал тех, кто потенциально мог оказывать давление на молодых солдат. Среди вызванных был младший сержант Гольдин.

- Гольдин! Надеюсь, ясно, почему ты оказался в канцелярии?
- Куда ясней, товарищ старший лейтенант. Одного не пойму, почему вы всегда заостряете на мне свое внимание? Где бы что бы ни произошло, сразу подозревают Гольдина. Что я, монстр какой?
- А ты, Гольдин, вспомни, разве не водятся за тобой грешки в отношении молодых? Или не ты заставлял молодых подшивать тебе подворотничок и чистить сапоги?

– Я, между прочим, товарищ старший лейтенант, в свое время не одну сотню этих самых подворотничков «дедам» подшил. И ничего, не ныл, исполнял все как положено. Чем эти «духи» лучше меня?

– Не забывайся, Гольдин, и не наглевай. Ты не со своими друзьями базаришь, а с офицером разговариваешь. И демагогию свою брось. Видите ли, его в свое время припахивали, теперь, значит, подошла очередь самому нагружать молодых? А знаешь, чем попахивает твоя жизненная позиция? Трибуналом, Гольдин, трибуналом. И не дай тебе бог задеть серьезно кого из молодых. Я тебе быстро дело оформлю. И мне без разницы, что с тобой, по твоим же словам, когда-то делали в учебке. Понял?

– Понял.

– Ты хорошо понял?

– Так точно.

– Запомни наш разговор, Гольдин. Контролировать буду лично. Не искушай судьбу.

– Разрешите идти?

– Валяй и давай следующего.

С остальными военнослужащими из группы риска Доронин беседовал в том же духе. И хотя понимал Александр, что одних слов явно недостаточно и «старики» будут, несмотря ни на что, прессовать молодых, но, чтобы этот прессинг не вышел за рамки допустимого, профилактика подобного рода лишней не будет.

Костя с Николаем между тем находились в автопарке. К обслуживанию бэтээров их не допустили, выдав по огромной метле и поставив задачу вымести всю территорию, от «линии боеготовности» до забора.

– Ну как служба, Кость? – спросил Колян, широко, как косарь в поле, размахивая метлой, создавая вокруг себя довольно плотную пылевую завесу.

– Да ничего. Ты пыли только поменьше, дышать нечем.

– Вот и да, что ничего хорошего. А пылить, Кость, обязательно надо, иначе как твою работу заметят? Больше пыли, больше толку. Но это все, Кость, только цветочки. Мне братан после армии рассказывал, как их, молодых, гоняли. Не позавидуешь.

– И что конкретно он рассказывал?

– Много чего, сразу и не вспомнишь, давай лучше мести, а то вон чухан моргалки свои открыл и пасет нас.

За работой со стороны наблюдал один из сержантов роты.

– Смотри, Кость, так и пялится. А ротный у нас ничего мужик. Наверное, с понятием. Хорошо, что к такому попали. Ротный в армии – большое дело. Взводные – так, шелупонь. Только от ротного зависит, будет ли все нормально или кранты наступят.

– Мы ж его, Коль, совсем не знаем. Может, это он поначалу такой добрый, хотя, я согласен, мужик он вроде ничего.

– Вот и я о том. У меня нюх, Кость, на опасность хорошо развит, и опасности я пока не чую, пока все нормально складывается. Главное, что после отбоя нас ждет. Не может быть, чтобы «деды» не нагрузили. Если только ответственный постоянно будет в казарме... Тогда, пожалуй, сложновато им будет.

– А может, дедовщины такой здесь вообще нет?

– Ага! Куда ж она денется? Ты иногда думай, что говоришь-то. Ротный че сказал? Остро она не стоит, но с проявлениями ее мы столкнемся обязательно. Вот так. А че это значит? То, что рано ли поздно, но нас будут сношать, и от этого никуда не уйти. Иначе и быть не может. Какая тогда это армия?

– А ну кончай работу, – раздался голос одиноко стоящего сержанта. Когда пыль улеглась, он подошел к солдатам. – Вас сюда зачем поставили? – задал он вопрос, обращаясь к Николаю.

– Бетон мести, – ответил Колян.

– Так какого... вы базарите, промахи? Работы выполняются молча, усвоили, дефективные? Еще услышу или увижу, что переговариваетесь, – языком вместо метлы заставлю работать. Ясно, дебилы? Вперед, чего уставились?

Николай с Костей взялись с новой силой за прерванную работу. Сержант отошел под козырек бокса.

– Промахи, дефективные, дебилы... Сам-то кто? Болт мазутный, козел безрогий, – бормотал почти про себя Николай, – не нравится ему, как метем. Возьми метлу и покажи, раз делаем не так. А то: дебилы. Сам-то чухан чуханом, а все туда же.

– Прекрати, Коль. Услышит – достанет.

– Да пошел он... – Колян, выругавшись, все же работу продолжил молча, иногда бросая враждебный взгляд на сержанта.

– Внимание, балбесы! – Младший командир, или, вернее, подобие его, посмотрел на часы. – Перекур пять минут. В курилку бегом, марш!

Новобранцы побросали метлы и галопом ринулись к месту курения – открытой со всех сторон беседке. Николай, забив место себе и другу, внимательно рассматривал соседей по несчастью в надежде стрелкнуть сигарету. Своих у него уже не было.

– Эй, белобрысый? Покурим?

– Уже курим.

– С кем это? Что-то я не слышал, чтобы кто-то забивал?

– Со мной курит, – откликнулся небольшого роста парень с восточными чертами лица.

– Куда тебе курить-то? Весь и так желтый. Короче, обойдешься, а мы курим с тобой.

– Че ты борзеешь? Лучше других?

– Лучше. А ты как думал? Может, тебе доказать это?

– Сам-то кто? – уже отступаясь, пробормотал парень, лишенный наглостью сослуживца желанного окурка.

– Ты не скули там. Оставлю тебе. Я добрый.

Колян получил долгожданный бычок и смачно, растягивая удовольствие, втянул в себя изрядную порцию дыма, сразу ополовинив и так небольшой окурочек.

– А ты откуда родом, чувак? – обратился Николай к тому, у кого перебил курево.

– Из-под Уфы.

– Татарин, что ль?

– Почему татарин? Башкир я.

– Ладно, на, затянись.

– Закончить перекур! По рабочим местам бегом, марш! – Сержант строго следил за временем.

* * *

Доронин перед ужином собрал командиров взводов и отделений, поставил задачу ответственному офицеру и, не дозвонившись до Чиркова, направился к коммерческой палатке. Возле нее никого не было, и Александр наклонился к окошку.

– Здравствуйте, Катя!

– А, Саша? Добрый вечер!

– Как у нас идут дела?

– Как обычно.

– Хулиганы больше не достают?

– К счастью, нет. Видно, хороший урок вы им преподали.

– О них не думайте. Защитим.

– У меня сегодня удачный день. Сначала хозяин вдвое зарплату поднял, чего уж я никак не ожидала, теперь – вы!

– А я здесь при чем?

– Просто мне приятно вас видеть.

– Значит, не будете против, если я вас провожу?

– Не буду, но мне еще час работать.

– Ничего, я терпеливый, подожду.

Подошли покупатели, и Доронин отошел на тротуар. Слова Кати были приятны. Может быть, она тоже испытывает к нему какое-то чувство? Александру просто необходимо изменить жизнь, и Катя – тот человек, который может в этом ему помочь. Скромная, неизбалованная и уже хлебнувшая лиха. Ребенок? Ну и что, что ребенок? Это даже очень хорошо. Связав свою жизнь с Катей, он обретет полноценную семью. Да! Если бы так! С его стороны все понятно, но вот как Катя относится к нему? Нужно завоевать расположение, но как? Провожать ее каждый вечер – и то он не в состоянии. Служба есть служба, и времени она отбирает много.

– Вот мы где! – раздался со спины голос Чиркова.

– Привет, Володь!

– Привет! – И, подойдя к палатке: – Привет, красавица! – Он вернулся к Доронину. – Как, Сань, дела на любовном фронте?

– Видишь, жду. Неопределенные дела.

– Помощь нужна?

– В чем?

– Ну... во всем...

– Не нужна, иди к жене. У вас-то как?

– Все на мази. Я сейчас, Сань, сделаю такой ход конем! Даша дар речи потеряет, клянусь мамой!

– Что же ты такого задумал?

– Цветы куплю. Много цветов. Зайду домой и брошу их к ее ногам. Эффектно?

– Эффектно. Даша тебе вопрос – откуда деньги взял?

– Да? А ведь точно. Не скажу же я ей, что бак бензина слил? И полочки не было? Вот ситуация. Ну что за жизнь, блин? Жене и цветов без объяснений не подарить.

– Скажи, что у меня занял.

– Ага, а потом, скажет, отдавать? Так на какой черт было тратить деньги на цветы, когда на жизнь не хватает? Вот незадача, мать ее! Ну придумай что, Сань.

– Объясни тогда так – мол, подшефные подарили. Ты им занятие показательное устроил, а они тебе цветы.

– Да? А с чего вдруг подшефные цветы-то станут дарить?

– А это уже их дело. Решили подарить, вот и подарили. Ты-то при чем?

– Верно. Так, пожалуй, и скажу. Проверить она не сможет. Молодчик, Сань! Ладно, пока-тил я на рынок. Оставляю вас, ваше благородие, наедине с прекрасной дамой.

Вова скрылся в ближайшем переулке, Доронин продолжал ждать. Катя закрыла палатку ровно в восемь, и они пошли знакомой уже дорогой.

– Катя, вы местная?

– Да. Здесь родилась, выросла, училась и живу в маминой квартире, в той самой, где и появилась на свет. Отец умер, когда я была еще маленькой. Он был монтажником. Однажды страховочный трос оборвался, и папы не стало. Мама после этого долго болела, она очень любила отца, в результате стала инвалидом. А тут еще я со своими проблемами. Но стерпелась как-то, жизнь – она не останавливается. Бьет, калечит, но не останавливается. Помыкалась, Саша, порядком. По профессии я учитель младших классов. В школу устроиться не смогла – все занято. Кем только не работала. Нянечкой в яслях, санитаркой в больнице, кондуктором.

За труд платили чисто символически, и ни на что большее я и не рассчитывала. Потом вот палатка подвернулась, сейчас с материальной стороны полегче стало. Но угнетает постоянная боязнь остаться без работы. Какое-то нервное ожидание чего-то худого.

– Катя, вы просто выбиты из колеи, лишены душевного равновесия, ибо сталкиваетесь с трудностями в одиночку. Вам необходима поддержка. Нужно сказать себе: все! Не желаю я больше так, хочу и буду жить новой жизнью. А я всегда готов поддержать вас. Не скрою, Катя, вы мне нравитесь, если не сказать большего. Я хочу вновь обрести смысл жизни, а не плыть по течению, надеясь на то, что в результате куда-нибудь да вынесет...

Катя шла молча, низко наклонив головку в шерстяной спортивной шапочке, из-под которой выбивались густые темные волосы. Александру вдруг захотелось окунуться в них лицом, почувствовать волнующий запах ее духов, запутаться в ее волосах на всю оставшуюся жизнь.

– Спасибо, Саш. Но поймите и меня правильно, мы знакомы всего лишь несколько дней, хотя я поняла, что человек вы благородный. Есть в вас что-то, чего не хватает многим. Но мне нужно время, чтобы привести чувства в порядок, определиться. Не обижайтесь ради бога на меня, неблагодарную, я хорошо отношусь к вам, Саша, но, пожалуйста, не торопите меня. Я не готова пока принять решение.

– Но вы и не отрицаете возможность того, что у нас может быть будущее?

– Нет, не отрицаю.

– Этого достаточно, Катюша. А время? Его у нас впереди много – вся жизнь, я подожду.

Они подошли к знакомому дому. Александр, улыбаясь, сказал:

– Домой вы меня, по понятной причине, не приглашаете. Я понимаю и не настаиваю. До свидания, Катя.

– До встречи.

Катя прошла через скверик к подъезду, остановилась на входе, обернулась к стоящему недалеко подтянутому и стройному офицеру. Задержала на нем взгляд, улыбнулась, помахала рукой. Александр ответил ей тем же. Когда Катя вошла в подъезд, Доронин глубоко вздохнул, посмотрел вокруг, улыбнулся неизвестно чему. «Мы будем вместе. Обязательно будем». Ему захотелось обнять неизвестную старушку, проходящую мимо, обнять березу, стоящую рядом, обнять весь мир. Жизнь продолжалась, и все теперь впереди. Они проживут долгую, счастливую жизнь. Жизнь, полную смысла. Тоска окончательно отступила. И водка больше была не нужна.

Предсказания Николая, что дедовщина по-любому проявит себя, подтвердились. Прошла неделя усиленного контроля. Ничего в смысле нарушения дисциплины не происходило, и его решено было смягчить. Офицеры и так были загружены службой, и дополнительные длительные нагрузки на пользу не шли, неизбежно сказываясь на качестве их основной деятельности. Поэтому Доронин с понедельника отменил суточный режим нахождения ответственных офицеров в роте, и теперь контролирующий порядок оставался в казарме до отбоя. Этим не преминули воспользоваться отдельные старослужащие, которым не по нутру были введенные ранее порядки.

Однажды уже спящих Николая и Костю поднял дежурный по роте, сержант Смагин.

– Подъем, духи! Оделись и в сортир, на беседу, быстро!

– Какую еще беседу? – спросил спросонья Колян.

– Там узнаешь какую, а ну мухой взлетели!

– Началось, – буркнул Коля. – Не бойся, Кость, – прорвемся.

Пришлось подчиниться. Друзья, протирая глаза, зашли в туалетную комнату. Там находились Гольдин – их командир отделения, Кузя – старослужащий Кузнецов из первого взвода, Корявый – Коркин, сослуживец и одноклассник Кузи. Замыкал шалман дежурный по роте – Смагин. Туалетная комната делилась на две. Передняя – умывальник, задняя – собственно туалет. В передней, почти посередине, сидел на стуле, закинув ногу за ногу, Гольдин. Остальные рас-

положились полукругом. Смагин встал у двери, как бы перекрывая выход. На окна опущены темные шторы светомаскировки.

– Ну что, духи? – начал Гольдин. – Служба медом кажется? А? И думаете, бляди, так и дальше будет? Как ротный вам пел? Гвоздь в грызло! Поняли, обмороки?

Сержант встал, подошел к Косте, тыча его пальцем в грудь:

– А ты, интеллигент вшивый, считаешь себя на особом положении? В стукачи заделался, козел трухлявый? Отвечай, когда сержант спрашивает!

– Что-то я не пойму, о чем вы, товарищ сержант?

– Ах, ты не понимаешь? Может, так поймешь?

Гольдин резко ударил Костю в солнечное сплетение. Удар был неожиданным, и Костя не успел напрячь пресс. Боль перехватила дыхание, и он согнулся. Тут же ребром ладони Гольдин ударил по незащищенной шее. Костя охнул и упал на пол.

– Ты че делаешь? – подал голос Колян. – Очумел, что ли?

– Че? Че ты, балбес, вякнул?

– А ничего! За что бьешь?

– Да ты никак борзый, душара?

Гольдин попытался ударить Колю, но тот, имеющий довольно богатый опыт деревенских кулачных боев, легко уклонился, не сходя с места.

– Вы че беспредельничаете? Нагрузить хотели? Грузите. А зазря бить нечего.

Почувствовав в Коляне скрытую угрозу своему дешевому авторитету, Гольдин решил сменить тактику.

– А ты, Горшков, ничего. Смекаешь, что к чему. Видать, не раз был бит.

– И бит был, и сам бил неслабо. Мне до фени все, когда заведусь.

– Ну-ну! А че за этого заступаешься? Он же стукач!

– Кто тебе такую ерунду сказал?

– Голь? Че ты с ним базаришь? – вступил в разговор Кузя. – Он же сам напрашивается, так грузи его по полной.

– Слышал, Горшков? Сам напросился. Так что давай, душок, вали за косяками.

– За чем? – удивился Колян.

– Ты че, в натуре, с луны свалился? Дряни никогда не курил?

– А на что она мне?

– Вот балбес. Про анашу слышал?

– Слышал.

– Так вот. Забивается анаша в косяк и курится. Понял, придурок? За столовой махнешь через забор, дальше пойдешь прямо, у моста свернешь к реке. Там в бараках таджики живут. У них и возьмешь дряни – два косяка.

– А бабки?

– Какие бабки, дурак?

– Че они мне, так дадут, что ли?

– А вот это нас не колышет. Как хочешь и на что хочешь, бери. И чтобы через час был тут. Придешь пустой – не взыщи.

– Да по пути пузырь водяры возьми, – озадачил Коляна Смага.

– Въезжаешь? Сделаешь все как надо, дальше по-другому будем базарить. Не сделаешь – кранты и тебе, и твоему дружку. Въехал? Давай вали. Время пошло.

– Ладно, принесу че надо, только это, его, – Колян показал на Костю, который начал приходить в себя, – не трогайте, не надо.

– Какой базар!

Николай повернулся и вышел из туалетной комнаты. Как только он ушел, Гольдин вернулся к разговору с Костей, который только отдышался от коварного удара.

– Ну так че, душок? Теперь понял, что я хотел сказать? Молчишь? Ну так запоминай. С этого дня лично ты ежедневно будешь чистить обувь, подшивать подворотнички, стирать и гладить форму мне и моим друзьям. И делать это будешь втихаря, чтобы не дай бог тебя засекло офицеры. Ну а если стуканешь кому, тогда не взыщи. Тебе кранты. Домой на коляске увезут в лучшем случае. Понял, интеллигент?

– Обувь, говоришь, чистить? – поднимаясь, переспросил Костя. – Добро.

Он встал и вдруг, схватив сержанта за плечи, дернул на себя, нанося головой удар в лицо. Гольдин охнул. Отпущенный, он потерял ориентацию и тут же получил удар между ног. Корявый с Кузей, придя в себя от неожиданности, бросились на Костю. Костя успел локтем отбить руку Кузи и ударить в челюсть, но и сам получил увесистый и болезненный удар в затылок. В глазах потемнело, но Костя нашел в себе силы развернуться и въехать левой в сопло Корявому. Подоспел Смагин, который сбил Костю с ног. Подняться ему уже не дали. Разъяренные деды принялись избивать его ногами, стараясь не попасть в лицо. Гольдин постепенно приходил в себя в углу туалета и наконец дал команду своим друзьям прекратить избиение.

* * *

Колян еще из дома припрятал триста рублей. Знал, что пригодятся, вот и пригодились. Он беспрепятственно преодолел забор и темную улицу, вышел к мосту, осмотрелся. Справа, вдоль реки, – заброшенные бараки, в черных проемах окон кое-где тускло горел свет. Николай подошел к двери, дорогу ему преградил огромных размеров пес. Пес лениво загавкал, не предпринимая больше никаких попыток отогнать незваного гостя. Видимо, гости наведывались сюда часто. Вышел черный, как негр, человек в длинном полосатом ватном халате.

– Ай, зачем пришел?

– Дрянь нужна.

– Э-э, кто сказал сюда ходить?

– Тебе че? Фамилии назвать?

– Э-э, зачем фамилья? Сколько брать будишь?

– Два косяка.

– Подожди, вынесут.

– Сколько я тебе должен?

– А твоя не знает?

– Ты мозги-то мне не пудри. Знает моя, не знает, тебя не колышет. Говори, сколько?

– Зачем ругаешься? А скажу нет косяк, что будет?

– Конеч тебе будет. Давай, времени у меня нет бакланить с тобой.

– Двести пятьдесят отдашь, кто принесет.

Таджик запахнул полы халата и исчез в проеме двери. Через минуту Колю окликнули. Сзади него, на пригорке, стоял мальчик, точная, только уменьшенная, копия взрослого обитателя развалин.

– Солдат! Сюда иди!

Николай подошел.

– Деньги давай!

– Дрянь где?

– Тут, – пацаненок показал зажатые в кулаке удлиненные папиросы. – Анаша ништяк.

– Давай сюда.

– Э-э, деньги давай.

Колян протянул деньги – двести рублей, получив взамен две папиросы. Тут же он пошел на подъем, где его догнал пацан.

– Ну че тебе?

- Мало деньги дал.
- Ты че, в натуре, считать не научился, Тарзан?
- Моя считал, еще пятьдесят рублей надо.

Колян нагнулся к пацану.

– Слушай, чушок, пошел ты! Понял? Или тебе по макушке настучать для понятия? – Коля не испытывал никакого желания доплачивать, чувствуя, что торговец наверняка задрал цену, видя перед собой явного лоха. Пацаненок, ругаясь на своем языке, неохотно удалился.

Прикупив по пути бутылку водки, Николай тем же путем вернулся в роту.

– Ждут? – спросил он у дневального, такого же молодого, как сам.

– Там они. А че там? Разборки какие?

– Ага, скоро сам узнаешь.

Колян, пройдя вдоль спящей казармы, открыл дверь туалетной комнаты. Первое, что он увидел, – это окровавленное тело Кости, которое прислонили к стене. Четверка дедов стояла тут же. У троих, включая Гольдина, морды были подпорчены. Значит, Костю в его отсутствие жестоко избивали, но он дал отпор. И тогда его били вчетвером. Одного. Кровь ударила в голову Николая, в глазах вспыхнула ярость.

– Ну че? Принес товар, душара?

– Товар? Принес. А это че? – Он кивнул на Костю. – Вы его одного вчетвером, значит, отоварили. За что?

– Ты че, конь, оборзел?

– За что, суки, пацана избивали? Я же говорил: не трогайте!

– Ты кто есть-то, дух? Кого суками назвал, полудурок?

– Ну козлы, ну твари...

Колян выхватил бутылку водки и тут же разбил ее о край умывальника. Когда в руке у него оказалось заостренное горлышко, он ринулся вперед, одним взмахом вспоров воздух возле самого лица Гольдина. Тот дернулся назад. Почувствовав, что дело принимает опасный оборот, Кузя с дежурным Смагиным выскочили из туалета. Николай же продолжал наступление на Гольдина.

– Ну че, хорек, побледнел? Я тебя за Костю порву сейчас, на куски порежу.

Взмахнув горлышком, другой рукой Колян врезал Гольдину прямо в переносицу. Тот упал. Развернувшись, Николай ударил стоящего в оцепенении Корявого сапогом. Коркин, схватившись обеими руками за свое мужское достоинство, осел на пол. Гольдин в это время попытался встать, но тут же был вновь уложен ударом ноги в голову. Вскочив на поверженного врага, Колян рывком перевернул сержанта на спину и занес над ним страшное калечащее оружие.

– Что, падла? Ссышь? Молись, гаденыш, мочить тебя сейчас буду.

– Ты че, Коль? Не надо. Ну ты че? – изрядно струсив, шептал разбитым ртом еще недавно жестокий и грозный командир отделения.

– Не будешь, тварь? А ну ты, Корявый?

Коркин поднял глаза на Николая.

– Веди сюда всю шоблу, ну? Быстро! Или я вас по одному сделаю, ну?

Превозмогая боль, Корявый двинулся к выходу. И почти сразу вернулся с Кузей и Смагой.

– Эй, Колян! Брось, да? Давай поговорим.

– Не о чем мне с вами говорить. Клянись, падлы, что никогда больше не тронете Костю, матерью клянись. Иначе начну мочить. Мне до фени.

– Ну ладно, ладно. Клянемся. Ты отпусти его, Коль.

– А ты, урод, че молчишь? – обратился Колян к вспотевшему Гольдину. – Ну, вонючка?

– Клянусь.

– Громче! И как положено.

– Мамой клянусь! Не трону больше.

Николай быстро встал, заставив отпрянуть назад старослужащих, держа по-прежнему оружие в руке.

– А вам говорю, если что надумаете, то лучше убивайте сразу, иначе я вас один черт достану, по одному кончу. Не я, так братан придет. Конец вам один будет. По службе напрягайте, а беспредельничать не дам. Завалю, коли что. Поняли?

Колян отбросил горлышко в умывальник, подошел к Косте. Он ждал, что, увидев его безоружным, троица метнется на него, и готовился, как обычно в таких случаях, броситься им в ноги и гасить упавших. Но старослужащие оставались на месте.

– Пойдем, Кость, больше они тебя не тронут. Кровь сейчас смоем, все будет нормально.

Наутро начались разборки. Доронин пришел на подъем и во время построения увидел побитого Ветрова и, что крайне удивило его, не менее пострадавшего Гольдина, который в роте считался непререкаемым авторитетом в смысле неуставных взаимоотношений. Да еще пара дедов явно получила по тыкве.

– Это что за клоунада? Гольдин, старичок ты наш, кто же тебя, родимого, отделал? Неужели Ветров? А, Гольдин? Молчишь? Хорошо. Старшина! Веди людей на зарядку. Ветров с Гольдиным в канцелярию, по одному.

Костя стоял перед столом командира роты. Доронин посмотрел на него и начал разбирательство:

– Что случилось, Ветров?

– Ничего особенного, товарищ старший лейтенант.

– Ты так считаешь? А мне кажется, что ты ошибаешься. Кое-что явно произошло, и очень серьезное. Настолько серьезное, что если ты промолчишь, а Гольдин, командир отделения, после тебя заявит, что произошла потасовка и что именно ты, Ветров, первым набросился на сержанта, а тот лишь защищался, то дело примет нежелательный для тебя оборот. Мало того, что ты, мол, игнорировал уставные требования младшего командира, так еще с кулаками набросился на него. А это, Ветров, трибунал. Трибунал и дисбат, полгода как минимум. Смекаешь? Я-то буду знать, что это не так, но меры вынужден буду принять по заявлению Гольдина, раз ты молчишь. Так что произошло на самом деле?

– Вы хотите, чтобы я стал стукачом?

– Ну, Ветров! Вот этого я от тебя никак не ожидал. Ты же умный парень, а мыслишь, извини, как засранец малолетний. Мне не стукачи нужны, скажу больше, я их терпеть не могу, хотя мог бы создать целую сеть. Но не мой это стиль. Мне справедливость нужна, понимаешь?

– Так точно.

– Ничего ты не понимаешь, поэтому и играешь в благородство. Только не стоит этого делать. Ты Гольдина не знаешь, а я знаю. Знаю, что он подонок, чтобы не дать попортить себе шкуру, он будет, обязательно будет все валить на тебя. И свидетелей с десяток наберет. Выхода у него другого на этот раз нет.

– Что же я могу сделать?

– Рапорт написать.

– Я не буду этого делать.

– Ну смотри, заставить тебя я не могу. Свободен.

Доронин вызвал Гольдина.

– Ну, Гольдин, и удивил ты меня. Это надо же, ты и с разбитой мордой? Кто же такой супермен, расквасивший физиономию грозному деду, а? Неужели молодой Ветров?

– Все равно вы мне не поверите, а будете стараться уличить в том, чего я не совершал.

– Ты говори, говори, не решай за меня.

– А чего говорить, товарищ старший лейтенант? Оборзели молодые. Я пошел ночью в туалет по нужде, там Ветров этот курит. Я сделал ему замечание. Он начал пререкаться. Ну слово за слово, сцепились мы, а там же умывальники, да и освещение ночное.

– Стоп! Давай по порядку – кто начал первым?

– Получается, что я, раз первым сделал замечание.

– Я не о том. Кто ударил первым?

– Вот этого не помню, может, и я задел его случайно. Он ответил, ну и поехало.

– Такова версия, да? Ладно, вот тебе листок бумаги – пиши. Все как было. И подробно, Гольдин, со свидетелями.

– Так мы вдвоем были.

– А Коркин и Кузин? Твои друзья по несчастью?

– Их там не было.

– Где же они попортили свои физиономии?

– Не знаю. Я за них не ответчик.

– Тогда пиши за себя.

– Нет, товарищ старший лейтенант. Вы спросили, я ответил, а объяснительную или рапорт писать не буду.

Доронин задумался. А стоит ли раздувать дело? И так все ясно – деды наехали на молодых и неожиданно получили отпор.

– Ладно, Гольдин. А молодые у нас ничего, в обиду себя не дают, а, сержант?

– Если бы их еще кто трогал.

– Иди, приведи себя в порядок. И смотри Куделину на глаза не попадись. Не в твоих это интересах. Вообще-то, тебя на время лучше куда-нибудь отправить. Я подумаю.

В подавляющем большинстве случаев, связанные с нанесением физического оскорбления, становились предметом тщательного разбирательства внутри части. Выше, как правило, информацию не выносили. Но внутри разбирались досконально, раздавая «подарки» и правым и виноватым. Но на сей раз туалетную драку удалось замять. Гольдина отправили на полигон, ну а Ветрова положили в санчасть, через начмеда, с которым у Доронина сложились довольно хорошие отношения. Несмотря на то что в роте старослужащие пытались скрыть от молодых подробности ночного инцидента, слух по роте расползся быстро, и Колян с Костей стали пользоваться немалым авторитетом у всех, без исключения, солдат подразделения. Они этим не пользовались то ли оттого, что не знали, как это сделать, то ли от нежелания и неумения быть в центре внимания. Старослужащие больше не пытались задеть своевольных и отчаянных духов, а ребятам большего и не надо было. Николай, как появлялось свободное время, навещал Костю, принося ему письма и отправляя ответы. Без Кости Коляну было скучно, поэтому редкие часы свободного времени он проводил в санчасти. Разговор их сводился в основном к обсуждению проблем, со службой никак не связанных. Колян все больше задумывался о том, что будет делать после армии. Узнав, что Костя готовится по весне откосить от службы, Колян встревожился.

– Кость? Значит, ты через полгода слиняешь отсюда?

– Чуть позже.

– А я? Че мне здесь, одному париться?

– Ну почему одному? Остаются ребята, да и служить останется недолго.

– Может, мне в офицеры податься? Подать рапорт в училище какое? И тоже дернуть отсюда?

– У тебя же нет среднего образования.

– Вот, блин. Кто такие законы придумал? Зачем офицеру химия да физика там всякая? Зачем образование? Чтобы таким чуханом, как наш взводный, быть, ума много не надо.

– Положено. И зря ты так об образовании. Офицеру надо много знать.

– Ага! То-то у наших прапоров – ума палата, мозги так и лезут наружу. Иногда такое отчебучат, что без полбанки не поймешь.

– Прапорщики – это другое дело, Коль.

– Какая разница? Только что две звездочки на всю жизнь. Да и шут с ними, со звездами. Прапорщики на складах сидят, тачки имеют, а летеха наш, к примеру, че он-то имеет? Кроме пилюлей от ротного? Ничего. Ключет с утра сотку и ходит туда-сюда потерянный, как Петруня наш деревенский. Ни понятия в нем, ни вида внешнего. Вон зам по техчасти, тот да – орел! Как рывкнет матом, так боксы трясутся. Вот это, я понимаю, командир. И скажи, чтобы так ругаться, надо институты заканчивать?

– Тебя тяжело, Коль, в чем-то убедить.

– А че убеждать-то? Ротный – человек, согласен. Друган его, сапер, тоже, видать, мужик правильный. А другие? Так, фуфло. Нет, может, и есть нормальные офицеры, не без этого, но и шакалов хватает. Особенно хомут тот, на хоря похожий, помнишь? Вот, в натуре, недоделок! Шинель на нем, как на чучеле, картавит – не поймешь, команду подать нормально не может. И смотрит, где что стянуть, так глазами и зыркает.

– Откуда ты взял про него?

– А мы в наряде по столовой с ним были, пока ты в санчасти отдыхаешь. Дрязгунов его фамилия. Он кусок мяса недоваренный прямо из котла вытянул. Представляешь? Тот с черпака сорвался, так он в котел руками. Ошпарился, но достал. Ну не хорь в погонах? За наряд раз пять домой нырял. То картошки прихватит, то лучку, порошка стирального и того рюкзака уволок. Ну не чмо?

Костя не знал, что на это сказать.

– Молчишь? Вот то-то. А ты говоришь – образование. Ты спроси у этого долбenea – сколько будет дважды два? Ведь «восемь» ответит, потому что четырех ему мало.

– Ладно, Коль, давай о другом.

– А че о другом? Ты скоро свинтишь, а мне тут до дембеля корячиться. Хотя и правда, хорош об этом скулить. Нечего вперед загадывать, в армии только одним днем живут. Прошел – и черт с ним.

* * *

Приближался Новый год. Праздник, несущий людям радость и надежду. Ожидание скорых, лучших перемен. Накануне Катюша предложила Доронину встретить наступающий год вместе, в ее семье. Александр был очень рад и тронут приглашением. Их отношения приобрели устойчивый характер. Все мысли Доронина, не касающиеся службы, были связаны непременно с Катюшей. Все, что бы он ни делал, косвенно было связано с любимой. Да, любимой, ибо иначе свои чувства Александр не расценивал. Готовились к новомуднему празднику и в части. Планировали накрыть в роте общий стол, закупив различных сладостей и лимонада. Украсили елку и взводные отсеки самодельными гирляндами. Казарма стала праздничной, нарядной, меняя к лучшему и настроение ее обитателей.

Доронин находился в канцелярии, когда к нему вошел посыльный по штабу с книгой нарядов.

– Товарищ старший лейтенант, вам расписаться нужно.

Сердце екнуло. Неужели наряд в новогоднюю ночь? Но праздничные наряды планируются на несколько дней, может, пронесет и его очередь выпадет на тридцатое или на второе число? Не пронесло. В книге четко обозначено: «31 декабря – дежурный по парку – ст. л-нт Доронин».

– Вот черт! Что же это такое?

– Распишитесь, товарищ старший лейтенант, мне еще многих обойти надо. Начальник штаба ругать будет, если кого не найду.

В это время в канцелярию вломился Чирков.

– Что за дела, военные? Оп-па, смотрю, Сань, загремел ты в наряд? И когда?

Володя знал, что Александр собирается встретить праздник с Катюшей, и радовался этому.

– С 31-го на 1-е, Володь, как нарочно.

Настроение у Доронина упало на ноль.

– Это Куделина работа, – проговорил Чирков, – чует мое сердце. Так и норовит людям праздник испортить.

– При чем тут Куделин? График начальник штаба с комбатом составляют.

– Все равно без замполита не обошлось. Ну чего нос повесил? Слушай, ты давай оставайся здесь, а мы с посыльным до штаба прогуляемся, решим твой вопрос.

– Зачем без толку лишний шум поднимать?

– Сиди здесь, пехота, и жди меня.

Чирков ушел и вернулся через полчаса.

– Ну вот и все, а ты боялся. Гуляй смело со своей Катюшей. Да, Доронин, с тебя стакан.

– Как тебе это удалось?

– Я заменил тебя. И все оформил как следует, даже в приказ изменения внесли. Так что свободен ты, Сань, как птица в бреющем полете.

– Володь!

– Ладно, молчи. Потом два наряда отстоишь за меня.

– Да хоть десять! Но как же Даша?

– А что Даша? Ей не привыкать. Скажу, за доблестную службу отмечен праздничным нарядом, так что – гордись, родная. Короче, мое это дело. Я же понимаю, как важна для тебя первая семейная встреча. Посему молчи, но стакан давай наливай.

– Нет у меня сейчас.

– Мамеда пошли.

Доронин вызвал старшину Мамедова.

– Акиф? Ты мне кунак? – спросил его Чирков.

– Я понял. Что? По новой, командир? – Мамедов был недоволен, решив, что Доронин собирается выпить.

– Ни черта ты не понял, мой горный друг, – продолжал Чирков, – речь не о твоём командире, а обо мне. Доронин мне стакан должен, понял? Сам он, ты понимаешь, не может пойти за пойлом, мне идти – какой резон, ведь стакан должен не я? Вот и получается, если ты друг мне и тебе не запахло, сходи до комка?

– Говоришь, командир тебе стакан должен?

– Точно.

– Ну лобастый, Володя, я тебе налью сам. Пойдешь со мной или сюда доставить?

– Зачем светиться, Акиф, пошли в твои владения. Все-таки, Доронин, переманю я у тебя Мамедова. Не старшина – золото. В отличие от моего недоделка.

– Так я тебе его и отдам, жди.

Как только Чирков с Мамедовым вышли, зазвонил телефон. Оперативный дежурный сообщил, что старшего лейтенанта Доронина и рядового Ветрова вызывает к себе командир части.

Это было неожиданно. Ну ладно, Смирнов хотел бы увидеть его, Доронина, такое бывало. Но при чем здесь рядовой Ветров? Неужели драка в туалете стала достоянием гласности? Это уже хуже. Но думай не думай, а идти надо.

Александр вызвал дневального:

– Рядового Ветрова ко мне, быстро!

Через несколько минут Костя открыл дверь ротной канцелярии.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

– Заходи. Так, нас вызывает командир части, тебя и меня. Если встанет вопрос о ночном инциденте со старослужащими, ничего не скрывать, говорить правду. Ясно?

– Так точно! – Костя был немало удивлен вызовом. – Но... откуда...

– Не знаю. Все! Пошли!

Доронин с Ветровым прошли через плац в штаб. Поднимаясь по лестнице, офицер подбодрил подчиненного:

– Ты особо не суетись. Командир с виду грозный, а так с понятием. Единственное, не переносит лжи. Это уясни.

Они подошли к двери кабинета.

Старший лейтенант постучал.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Входите.

Командир сидел за рабочим столом, как всегда собранный и внимательный. В руках он, как всегда, держал ручку. Перед ним – чистый лист бумаги.

– Проходите, присаживайтесь, – пригласил Смирнов, не дожидаясь доклада.

Тон командира – миролюбивый и разносом, по крайней мере сейчас, в самом начале, не грозил. Он спросил, глядя на солдата:

– Рядовой Ветров? Константин?

– Так точно!

– Знаешь, Константин, я вызвал тебя больше по личному вопросу. Дело вот в чем. Фамилия Ветров напоминает мне один эпизод из моей жизни. Извини, твой отец жив? Родной, я имею в виду, отец?

– Никак нет, товарищ подполковник. Он погиб в Афганистане.

– Вот как? А кем он там служил?

– Летчиком, пилотом вертолета, лейтенантом.

– Вертолета? – Лицо Смирнова напряглось. – А когда и при каких обстоятельствах он погиб, тебе известно?

– В восемьдесят первом году. А как – это я знаю только со слов других. На земле шел бой, отец в составе экипажа прикрывал наших с воздуха. Вертолет сбили, экипаж разбился. Я отца не знал, так как родился, когда он уже погиб.

– Послушай, Ветров, – командир подошел к Косте и взял его за плечи, чем очень удивил Доронина, – у тебя, вернее, у вас дома сохранились фотографии отца?

– Да, но только одна, с войны.

– Хорошо. Сейчас, подожди.

Командир сел за стол, начал выдвигать ящики, вытаскивая папки, открывая их и бросая на сукно. Он что-то искал и наконец нашел. Смирнов держал в руке пожелтевшую от времени фотографию. Он обошел стол, наклонился к Ветрову.

– Посмотри, парень, сюда. Здесь, на фото, нет твоего отца?

На Костю смотрели два улыбающихся офицера, летчики, судя по форме, державшие в руках шлемы. Слева незнакомый, постарше, а вот справа... Сомнений быть не могло, через десятилетия на него смотрел отец, по возрасту ненамного старше сегодняшнего сына.

– Ну что? – спросил подполковник.

– Отец, – произнес Константин, – вон он, справа.

– Та-ак!

Командир расстегнул китель, присел рядом с солдатом, закурил. Доронин молчал.

– Товарищ подполковник, вы знали отца? – тихо спросил Костя.

– Знал ли я его? – Смирнов задумался. – Лично нет, не знал.

– Тогда почему у вас эта фотография?

Командир печально посмотрел на молодого солдата.

– Ты говорил, что знаешь, что отец твой погиб, прикрывая с воздуха ведущее бой подразделение, так?

– Так точно!

– Так вот, Костя. Двадцать восьмого августа 1981 года в горах Гиндукуша, на одном из перевалов, попал в засаду разведвзвод. Бой завязался тяжелый, неравный, с превосходящими силами противника. Командовал этим взводом я, тогда еще старший лейтенант. Ситуация складывалась катастрофическая. Несмотря на наше ожесточенное, отчаянное сопротивление, духи все подходили и подходили через узкий проход ущелья. У нас кончались боеприпасы, и участь взвода была предрешена. Но тут с воздуха вдруг ударил вертолет. Огнем неуправляемых ракет он на какое-то время заставил наступающих отойти. К сожалению, передышка была короткой, вертолет обстреляли и, видимо, повредили, так как полет его стал рваным. Может, я выражаюсь не совсем понятно, но тогда я подумал именно так – рваный полет. Ребятам с вертушки надо было уходить. Сделать большего, чем уже сделали, они не могли. Просто были не в состоянии. Боезапас экипаж расстрелял, вертолет поврежден, им бы до площадки своей дотянуть. Но они остались. После боя, после всего, что произошло, в приказе о награждении говорилось, что вертолет был сбит, экипаж пал смертью храбрых. Все это так. Но была одна неточность в словах наградного листа.

Командир внезапно замолчал. Он встал, прошелся по кабинету. Доронин с Костей напряженно слушали эту наступившую тишину. Смирнов, выдержав паузу, продолжил:

– А неточность эта в том, что вертолет не рухнул, сбитый, отвесно вниз. Экипаж в последние секунды, теряя управление, раненный, направил горящую машину в тот проклятый узкий проход, преграждая взрывом, обломками вертолета, камнепадом, своими телами, наконец, путь душманам, тем самым спасая жизнь нам. Это был таран, Костя. Наземный таран. Вот так. Благодаря этому экипажу, и твоему отцу в частности, восемнадцать человек избежали неминуемой, страшной смерти. Я потом, после госпиталя, писал рапорта, где докладывал истинную картину гибели экипажа «Ми-24», но то ли им не придали должного значения, то ли еще что, но командование определило произошедшее как обычный на войне трагичный случай. И наградило исходя из такой оценки случившегося. А заслуживали ребята большего. Фотографию я выпросил у одного прапорщика из их эскадрильи, которая дислоцировалась недалеко от нашей бригады. Вот откуда она у меня. И я берегу ее, храня глубокую признательность этим парням, до конца выполнившим свой долг и даже сделавшим большее. Тем, кому я обязан жизнью.

Смирнов подошел к Косте, который стоял возле стола, вновь обнял солдата:

– Вот, Костя, как все было! И помни, что бы ни говорили, твой отец – герой... А ты, Доронин, береги парня, понял?

– Так точно, товарищ подполковник!

Когда Доронин с Ветровым вышли, Смирнов вздохнул, взял пожелтевшую фотографию. Долго всматривался в лица улыбающихся молодых офицеров, навсегда оставшихся в том далеком восьмьдесят первом...

Он бережно положил фото в удостоверение личности офицера, подошел к окну, задумчиво закурил, наблюдая, как уходят в снегопад две фигуры. Был ли Смирнов в мыслях рядом с ними или вновь вел неравный, кровавый бой в горах Афганистана?

Непроницаемое лицо боевого офицера ответа не давало. Он просто смотрел сквозь оконное стекло. Думая о чем-то своем.

А затем началась череда неприятных новостей. Во-первых, сразу после праздника подполковник Смирнов попал в автокатастрофу и в тяжелом состоянии был определен в госпиталь. Повреждения он получил настолько серьезные, что о возвращении в строй не могло быть

и речи. Вопрос стоял о том, сможет ли подполковник вообще нормально передвигаться, так как был сломан позвоночник.

Командиром части временно назначили Куделина, который на днях получил очередное звание – подполковник. Обычно командира замещает его прямой заместитель или начальник штаба. Но Куделин обладал обширными связями и благодаря им да вовремя полученному званию сумел-таки, пусть временно, занять возделенный пост. С вступлением его в должность обстановка в части резко изменилась. Куделин никогда не забывал нанесенных ему обид, поэтому Доронин и Чирков сразу же попали под его плотный прессинг, грозящий последним весьма крупными неприятностями.

Доронин прекрасно понимал, что с уходом Смирнова участь его как командира роты, а возможно и офицера, предрешена. Куделин приложит все силы, чтобы смешать его с дерьмом, а в армии это, к сожалению, проще простого. Написать рапорт о переводе в другую часть? Это, в принципе, возможно, но как же Катюша? Забрать с собой всю семью? Вот так сразу, когда он им еще никто? И куда забрать? В новом гарнизоне в лучшем случае он может рассчитывать на комнату в общежитии. Нет, это нереально. «Значит, что? Увольняться? – задавал себе вопросы Александр, сидя в канцелярии роты. – Да. Скорее всего – придется уволиться. Не лизать же задницу Куделину? Этого не будет никогда».

– О чем мысли? – неожиданно, как всегда, вошел Чирков. Даже дневальный не среагировал.

– О службе.

– Нашел о чем думать. Что ей, службе, будет? Идет она и идет. Хреново, правда, в последнее время, но это от нас, Сань, никак не зависит.

– Тебе все равно, что будет дальше?

– Мне не все равно. Но что ты можешь предложить? Плясать под дудку Куделина? Ты как хочешь, а я не буду.

– Я вообще думаю уволиться. Завтра подам рапорт на отпуск, отгуляю как следует, а потом – пошло оно все к черту! Квартира есть, работу найду.

– Ну и что тогда нос вешать? Что мы, на гражданке не пристроимся?

– Ты что, тоже решил уволиться?

– Нет, буду ждать, пока Куделин и такие, как он, выгонят. И потом, вместе нам легче будет устроиться в жизни. Создадим какое-нибудь ЧП. По крайней мере, зарплату месяцами ждать не будем. А Куделину я, Сань, гадам буду, в пятакину все же заеду от души. За все его гнидство.

– Солдат бросать жалко. Верят они в нас, Володь.

– Верят. Но верят потому, что такие мы, как есть. Если же изменимся и станем подхалимами, поверь мне, отношение к нам быстро изменится. Так что, Сань, давай решать прямо сейчас, уходим?

Доронин задумался. Ответ он сейчас утвердительно – и все, надо идти до конца. Посоветоваться с Катей? А что она может посоветовать, не зная систему, в которой ему приходится крутиться? Подумать еще? А смысл? Думай не думай, но выбора нет. Куделин свой первый шаг уже сделал, заменив взводного Андреева на Панкратова. Именно на Панкратова – такого же карьериста и себялюбца, как сам. Ясно, что вопрос о снятии с роты его, Доронина, уже решен Куделиным. Так что же тогда думать, пытаюсь найти выход, которого нет? Да. Надо уходить. А солдаты? Они поймут. И будет лучше, если они увидят, что офицер уходит, не изменяя своим принципам, чем предательство в личных, корыстных целях. Именно предательство по отношению к своим подчиненным. А это не прощается.

Чирков молча курил, не втягивая друга в разговор, давая ему проанализировать ситуацию и окончательно принять решение. Для себя Володя решил – марионеткой он не будет ни в

чьих руках. И увольнение – вопрос решенный. Он ждал, что скажет друг. Доронин наконец нарушил молчание:

– Уходим, Володь. Но сначала отпуск. Вернусь – рапорт на стол. Решено!

– Ну а я начинаю завтра же. Пойду к Куделину, брошу рапорт и еще парочку слов ласковых, чтобы ускорил процесс. Я устрою ему напоследок цирк, где клоуном выставлю его, поганца.

– Брось, Володь, тебе это надо?

– Еще как. Отыграюсь я на нем, отыграюсь. Всю правду-матку ему в глаза выскажу.

– Это твое дело. Пошли домой?

– А как же общая вечерняя поверка?

– Пошла она к черту! Панкратов пусть тренируется, а я лучше с Катюшей вечер проведу.

– Пошли. Только я в роту позвоню. Предупрежу старшину.

Доронин вместе с Чирковым вышли из канцелярии. Александр приказал дневальному вызвать старшину. Тот тут же появился из своей каптерки.

– Вызывали, товарищ старший лейтенант?

– Слушай, Акиф, где у нас сейчас Панкратов, не в курсе?

– По-моему, в штабе, мне он не докладывает.

– Он никому не докладывает, кроме Куделина. В общем, передай ему – пусть выводит вечером роту на общую поверку. Меня не будет.

– Что так?

– Не хочу!

– Складываешь крылья, командир?

– Правильнее будет сказать – обрезают их мне, Акиф.

– Слышал уже. Что дальше-то будет?

– А ничего. Служба будет для тебя. Ты мужик деловой, можно сказать, незаменимый.

Служи, старшина.

– Завтра на подъеме будешь?

– Вряд ли.

– Ладно. Я приду. Плохо все это, Сань, очень даже плохо.

– Кто бы спорил, мой нерусский друг. Ну давай. Будут вызывать – посыльного зря не гоняй. Не приду.

– Понял.

– До завтра, Акиф!

– До завтра, – вздохнул старшина, понимая, что и в его жизни наступают изменения, и далеко не в лучшую сторону.

Куделин претворял намеченные планы в жизнь. Он отпустил Доронина в отпуск, одновременно назначив старшего лейтенанта Панкратова исполняющим обязанности командира роты. И в подразделении Доронина ненавязчиво установленный и тщательно поддерживаемый Александром порядок стал быстро меняться. Панкратов не считал нужным вникать во все проблемы жизни подразделения, перевалив свои обязанности на плечи взводных, а в большей степени на сержантов. Прапорщик Мамедов один еще как-то старался сохранить то, что было достигнуто ранее. Но постоянно натывался на замечания и. о. ротного. Панкратов, уверенный, что Доронину уже не командовать ротой, устанавливал свои, выгодные только ему порядки. А выгодно ему было лишь внешнее благополучие, держащееся на диктате старослужащих. Он стоял на стороне таких, как Гольдин, считая, что они своими методами вполне в состоянии удержать роту в подчинении.

Атмосфера в подразделении изменилась. Теперь молодой солдат мог обратиться к командиру лишь по инстанции, часто через того самого сержанта, который и творил безобразия. И никаким другим путем. Панкратов резко обозначил грань между собой и остальными под-

чиненными. Из форм воспитательной работы практиковалась одна – еженедельные совещания с сержантским составом, где последние докладывали о том, что у них все в порядке, или называли нарушителей, с которыми следовало разобраться. В число первых нарушителей, естественно, попали Горшков с Ветровым. Друзья не хотели мириться с явным произволом старослужащих и как могли сопротивлялись.

Готовясь к заступлению в наряд, Костя с Николаем сидели в курилке, где последний, как всегда, изливал душу другу.

– Слышал я, Кость, Панкрат в канцелярии базарил, что не будет, мол, Доронин больше ротным.

– Может быть.

– Неужели Панкрата поставят?

– Да какая теперь разница?

– Это тебе никакой разницы, по весне чухнешь отсюда, а мне оставаться. А че, интересно, с Дорониным сделают? Может, вместо нашего чухана взводного определят? Это было бы хорошо.

– Коль, чего гадать на кофейной гуще? Здесь без нас все решают.

– Да я понимаю. Но, согласись, неплохо бы было, чтоб Доронин стал нашим взводным. Хоть сержантов немного прижал бы. А то, в натуре, полный беспредел устроили. Как что – наряд, будто других взысканий нет. У меня уже этих нарядов штук десять вне очереди. А если еще и по очереди, то точно месяц голимый с тумбочки не слазить. А столовая, караул? Шизануться можно. Гольдин знаешь что сказал? Сгною, говорит тебя, Горшков, на тумбочке.

– У меня то же самое, Колян, деда, как клещи, вцепились.

– Но я, Кость, молчать не буду. Я Гольдину так и сказал, уши тебе ночью обрежу, будешь как азиатская овчарка. В самый раз получится.

– И он это проглотил?

– Панкрату стуканул. Так-то тронуть он меня боится, знает, какой я в драке дурак, вот и решил Уставом да нарядами замордовать. А Панкрат меня еще с поезда помнит. Так и норовит поддеть. С ним я молчу. Только «есть», «виноват» и «так точно». А Гольдина предупредил – уволится, я его на вокзал лично провожу. Таким клоуном домой явится, что папа с мамой не узнают.

– Может, зря мы нарываемся, Коль?

– А че нам будет? Ты скоро сдернешь домой, и никакой Панкрат этому помешать не сможет. А я? В Чечню пошлют? А мне лично без разницы. Рядовому везде одинаково хорошо. Оттяну как-нибудь год, а потом положу на все, буду косить под дурачка. Че они со мной делают? Да ничего! Посадить не посадят. Нет! Ну а все остальное – мелочь. А Доронина жалко. И что за беспредел? Ведь Доронин нормальный мужик, строгий, справедливый, роту держать может, что еще надо-то? Да сколько он в роте тусуется, ни один ротный в части столько в казарме своей не торчит. Че прицепились к нему?

– Это называется внутренней политикой командования.

– Я бы сказал, как это называется. А не политикой. Как крысы, в натуре, готовы друга рвать, лишь бы звезду лишнюю отхватить.

– Горшков! – от дверей казармы раздался голос Гольдина. – Ко мне!

– Че надо-то? – в ответ, не поднимаясь, спросил Колян, всем видом выказывая явное неуважение младшему командиру.

– Ты чего там, не понял?

– Ори громче – не слышу.

– Я поору тебе, а ну иди сюда!

– Ладно, Кость, пойду, а то к Панкрату побежит, фуцен драный. Иду! Че орать-то? Смотри, пасть порвешь. – Николай не спеша пошел к сержанту.

Костя остался один, сидя на скамейке, подшивал подворотничок. Он думал о будущем. Впереди несколько месяцев службы, а потом? Потом он уедет в отпуск и будет видеть свою любимую. Не так уж и плоха жизнь, если впереди долгие годы с любимым человеком.

Но не знал ни Костя, ни Николай, ни вся рота, командиром которой по штату все еще оставался старший лейтенант Доронин, что судьба готовит им свой черный подарок. И совсем скоро, когда побегут по улицам первые ручейки и солнце, все более набирая силу, растопит снежный покров, военнотружашим пятой роты предстоит испытать самое страшное, самое противоестественное – то, что называется ВОЙНОЙ. Что перечеркнет она многие жизни, а у оставшихся в живых навсегда оставит в душе тяжелый, кровавый камень. И будет он терзать душу всю остальную, искалеченную жизнь. Но это будет впереди, а пока Костя готовился в наряд, аккуратно подшивая к кителю белоснежный подворотничок.

Зима, совсем еще недавно, казалось бы, первым некрепким морозцем и хрупкими снежинками объявившая о своем приходе, уже готовилась сдать свои позиции. Снег, пока довольно обильный, заметно потяжелел и не радовал глаз голубоватой белизной. Солнце с каждым днем все более прогревало воздух, разбивая яркие лучи о крыши домов в веселую капель. Природа совершала свой вечный кругооборот. Приближение весны ощущалось во всем. Ожили деревья. И стояли они еще голые, но кроны ветвей распрямились, словно ждали момента, чтобы взорваться свежей молодой листвой.

* * *

Доронин вернулся из отпуска, который провел у своих родителей вместе с Катюшей и Викой. Сорок пять дней прошли непринужденно и естественно, как будто собралась одна единая семья. Да так оно и было.

Чуткое родительское сердце поняло чувства сына. Катю приняли. И не нужно было что-то обсуждать, обдумывать, искать правильное решение. Оно, это решение, переступило порог дома вместе со счастливыми гостями и было воспринято как само собой разумеющееся. Нашло понимание и то, что Александр собирается покинуть Вооруженные силы. Отец, бывший профессиональный военный, внимательно выслушав аргументы сына, решения не осудил. Как для Александра, так и для Доронина-старшего альтернативы чести, порядочности и справедливости не было. И быть не могло. И начини сын выбирать между высокими понятиями самой сути офицерства и унижительным чиновничьим во имя сохранения карьеры, отец просто отвернулся бы от него и непреодолимая пропасть неминуемо пролегла бы между ними. Так что отец, оставив право сыну самому решать свою судьбу, все же был про себя доволен Александром, ибо и сам, оказавшись в такой ситуации, не медлил бы ни минуты. Конечно, Владимира Трофимовича огорчало, что Саша, так любивший свое дело, оставит службу, но лучше потерять карьеру и чин, чем совесть и честь.

Так что Александр вернулся в часть с твердым намерением добиваться увольнения. Но не все человек в состоянии решить сам. За время отсутствия Доронина в части произошли некоторые события. Командиром назначили подполковника Горина, бывшего однокурсника Куделина. Панкратов уже сжился с новой ролью будущего командира роты, невзирая на то, что подчиненные, за некоторым исключением, его в лучшем случае за ротного не принимали, а в худшем – просто ненавидели. За высокомерие, отсутствие хотя бы намека на такт, чванливость и неприкрытое пренебрежение теми, кто стоял ниже по должности. Усилиями заместителя по воспитательной работе, при полной поддержке, или, правильнее сказать, при полном безразличии, готовилось новое судилище над Дорониным с готовым постановлением о снятии его с роты. Некоторое расстройство в отлаженный механизм, запущенный Куделиным, внес старший лейтенант Чирков, бросивший открытый вызов командованию, швырнув рапорт на увольнение прямо в лицо замполиту, в присутствии «актива», находившегося в то время в кабинете

Куделина. Последовавшая затем речь Чиркова переводу не подлежит, однако она очень точно охарактеризовала подполковника как человека и офицера и вызвала настоящий скандал. Действия Володи пытались подать как пьяную выходку, что было бы для многих понятно и в принципе простительно. Но Чирков был трезв как никогда. И посему решение следовало принять серьезное и быстро. Что и было сделано. Документы на Володю уже вторую неделю бродили где-то по штабам, обрастая резолюциями и ходатайствами, чтобы в конце концов вернуться в часть с секретным министерским приказом.

После того как документы были отправлены, Чирков в части больше не показывался. Тепло простившись с подчиненными, которые уважали и даже любили своего строптивного, строгого, но по-человечески порядочного и в душе доброго командира, он решил посвятить себя семье, затеяв грандиозный ремонт в квартире, в чем ни опыта, ни навыков не имел. Он ждал из отпуска друга, чтобы, как объяснял жене, «начать новую, безбедную, цивильную жизнь, во благо семье, и только ей, единственной своей Дашеньке».

Но с Дорониным обстоятельства складывались непросто. Когда он находился в отпуске, в часть прибыл приказ.

В нем предписывалось сформировать на базе лучшего подразделения сводную роту, костяком которой должен служить постоянный состав, усиленный людьми, прослужившими не менее полугода, письменно изъявившими желание участвовать в боевых действиях, вместо той же категории солдат, такого желания не изъявившей. Это распоряжение кардинально меняло обстановку. При всем негативном отношении командования к Доронину лучшим и наиболее подготовленным подразделением являлась все же рота именно Доронина. И это признавали все. Следовательно, посылать надлежало ее, и смена командира в данной ситуации была бы необъяснима и вредна. Если внутри части еще можно выставить командира отличного подразделения офицером, недостойным занимаемой должности, и по-тихому избавиться от неудобного человека, то сейчас, когда формирование подразделения будет, несомненно, находится под беспристрастным контролем, такой трюк не удастся. И если бы даже и удался, то официально назначить Панкратова означало бы крупно его подставить, подвергнуть реальному риску не только профессиональные способности нового командира, но и жизни подчиненных. А все же роту отправляют в Чечню. Куделину и Горину было опасно экспериментировать с командиром подразделения непосредственно перед выполнением боевой задачи. Такое не простят, несмотря ни на какие связи. Куделин все это прекрасно сознавал. Хорошо, что он отпустил Доронина в отпуск, фактически оставив его действующим командиром роты. Об этом в день прибытия Александра шел разговор у Куделина с Гориним.

– Значит, утром мы должны подготовить список личного состава сводной роты. Доронин, насколько мне известно, в гарнизон прибыл, комбату он уже доложил. Документы на него лично, Петр Петрович, придется все же переделать. Убрать всю грязь, сам займешься, а юридическую базу я тебе подготовлю. Ну а разговаривать с ним буду сам. Хотя его желание и не требуется, но вдруг заупрямится, мол, чуть что, нарушитель в первую очередь Доронин. Тогда какого черта его посылают в Чечню, если нарушителям там не место? И будет, между прочим, прав. И поднимется чехарда. А она нам нужна?

– Если не бросит на стол рапорт, как Чирков. Тогда точно что-то будет. Задачу мы не выполним – это факт.

– Так, извини, какого черта тогда ты Доронина доставал? Если у него лучшая рота и он, как выясняется, незаменим? Значит, умеет офицер работать?

– Не знаешь ты его, Сергей! Он да Чирков, ну с последним ты уже познакомился, так вот, эти двое не желают подчиняться требованиям Куделина. Заметь, не и. о. командира или заместителя, а именно Куделина. Знаешь, есть такая категория людей – правду ищут везде. Идеалисты чертовы. Они мне при всех вызов бросили. Мол, ничего ты нам не сделаешь. Что мне оставалось? Глотать их оскорбления?

– Ну ладно, не ершишься, это было раньше и меня, по большому счету, не касается. Но вот с Панкратовым что? Его тоже придется посылать. Взводным.

– А куда деваться? Как не снимешь сейчас Доронина, так и Панкратова обратно из роты не уберешь. Хотя...

– Никаких «хотя». Командный состав роты остается таким, каким он является на данный момент. Все!

– Как угодно. Только, Сергей... После командировки все встанет на свои места и роту примет Панкратов.

– Стоит ли заглядывать так далеко? Кто знает, чем еще эта командировка закончится?

Семья Чирковых встретила Александра с Катюшей и Викторией на вокзале. Затем они вместе отправились домой к Володе, где был заранее приготовлен стол. Оставили уставшую Викторию на попечение бабушки. Сели за стол, выпили за возвращение. Смеялись над выходкой Чиркова, когда он подавал рапорт Куделину.

– Нет, ты, Сань, не можешь даже представить его физиономию. Рот открыл и смотрит бараном. А вокруг прилебаи его. И все молчат. Короче – немая сцена.

– А Саша тоже решил уходить, – сказала Катя, – не знаю только, правильно это или нет...

– Даже не сомневайся, Катюша, – успокоил ее Володя, – мы с ним такие дела на гражданке закрутим, вы у нас королевами в поселке будете.

Шампанское расслабило компанию. Общий разговор скоро разделился. Даша с Катей перешли на диалог. Чирков предложил выйти перекурить. На кухне он сказал:

– А знаешь, Сань, новость в часть из округа подбросили?

– Что за новость?

– Роту приказано в Чечню отправить.

– И до нас добрались?

– Добрались. А знаешь, чью роту наметили?

– Понятно, что не твою.

– Правильно, не мою, саперов там, видно, хватает. Твою, Сань! Вернее, бывшую твою. – Володя похлопал друга по груди. – Так-то. Будет теперь Панкрату путевка на Кавказ. Узнает, сопляк, что рота – это тебе не просто так. Управлять ротой еще уметь надо. А то ходит адъютантом лощеным...

– Ты серьезно?

– Что серьезно?

– Что моих отправляют?

– Серьезно, а тебе-то что? Завтра кинешь рапорт, и пошли они все к чертовой матери!

Доронин не ожидал такого поворота событий. Почему комбат, когда он докладывал о возвращении, ничего не сказал? Александр задумался.

– Ну ты что, Сань? Решили же?

– Подожди, Володь. Голова от этой шипучки что-то плохо соображает. Это получается, Панкратов поведет роту?

– А кто же? Куделин по всей части разбазарил, что Панкрат ротный, а ты отстранен, остается только приказ получить.

– Без суда чести они меня не снимут. Если только по рапорту командира, но ни Куделин, ни новый по три месяца частью не командовали, значит, ходатайствовать не могли.

– Ты к чему клонишь?

– К тому, что на данный момент по штату я командир роты, вот к чему.

– И что это меняет? Говорю, завтра с утра кинешь рапорт, и все дела. Ты же не бежишь от Чечни, потому как о командировке знать не можешь. Комбат ничего же не сказал? Нет? Ну и все! Только пораньше, до построения, зайди в кабинет комбата и оставь рапорт. Все! Твои

действия будут, конечно, обсуждать, но трусом никто назвать не посмеет. Во-первых, тебя все знают, во-вторых, еще до отпуска было понятно, что не станешь ты служить, да и Куделин кудахтал не по делу. Так что ничего в этом нет, в смысле порочащего тебя.

– Володь? Ты что, прикидываешься? Или серьезно не понимаешь?

– Чего я не понимаю?

– А то, что не могу я вот так. Уловить момент, тихо бросить рапорт и в кусты. А бойцы? Я не о том, как они расценят мой поступок, потому что поступить так – значит предать их по всей форме. Не об этом я.

– Так о чем? Просвети.

– О том, что с Панкратовым и молодыми взводными рота обречена, если будет послана в «горячую точку». Панкрат и сам погибнет, и ребят положит. Неужели не ясно это?

Чирков вздохнул, матернулся.

– И чего я распинался? Знал же, как ты среагируешь. Все правильно, Сань, но несправедливо, согласишься, по-скотски вот так-то. То с дерьмом смешивают, а то вдруг...

– Ладно, Володь! Я решения своего не меняю. Пройдем командировку, вернусь – и на гражданку. Отсрочим только месяца на три нашу предпринимательскую деятельность, и все. Ничего же не меняется, Вова!

– Кто его знает – меняется не меняется. Не нравится мне такой оборот. Предчувствие какое-то. Эту командировку, Сань, пройти еще надо. Чечня – это сложно и очень серьезно.

– Не пасуй, Володь. Подумай сам. Прибудет необстрелянная рота – ее что, сразу в бой? Да и боев там масштабных давно не ведется. Определят на несколько блокпостов или перевал какой прикроют. Отсидим на позициях сколько надо и домой. В общем ребята у меня неплохие, за небольшим исключением, но война всех образумит. Там такие же пацаны воюют, чем мои хуже?

– Как Катюше-то скажешь?

– Правду скажу. Уверен – поймет.

– Давай только не здесь. Потом скажешь. Пойдем за стол, будто ничего не произошло.

На 9.00 Доронина вызвал командир части подполковник Горин. В 7.30 домой прибыл посыльный из штаба и предупредил об этом.

В назначенное время Александр вошел в кабинет командира части.

– Разрешите?

– Входите, Доронин.

– Товарищ подполковник, старший лейтенант Доронин по вашему приказанию прибыл.

– Присаживайтесь, Александр Владимирович. Мы с вами лично еще не знакомы. Позвольте представиться – подполковник Горин Сергей Александрович.

Александр присел за стол совещаний, Горин вышел из-за своего места и устроился напротив. Перед ним лежало личное дело Доронина.

– Я ознакомился с личными делами офицерского состава части, прочитал и ваше. И, честно говоря, не могу понять, чего здесь больше: правды или предвзятого вымысла. У меня возникает вопрос: как командир отличной роты может быть, судя по этой писанине, извините за выражение, разгильдяем? По-моему, может быть одно из двух – или отличный офицер, раз рота отличная, или на самом деле разгильдяй, разваливший подразделение. И налицо первое – разгильдяй просто не может командовать лучшей ротой, причем на протяжении нескольких лет. Следовательно, предвзятое отношение. С кем вы в натянутых отношениях? Хотя можете не отвечать. Я уже знаю. И хочу заметить: хотя я и знаю Куделина с училищной скамьи, но по офицерской службе сталкиваюсь с ним впервые. Я вызвал вас по другому вопросу. Но сначала давайте закончим с вашим личным делом. Так как взыскания вы имеете от начальников до командира части, я снимаю их. Все! Причину вы, надеюсь, поняли. Нам с вами работать,

давайте забудем старое и начнем службу с нуля. А теперь перейдем к главному. Вы готовы к серьезному разговору?

– Я всегда ко всему готов.

– Немного самонадеянно, но, верю, обоснованно. Так вот, Александр Владимирович, командованием военного округа приказано нашей части откомандировать одну роту в Чечню. Временно. Срок командировки – три месяца с момента прибытия. Возможны и изменения. Я человек новый, и мне, естественно, невозможно определить, какое подразделение является достойным и, главное, подготовленным для выполнения этой непростой миссии. Так что, выслушав заместителей, начальников служб и командиров батальонов – вывод делаю один. По всем показателям самой боеспособной ротой является пятая. Та, которой командуете вы. Если вы заметили, я сказал «по всем показателям». А подразумевает это все критерии – от личных, профессиональных качеств командира до подготовленности самого последнего бойца в строю.

– По-моему, товарищ подполковник, вы идеализируете ситуацию. В подразделении, подчиненном мне, достаточно проблем, до окончательного решения которых еще очень далеко.

– Может быть. Но вы работаете и решаете их. И вам многое удается. Никто в части, обратите внимание на это, никто, в том числе и подполковник Куделин, с которым у вас сложились, мягко говоря, неправильные отношения, не отрицает того, что пятая рота на данный момент лучшая в части. А Куделин? Я еще не во всем разобрался, но обещаю вам, что разберусь и справедливость восторжествует, и, если зам по воспитательной перегибает палку, он будет поставлен на место. Но вернемся к главной теме. Исходя из всего сказанного, я принял решение доверить выполнение боевой задачи вам, Доронин. У вас есть особое мнение?

– Никак нет, товарищ подполковник. Я человек военный и обязан выполнять приказ. И выполняю, насколько это будет в моих силах.

– Достойный ответ, да другого я и не ожидал. Давайте тогда ближе к делу. Вы можете вывести из подразделения людей, которым не доверяете или считаете непригодными по разным причинам, и подобрать замену из других подразделений. Списки лиц, изъявивших желание добровольно отправиться в Чечню, я вам передаю. Вот они.

Горин протянул лист, Доронин увидел, что там довольно много фамилий.

– Как видите, немало военнослужащих готовы пойти с вами. Но окончательное решение по личному составу только за вами, Александр Владимирович. Это надо сделать сегодня. Вечером списки личного состава должны уйти в округ. Завтра же подразделение отправится на полигон, в учебный центр, для почти месячной подготовки. Целенаправленной и индивидуальной. Занятия будут проводиться по планам оперативного отдела штаба округа. Ну а затем, собственно, сама командировка. Если вдруг возникнут вопросы, обращайтесь сразу ко мне, ибо с сегодняшнего дня ваше подразделение выводится из-под управления батальона и на период подготовки будет являться отдельным, подчиненным непосредственно мне.

Доронин вышел из кабинета, прошел мимо Куделина, стоящего в коридоре, честь не отдал, как положено, на что тот, как ни странно, внимания не обратил, а может, сделал вид, что не обратил.

В 11.00 Доронин приказал построить личный состав роты перед казармой. В назначенное время прапорщик Мамедов вывел подразделение. Присутствовали и командиры взводов, в том числе и Панкратов.

– Товарищи офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты! Я собрал вас для того, чтобы объявить, что в скором будущем нашей роте предстоит выполнение боевой задачи в Чечне. В чем она будет выражаться, я пока не знаю. Но в любом случае мы отправляемся на войну. Поэтому каждый должен принять решение самостоятельно. Я не хочу тянуть никого силой и предоставляю каждому из вас выбрать – идти с ротой или остаться здесь. Также я не хочу, чтобы решения принимались скоропалительно. А посему даю вам время обдумать все и окончательно определиться. С 14.00, после обеда, с каждым я буду беседовать лично в канцелярии

роты. Решившим пойти со мной нужно написать рапорт. У меня все. Те, кто сомневается в себе, лучше откажитесь. Так будет честнее и по отношению к себе, и к товарищам, ибо на войне слабость одного может привести к трагедии многих. Все! Командирам взводов – личный состав ничем не отвлекать. Разойдись!

Рота не рассыпалась, как обычно, с веселым гомоном, а разошлась медленно, с пониманием того, что жизнь делает очень крутой поворот.

– Что скажешь, Кость? – спросил Колян. Друзья присели на скамейку в курилке.

– А что здесь, Коль, скажешь? Доронин сам все сказал.

– Это че? Если я не стану писать рапорт, меня не пошлют?

– Не пошлют.

– А кого пошлют, если все возьмут и откажутся?

– Лично я не откажусь. Да и многие другие тоже, так что с части роту-то наберут.

– Не откажешься? Ты же свалить хотел по весне.

– Свалю после Чечни.

– А если грохнут тебя там?

– Коль, ну ты чего опять непонятку свою врубаешь? Грохнут, значит, грохнут. Сам-то что решил?

– Ты дурь-то не гони. С какой радости тебе под пули лезть, коль слинять решил?

– Ну это мое дело. Ты-то что решил?

– Лично я отказываться не собирался. По мне уж лучше в окопе сидеть, чем на тумбочке торчать. Да Гольдина, если сунется туда, шугану так, что окурки, чмо, после меня собирать будет. Иначе в первой же перестрелке срежу очередью.

– Коль, ну зачем говорить то, что не сделаешь?

– Вот так всегда. Че ты обрываешь меня? Дай хоть помечтать... А это, Кость, Панкрат, значит, тоже в Чечне будет?

– Конечно. У офицеров желания не спрашивают.

– Вот это здорово!

– Что тебе здорово?

– А то, что этот урод рядом будет. В одном со мной окопе. Тогда и посмотрим, как будет он нос свой вверх задирать. Только ради этого я поеду в Чечню. Посмотрю, как этот вояка покажет себя в бою.

– А ты злой. И злопамятный вдогонку.

– И че? Меня не трогай, и я никого не трону.

– Значит, едем?

– Какой может быть базар? Конечно, едем. Хоть посмотрим, что там за дела.

– Тогда пошли писать рапорт?

– Пошли.

В 14.00 началось собеседование. Военнослужащие входили в канцелярию и клали на стол рапорта. Никто из подразделения не отказался. Доронина это тронуло. Оставалась самая «большая» категория – солдаты, едва прослужившие полгода.

Одним из первых зашел Горшков. Он подошел и аккуратно положил перед командиром лист бумаги. Доронин взял его, прочитал.

– Ты в школе учился?

– Учился. А че?

– Да у тебя, извини, в слове «еще» сразу три ошибки.

– Как это?

– Это я образно. Но ошибок очень много.

– Ну и че? Главное, понятно, о чем я написал.

– Да, смысл понятен. Хорошо подумал?

- Хорошо.
- Никто давления не оказывал?
- Не понял?
- Никто не заставлял тебя писать рапорт?
- А! Нет. Сам решил. Могу еще написать.
- Ты понимаешь, на что идешь?
- На войну, че не понять-то?
- А готов ли ты к войне?
- Разве я плохо стреляю? Я из своего пулемета мишени кладу с первой короткой очереди.
- Это так. Здесь ты мастер. Меня интересует, морально ты готов?
- К чему?
- Ну к войне, к чему же еще? Ведь людей, возможно, придется убивать.
- Если они, чечены, по нам палить будут, то че их не валить? Ждать, пока они замочат?
- Ну ладно, включаю тебя в списки. Давай следующего...

В 16.30 Доронин передал Горину список личного состава вместе с кипой рапортов.

- Что же, вижу, вы никого не стали менять?
- Никак нет. Все добровольно, в виде индивидуального рапорта изъявили желание принять участие в выполнении боевой задачи. Серьезного повода кому-либо отказать у меня не было.

– Это вас не удивило? Я насчет того, что никто не отказался? Не насторожило?

– Удивило? Может быть. А вот насторожило ли? Нет. Я с каждым провел собеседование и предоставил право выбора. Да и знаю я их всех как свои пять пальцев. Разные люди, но коллектив нормальный, боеспособный. Так что не было необходимости менять личный состав даже частично.

– Признаюсь, ожидал, что отказники будут. Но личный рапорт – это документ. Хорошо. Комбат заверил список?

– Так точно.

– Тогда все в порядке. Ну, товарищ старший лейтенант, как говорится, флаг вам в руки. Завтра в 15.00 выезд в учебный центр. Машины для вас запланированы на 9.00, грузите все необходимое – и в путь. На полигоне вас встретит подполковник Кузнецов Илья Борисович. Занятия начнете послезавтра. Планы у Кузнецова. По темам определитесь – какую задачу вам предстоит в будущем решать. Через несколько дней к вам придут инструкторы, специалисты в разных областях, прошедшие Чечню. График занятий вас ожидает плотный, но по Суворову – «тяжело в учении – легко в бою». До убытия на полигон мы с вами не увидимся – вызывает начальство. Нет вопросов? Хорошо. Можете идти.

Через день на полигоне начались занятия. Подполковник Кузнецов – начальник учебного центра, человек заслуженный, прошедший Афганистан, побывавший и в Чечне, где был ранен. Из командира штурмового батальона стал начальником стрельбища, как сам он называл свою должность. Основной достопримечательностью полигона являлась высота, носящая название Брана. Название это было перенесено офицерами одной из частей, выведенной из бывшей Чехословакии. Эта Брана и была основным местом проведения занятий с ротой Доронина, цель которых – «Организация и ведение длительной обороны ротного опорного пункта в условиях горно-пустынной местности». Прав был Горин – по теме занятий вполне можно было предположить, что действия подразделения в Чечне будут носить позиционный характер. Только вот какой? Активный или пассивный? Этот вопрос оставался открытым.

Несколько дней бойцы при помощи шанцевого инструмента создавали опорный пункт, с индивидуальными ячейками для стрельбы в полный рост, с многочисленными ходами сообщений, блиндажом, КНП – командно-наблюдательным пунктом, – хранилищами боезапаса и провианта. Траншеи выкапывались по самому хребту высоты согласно схеме круговой обо-

роны. И хотя почва в данной местности была сравнительно мягкой, работа выматывала солдат до предела. А что будет в горах? Там придется буквально вгрызаться в каменистый грунт. Об этом не хотелось думать. Распорядок дня выработан был жестко. По сути, роте предстояло нести постоянный усиленный караул, и уже здесь он был введен, как только опорный пункт принял надлежащий вид. Пространство вокруг высоты окружили оцеплением и превратили в стрельбище. Огневая подготовка велась непосредственно из окопов. Чтобы максимально приблизить реальную обстановку к боевой, позиции роты несколько раз обстреливались из стрелкового оружия и два раза огнем минометной батареи.

Инструкторы, прибывшие сюда, делали свое дело мастерски. Пули, выпущенные ими, ложились совсем рядом с бойцами, заставляя последних постоянно падать на дно окопов, но тут же вскакивать и вести ответный огонь по мишеням, которые тросами подтягивались все ближе, к «мертвой», недостижимой для огня обороняющихся зоне. Цель такого занятия состояла в том, чтобы под огнем «противника» уничтожить как можно больше мишеней, не допустив их в так называемую мертвую зону. Если это не удавалось, то «бой» считался проигранным и все повторялось заново. До тех пор пока солдаты не перестали шараться от свиста и близких фонтанчиков пыли, выбиваемых пулями, а делали свое дело – уничтожали приближающегося «противника».

Обстрел минометной батареей начался рано утром и заставил многих вспомнить маму. Начался он неожиданно и психологическое воздействие оказал большое. Мины ложились вокруг позиций, сам факт близких разрывов, пороховая гарь заставили бойцов вжаться в земляные стенки окопов. Растерянность была налицо, но паники не было. Урок был извлечен, и уже повторный удар не заставил солдат суетиться. Под разрывы мин они быстро и слаженно заняли свои позиции, готовясь отразить нападение.

Затем инструкторы провели целую серию занятий по рукопашному бою на случай, если враг все же ворвется в траншею опорного пункта. Снайперы занимались отдельно и получили неплохие навыки. Отрабатывались даже действия при условном выходе из боя офицеров и большей части сержантского состава. За короткое время рота максимально была подготовлена, насколько позволили условия равнинного полигона, к выполнению локальной задачи.

Изменения произошли и с самими бойцами. Как внешне, так и внутренне. Лица посебризтели, пренебрежение стариков к молодым явно не выражалось, и сигаретой теперь делился каждый, невзирая на сроки службы, что еще недавно в части было невозможно. Солдаты обращались друг к другу по имени, и между ними стало появляться нечто, похожее на братство. Не было взаимных оскорблений, и само слово «дух» выпало из лексикона. Теперь оно предназначалось для обозначения будущего противника.

Особенно доволен подготовительным этапом остался Николай. Делясь с Костей впечатлениями, он не переставал восторгаться:

– Вот это, Кость, я понимаю, служба. Это тебе не «равняйся-отставить» или «дежурный по роте на выход», здесь так, как надо. Когда нас минометчики накрыли, видел, как Гольдин чайником треснулся в бруствер, нет? Он из блиндажа вылетел и каску на ходу, чудик, напяливает. Видно, не успел натянуть как надо, а все ведь бегом, поворота не усмотрел, как долбанется в бревно. А тут ему еще сзади поддал кто-то, так он встал раком и ни гугу, башка от удара, наверное, не соображала, так и стоял в позе «мама мыла пол». Пацанам через него, как через «козла» в спортзале, пришлось прыгать.

– А ты не струхнул?

– Струхнул, конечно, поначалу. Ничего себе! Ни с того ни с сего такой шухер. Но въехал я быстро и махом в свою ячейку. Только там, признаюсь, в землю и вжался. Как эта гадина, мина, воеет, а? Кажется, прямо на тебя летит. Одна совсем рядом рванула, честное слово, я еще рот открыл, так земли и нажрался.

– Не заливай, Коль, смотрели же потом – воронки от позиций далеко были.

– Значит, так рванула, что вся земля на меня полетела.

– А чего ты рот-то раскрыл? От удивления?

– А черт его знает, только плевался потом полчаса, не меньше. А вообще – нормалек. Такая служба как раз по мне. Я только тут, между прочим, за все время и выспался как следует. Не знаю, как ты, а я доволен.

– Это же учения, Коль. В Чечне по-другому будет. Там мины если полетят, то в цель.

– Все ты норовишь настроение испортить. Паникер ты, Кость. А мины... Ты батарею, с которой по нам стреляли, видел?

– Нет.

– Вот и то-то, что нет, а я, когда они били, высунулся, интересно было – откуда по нам лупят?

– И хочешь сказать, увидел?

– В натуре увидел. Они с края роци по нам огонь вели. Это метров пятьсот-семьсот, и, будь у нас оружие посерьезней, враз достали бы их. Даже я, со своего РПК, мог бы попытаться. А в Чечне у нас обязательно какая-никакая артиллерия, да будет. Или, может, че с воздуха прикроет. Так что это все фуфло. И мины. Видел, как падают? Одна от другой? Я, конечно, не спец, но видел эти трубы и как прыгают они, когда стреляют, хер они точно по траншее попадут. Ну, может, и залетит какая, но это уже кому как на роду написано. А от судьбы не уйдешь. Так и Глоба наша деревенская говорила. Слышь, Кость? Был у нас в деревне Булдыхай, Митяем звали, ну че его так прозвали, я не знаю, электриком пахал. Ну, значит, один раз Глобе этой свет он во двор проводил. Выжрал, понятно, ну и потрянуло его малость. Ему эта плесень и говорит – бросай, Мить, работу, к смерти она тебя приведет. Судьба, говорит, у тебя такая. Ну Булдыхай матернул ее по пьянке как следует и домой на полусогнутых. А через год примерно, прикинь, Кость, решил он дома дрелью чей-то просверлить. В розетку дрель воткнул, и кранты. Дрель замкнула, и накрылся Булдыхай крышкой. Точно как Глоба предсказывала. Вот и не верь в судьбу. Ты можешь хоть три войны провоевать, а придешь домой и утопнешь, раз на роду тебе написано утопленником быть. Это я тебе сто пудов говорю. Проверено. Вот так-то.

– Не пойму, Коль, к чему ты все это гонишь?

– Че с тобой базарить? Ты, Кость, иногда пацан как пацан, а иногда – не поймешь че. Витаешь где-то в облаках, все думаешь, думаешь. О невесте, что ли? Куда она от тебя денется, коль любовь у вас такая? Ты жизни радуйся. А то с думами этими чердак сорвет, кому ты тогда нужен будешь?.. Меньше думай – лучше будет. Короче, пора кончать базар, сейчас «парашки похаваем» и на боковую – готовиться в наряд. Нет, ты как хочешь, а мне такая служба в самый раз.

На финальной стадии рота в присутствии генерала из округа, командира части и большой группы старших офицеров провела показательные занятия с использованием всех ранее отработанных тем. Произвела благоприятное впечатление и была признана по итогам подготовки годной к непосредственному выполнению боевой задачи.

Через три дня отдыха и укомплектования по полному боевому расчету подразделение перебросили на один из военных аэродромов на территории республики, сопредельной с Чечней, тем самым начав новый отсчет времени в жизни этих молодых ребят.

* * *

Пройдя длительный марш, автоколонна с ротой Доронина прибыла в пункт назначения. Отдав распоряжения на разгрузку, Александр направился к штабной палатке батальона, в распоряжение которого согласно предписанию было прикомандировано его подразделение.

Доронина встретил сухощавый подполковник. Офицер, судя по орденским планкам на груди, заслуженный, прошедший не одну «горячую точку», а орден Красного Знамени говорил

о том, что бравому комбату пришлось проявить себя еще в Афганистане. Кроме него, в штабе находились общевойсковой майор и капитан-десантник.

– Доронин? Я не ошибся? – спросил подполковник.

– Так точно, командир пятой роты N-ской части старший лейтенант Доронин, докладываю...

– Да чего там докладывать? И так все ясно. Как зовут-величают?

– Александр... Александр Владимирович.

– Ну а я – Галкин Пал Палыч, или Палыч, как тут все меня зовут, за глаза, конечно. Давай проходи, присаживайся. Добрались нормально? Больных нет?

– Все в порядке, товарищ подполковник.

– Личный состав чем занят?

– Разгружаются.

– Хорошо. Сережа, пройди распорядись, как да где разместиться роте, – скорее попросил, нежели приказал, командир майора и, когда тот вышел, объяснил Доронину: – Начальник штаба майор Гаврилов Сергей Ефимович, толковый офицер. Вернется – познакомитесь. А это, – комбат указал на десантника, – твоё усиление. Капитан Егоров Валерий... Как тебя там по батюшке?

– Да просто Валера, товарищ подполковник.

– Значит, просто Валера, командир взвода спецназа. Твоя рота получает статус сводного подразделения специального назначения. До солдат об этом доведи, дух поднимешь. Ребята у Егорова отборные, контрактники, в бою не раз проверенные. Хлебают эту кровавую кашу не первый год.

Офицеры пожали друг другу руки. Между тем комбат продолжил:

– Задача у Егорова двойная. С одной стороны, и это основное, он усиливает тебя, Доронин. С другой – выполняет собственные, специфические задания. В тесном взаимодействии и при согласовании с тобой. Понятно?

– В общих чертах.

– А большего и не требуется, подробности будут завтра.

Вернулся начальник штаба.

– Все, командир. С твоими, – обратился Гаврилов к Доронину, – ПНШ – помощник начальника штаба – занимается. Будем знакомы, командир нас уже представил, – протянул майор руку. Познакомились.

– Ну что, господа офицеры? Для начала, пожалуй, и все? – Командир посмотрел на подчиненных.

– Все ли, Пал Палыч? А как же традиция? – прищурился, спросил начальник штаба.

– Сколько сейчас времени? – Комбат взглянул на свои командирские часы. – Так, почти восемнадцать. Ну что ж, традиция есть традиция – наливай, Сергей.

Начальник штаба достал из «тревожного» чемодана армейскую фляжку.

Егоров тем временем выставил пять кружек, хотя присутствовало только четверо. Доронин догадался, кому предназначалась пятая, – тому, кто никогда больше не сядет за общий стол. Павшему в бою. Затем десантник разложил мелко нарезанное сало с кусками черного хлеба и большой луковицей. Майор разлил.

– За встречу и знакомство? – поднял он кружку.

– За встречу и удачу... и за то, чтобы жить, – поддержал комбат.

Все дружно выпили. У Доронина перехватило дыхание – спирт, мать его! Могли бы и предупредить.

– Что, старлей? Не привык? На, запей. – Егоров с опозданием, но предусмотрительно подал ковш с водой. – У нас здесь только спирт в почете.

– Ну, военные, быстро закусили и по подразделениям. Ставить задачу буду завтра. В 10.00 быть всем у меня. Давай пошли, труба зовет!

Доронин с Егоровым вышли. Вдохнули полной грудью свежий предгорный воздух. Голова немного кружилась. То ли от спирта, то ли от чистого воздуха, а скорее от всего вместе.

– Ты впервые здесь? – спросил Егоров.

– Да. А ты, вероятно, долгожитель местный?

– Не то слово. Я в Чечне в четвертый раз. Начинать в декабре девяносто четвертого. Самый «веселый» в жизни Новый год встретил на улицах Грозного, под иллюминацию наших горящих танков и боевых машин, провалилась она, эта иллюминация, пропадом. До сих пор вот тут, – он ударил себя по левой стороне груди, – злость сидит. Как вспомню, что творилось в те дни, кровь в жилах стынет. Потом девяносто шестой год, Аргун, Гудермес, сейчас вот здесь.

– Привык, наверное?

– Ты считаешь, что к ЭТОМУ можно привыкнуть? К смерти привыкнуть? Не знаю. Я за всю войну потерял двадцать два человека убитыми в разное время, раненых и не считал, но до сих пор каждого в лицо помню. И подробности того, что видел. Может, другие и привыкают, я не смог.

– Как я понимаю, – сменил тему Александр, – если твой взвод придают мне, то дела нас ждут серьезные?

– Опасаешься? (Слово «боишься» здесь не принято говорить.)

– За себя скорее нет. А вот подчиненные? Они же только на учениях по мишеням стреляли.

– А ты думаешь, в Грозном в девяносто четвертом дрались подготовленные войска? Черта с два. У нынешних хоть какое-то представление есть – что да к чему. А у тех вообще ничего не было. Но дрались? Дрались. Выхода иного не было. А насчет нашей миссии представление имею смутное, но, скорее всего, заткнут нами дыру где-нибудь в горах. А там черт его знает. Узнаем точно завтра. Выпить еще хочешь?

– Да нет. Хватит, пожалуй.

– Ты насчет этого, – Валера хлопнул тыльной стороной ладони по горлу, – как? Заводной, когдахватишь лишку?

– Вроде нет, по крайней мере не замечал за собой. А что?

– Если заводной, не жить тебе здесь. Вообще, воздержаться лучше, если под градусом теряешь контроль над собой. Ну ладно, разошлись, что ли?

– Давай, Валера.

– До завтра.

Офицеры разошлись по своим подразделениям. Бойцы Доронина, кое-как разместившись в палатках, тут же уснули, устав от долгого марша и нервного напряжения. Сегодня они еще были солдатами мирной жизни. Завтра их ждала война.

* * *

Утром в штабе батальона собрался весь офицерский состав. Подполковник Галкин провел короткое совещание, разъясняя общую задачу временно сформированной отдельной части.

– Товарищи офицеры! Вы прибыли сюда из разных мест для временного нахождения в Чечне. Три месяца – срок командировки, но нет ничего постоянного, чем временное, гласит народная мудрость. Так что оставьте мысли о скором возвращении и сосредоточьте все внимание на тех задачах, которые вам с подчиненными предстоит выполнять здесь. В полном составе, как сейчас, мы встречаемся в первый, а возможно, и единственный раз, так как подразделения батальона будут действовать автономно, в постоянном отрыве от штаба и других подразделений. Каждому командиру будут доведены их конкретные задачи. Поэтому сейчас хочу акцен-

тировать ваше внимание на общей обстановке в нашей зоне ответственности. Обратите внимание на карту. Сейчас мы с вами находимся здесь. – Галкин указал на населенный пункт. – С севера и запада – горы, с юга – плоскогорье, и на нем райцентр. Он укреплен внутренними войсками, так как в прошлом году за него велись ожесточенные бои. Через райцентр напрямую лежит путь в Грозный. Бандформирования пробивались в основном с востока, где в то время находились основные силы Масхадова. Но осенняя кампания вынудила боевиков рассеяться в горах, частично в близлежащих селах или аулах. Какая-то часть покинула территорию республики. Партизанские действия моджахедов в зимний период, судя по всему, заканчиваются. С появлением «зеленки» бандиты вновь собираются в стаи, чтобы активизировать вылазки. Что касается райцентра, то командование по-прежнему считает восточное направление наиболее вероятным для масштабного нападения. Этому имеются и подтверждения разведки. Но и про север с западом забывать нельзя. При желании бандиты могут организовать проход довольно крупной группировки по ущельям и тропам с территории сопредельного государства. Пока подтверждения замыслов боевиков в отношении северо-западного направления нет. И все же, просчитывая все варианты, командование решило перекрыть и его. Нашему батальону как раз и предстоит выполнить эти страховочные функции. Три роты, усиленные десантными взводами, при поддержке артдивизиона, о возможностях и порядке применения которого я скажу позже, займут господствующие высоты на трех направлениях. Здесь, здесь и здесь. – Комбат указал на карте места будущей дислокации подразделений. – Теперь об артиллерии. Дивизион может накрыть площади непосредственно вокруг высот при правильном наведении. Каждый из командиров рот совместно с начальником штаба и комдивом отработает порядок взаимодействия индивидуально. Об обеспечении подразделений. Оно будет осуществляться силами взвода материального обеспечения один раз в неделю.

Подразделения к местам выполнения боевой задачи будут переброшены боевыми машинами пехоты соседнего полка. Десантники пойдут своим ходом, их техника останется на позициях. Каждая рота комплектуется по нормам военного времени, кроме того, им придаются по две стационарные спаренные зенитные установки на каждое подразделение. При оборудовании позиций помогут саперы, которые и минные поля накроют на подступах. В дальнейшем боезапас будет увеличиваться совместно с доставкой питания, воды и других видов довольствия. Так что жить и нести службу придется автономно. И ни на минуту не забывать, где вы и зачем вы здесь. И еще то, что вы на войне, на самой настоящей войне, где каждое утро, день или ночь могут мгновенно взорваться и превратиться в кровавый ад. С личным составом отдельно будет проведена беседа, но и вы постоянно должны напоминать бойцам, что любая халатность, безалаберность, потеря бдительности, а тем паче самовольное оставление подразделения – неминуемая и страшная гибель. Это то общее, что я хотел сказать всем офицерам. Дальше поступим так. Первой у нас уходит рота старшего лейтенанта Доронина, значит, он и Егоров остаются для постановки персональной задачи. Остальным командирам быть в подразделениях и ожидать вызова.

– Товарищи офицеры, – подал команду начальник штаба.

Офицеры встали и по команде «Свободны!» покинули штабную палатку. Доронин с Егоровым остались. Командир подозвал их к столу, где майор Кузнецов разложил крупную карту района.

– Можете курить, – комбат достал сигарету и закурил первым.

– Что же, начнем?

В подразделении Доронина царил нервная суматоха. После того как бойцы выспались и довольно сносно позавтракали, они не знали, что им делать. Ротного не было, взводные сами ничего толком не знали. Они распустили роту, пару раз перед этим построив. С какой целью? Этого не знали, наверное, и офицеры. Для порядка или от вынужденного безделья. Солдаты разбрелись, но отведенной территории не покидали.

Колян сел, прислонившись к гладкому валуну.

– Кость? Вали сюда, здесь удобно. – Ветров присел рядом. – Кость? Вот ты чувак с понятием. Правильно? Базара нет. Тогда объясни мне, почему именно в Чечне идет война, а не, например, в Черкесии какой? Они тут все горцы. Взяли и все стали воевать, а?

– Про весь Кавказ я тебе не скажу. А насчет Чечни подполковник Куделин все по полочкам разложил. Проспал, что ли, лекцию?

– Лекцию. Кто ее слушал-то? И потом, говорил он уж очень занудно – «государственная независимость», «наведение конституционного порядка», «менталитет» какой-то.

– А ну, рота, строиться! – прервал вольный отдых прапорщик Мамедов. – Повзводно, в две шеренги, становись!

– Откуда его принесло? Только устроились, – пробурчал Николай, стараясь быстрее занять место в строю. Мамедова, как и командира роты, он уважал и даже побаивался.

– Внимание, пехота! Сейчас получаем боеприпасы, сухпай, дополнительное снаряжение. Первый взвод на склад службы РАВ – ракетно-артиллерийского вооружения. Второй – на продсклад, третий – на вещевой. Командиры взводов, вас там уже ждут. Замкомвзводам развести личный состав! Горшков и Ветров, ко мне!

Раздались команды сержантов. Костя и Николай предстали перед старшиной. У того еще были дела, и он приказал:

– Покурите пока тут, за мылом пойдем в банно-прачечный комбинат.

– Че? На всю роту? – недовольно, впрочем, как обычно, когда получал какие-либо задания, спросил Колян.

– Нет, на всю армию. Чем-то недоволен, Горшков?

– Никак нет, товарищ прапорщик, только можно было еще людей подрядить, че двоим-то корячиться?

– Горшков? Или ты закроешься, или будешь таскать мыло один.

– Уже закрылся, товарищ прапорщик.

– Ждите здесь!

Мамедов ушел в сторону штабной палатки.

– Не, Кость? Ну че, в натуре, за бестолковость? Портянки да полотенца таскать – целый взвод, а мыло только мы вдвоем?

– Ну и перенесем, что нам станет?

– Несправедливо это. Нельзя было еще людей оставить?

– Не ной, Коль.

– Мне бы твое спокойствие. Я смотрю, тебе вообще все до фени. Ты как верблюд, Кость, или ишак, что у КПП трется. Им тоже все до лампочки. Где бы стрельнуть сигарету?

Колян осмотрелся вокруг, но не нашел никого из курящих. Вздохнул.

– Вон прапорщик идет, у него спроси, – посоветовал Костя, увидевший Мамедова.

– Покурили? – спросил подошедший прапорщик.

– Ага! Если бы угостил кто, – ответил Колян, поднимаясь.

– А чего не спросил? – Мамедов достал пачку «Явы». – На, покури, только давай в три затыжки, времени у нас в обрез.

Колян с удовольствием затыкнулся.

– Товарищ прапорщик, а нам когда курево выдадут?

– Сейчас получим мыло, потом сигареты и сахар.

– Вот это дело. Это я готов и один перетаскать.

– Горшков? Ты от рождения такой или в детстве головой ударился?

– А че? – не понял Колян.

– А то, что либо ты под дурачка все время косишь, либо действительно с глупинкой? Ну так как?

– Да че «как»?

– Ну тебя, Горшков. С виду парень нормальный, да и вообще ничего. Зачем придуришься? Зачем хочешь показаться хуже, чем есть на самом деле?

Николай не нашелся, что ответить.

– В колонну по одному, марш!

Своеобразный строй двинулся вперед. Но Колян не был бы Коляном, если бы не попытался поддеть Мамедова, особенно после того, как тот поставил его в неловкое положение. Николай не привык, когда о нем говорили хорошо, и не мог ничего с собой поделаться.

– Товарищ прапорщик? Вопрос разрешите?

– Ты в строю, Горшков, или где? А в строю что?

– Разговаривать запрещено.

– Вот ты и ответил себе.

– Только один, товарищ прапорщик, нас же никто не видит и не слышит.

– Хочешь неприятностей?

– Молчу, молчу.

– И правильно. Будет время, задашь свой вопрос.

Подойдя к банно-прачечному комбинату, начальника на месте не застали – ушел в штаб. Кладовщик без команды сверху отпустить материал не мог. Оставалось одно – ждать. Мамедов с подчиненными отошли в пустующую курилку, присели. Прапорщик вновь угостил Николая сигаретой.

– Ну и что за вопрос у тебя, Горшков?

– Да есть один. Только без обиды, ладно?

– Без обиды? Интересно. Давай без обиды.

– Товарищ прапорщик, а почему вы в прапора подались, а не в офицеры?

– А что, большая разница между офицером и прапорщиком?

– Ничего себе! Конечно, большая.

– И в чем же она?

– Ну, например, взять офицера. Его гоняют сначала где-то год-два, ну может, три, потом он сам начинает гонять. И чем больше звезд на погонах, тем больше власти. Если, конечно, офицер нормальный, не лох и не чухан, как... некоторые. – Коля предусмотрительно не стал называть своего взводного, которого ни во что не ставил. – А прапорщик? Он-то так и будет всю жизнь прапорщиком. Значит, его не год-два, а всю жизнь, пока он в армии, гонять будут. Самый последний чухан-лейтенант и тот может любого прапора взгреть. Вот и вся разница. Мы, солдаты, не в счет. Нас любой может поиметь и наизнанку вывернуть. Я говорю о прапорщиках и офицерах.

– И что же, Горшков, у тебя за понятия-то такие? «Иметь», «наизнанку выворачивать»? Ты мне сам ответь – не будь в роте старшины, хорошо бы было?

– Нет, конечно.

– Вот! А разве, чтобы быть старшиной, обязательно становиться офицером?

– Нет! Но я вот лично о вас думаю. У вас и рост, и осанка, и голос, даже усы и те командирские. А фуражка одна чего стоит? Такой фуражки большой я еще ни у кого не видел. Это ладно Хорек из соседней роты. Ему на роже написано только прапором и быть. А вам? Подполковником, ну еще майором куда ни шло, быть надо.

– Каждый, Горшков, должен быть на своем месте. Почему Ветров среднее образование получил, а ты не смог. Почему?

– У меня обстоятельства. У нас в деревне...

– Да брось ты, в деревне. Что, в селах другие люди живут? Между прочим, подполковник Смирнов из Рязанской области, вообще из глухого лесного кордона. Но выучился? Военное училище закончил и академию. Причем с отличием.

– Товарищ прапорщик, а сколько на человека сигарет положено? – понимая, что проигрывает, Колян решил сменить тему.

– А вот за то, что ты не знаешь нормы довольствия, когда я лично их доводил, ты, Горшков, будешь наказан.

– Да нет, норму я знаю – восемнадцать пачек на рыло, так что наказывать меня не за что. Но это нормы мирного времени, а на войне сколько?

– Вывернулся. Хитрая же ты bestия, Горшков. Ладно, хорош отдыхать, вон начальник БПК идет – пора получать.

– Смотрите сюда. – Комбат взял ручку-указку, нагнулся к карте. То же самое сделали и остальные. – Вот этот проход – выход на плоскогорье – местные называют Косыми Воротами. За ними – ущелье, довольно узкое, но вполне проходимое для небольших отрядов. Ущелье начинается на территории сопредельного государства. Перед ущельем, как видите, сравнительно открытая местность, зажата двумя высотами. Эти высоты позволяют контролировать Косые Ворота и окружающее пространство до самого аула, расположенного тремя километрами ниже. Назовем высоты, условно, Большой и Малой. Большая более пригодна для опорного пункта, так как имеет в сечении форму трапеции. Когда-то, в далеком прошлом, здесь находилось нечто похожее на крепость. Скорее всего, сторожевая застава. Сама высота вытянута метров на сто и имеет сравнительно ровную площадку на вершине шириной от десяти до двадцати метров. Плюс каменные остатки строений. Западный склон более пологий и примерно метров через пятьсот постепенно переходит в небольшой лесной массив. Теоретически по «зеленке» можно подойти к высоте, но есть одно но.

Лесной массив как бы отсечен с трех сторон. С одной – отвесным и глубоким ущельем. С двух других, напротив, крутыми утесами. Крупные силы, используя даже специальное снаряжение, скрытно туда забросить практически невозможно. К тому же саперы плотно нашпигуют «зеленку» своими «игрушками». По прибытии начальник инженерной службы передаст тебе, Доронин, схемы минных полей. Но учти, снайперы там, в массиве, появиться могут вполне, так что будь внимателен. Далее, вот этот квадрат, – Галкин провел условные линии по карте, – включая сам проход и часть за ним, пристрелян артдивизионом. Квадрат разбит на четыре сектора. При острой необходимости достаточно вызвать комдива, назвать ему сектор и укрыть своих. Артиллерия тут же накроет указанный район.

Особое внимание Малой высоте. Закрепиться там сможет лишь взвод да, пожалуй, одна «бээмдэшка», в качестве стационарной огневой точки. И вообще, что касается тебя, Егоров. Одну машину, как я говорил, с экипажем оставляешь на Малой высоте с сектором обстрела прохода через Косые Ворота. Две машины, в том же порядке и в тех же целях, ставишь на Большой высоте. Четвертую используешь для разведки ближайших подступов и для обеспечения относительного маневра. На ней же будешь встречать и сопровождать колонну обеспечения. Зенитные установки целесообразно установить на высотах так, чтобы обеспечить ведение огня вкруговую. Людей разместишь по своему усмотрению. Доронин! Егоров подчинен тебе, но я уже говорил, у него имеются свои задачи, так что будет очень хорошо, если вы найдете общий язык.

Основное направление возможного удара небольших групп боевиков – из ущелья, через Косые Ворота на аул. Этого вам и нельзя допустить. Ну и, естественно, задерживать одиночек или мелкие группы людей, бродящих в зоне вашей ответственности. Скажу откровенно, не для того, чтобы расхолодить вас, а чтобы убрать излишнюю нервозность, это касается в первую очередь тебя, Доронин, и твоих подчиненных, что командование хоть и допускает развитие событий по отработываемому сценарию, но считает все же, что крупным силам на вашем участке не пройти, а мелкие отряды направлять на верную смерть не имеет никакого смысла. Лишних бойцов у них теперь нет. Так что, скорее всего, даст бог, отсидите на высотах опреде-

ленное время и спокойно заменитесь. Но подчиненных ни в коем случае расслаблять нельзя. Из укрытий без надобности не высовываться, открыто по высоте не шастать. Напомните им о снайперах, которые могут объявиться где угодно. Так что смотрите в оба. Здесь тебе как никто поможет Егоров со своими бойцами. При появлении небольших вооруженных групп предложить сложить оружие. При отказе или сопротивлении открывать огонь на поражение. Остальное уясните на месте. Сейчас с начальником штаба согласуете связь. Еще поработаете по карте и вперед. Время Ч – 7.00 завтра, в Ч+30 – начало движения роты Доронина. Какие будут вопросы?

– Командир? А что это Шах в батальоне делает?

Доронин недоуменно посмотрел на капитана и Галкина. Что еще за Шах?

– На позиции, видимо, собрался, только с кем пойдет, не ведаю, ты же его знаешь, – ответил комбат. И, переведя взгляд на Доронина, сказал: – Про Шаха тебе Егоров расскажет. Ну с вами все. «БМП» будут с вечера. Как придут – грузитесь. Все! До связи!

Офицеры перешли в отсек начальника штаба и быстро обсудили насущные проблемы, связанные больше с организацией связи. Получив чистые новые карты, вышли на воздух.

– Валер! Кто такой Шах?

– Шах? – Егоров ненадолго задумался. – Пойдем покажу, если на месте он.

Офицеры прошли по пыльной тропинке вдоль палаток. Доронин видел, как его личный состав сновал по лагерю, занятый получением различных видов довольствия.

– Слушай, Валера, Шах – это имя или?..

– Или. Все его так зовут. Если встретимся, ты присмотришься, только вопросов не задавай. Нелюдим он. Ко мне, правда, привык, но все равно держит на расстоянии.

– Чеченец?

– Да. В прошлую войну воевал против нас. Сейчас и не с ними, и не с нами. Свои дела на войне у него. Но вон он – сидит на бревне. Потом о нем расскажу.

Доронин с Егоровым подошли как бы между прочим к чеченцу. Четко выраженные черты горца, строгое, благородное лицо, густая, с обильной проседью шевелюра, перетянутая зеленой лентой, аккуратно подстриженные усы и борода. Характерный, так называемый орлиный нос. И красивые, очень печальные и добрые глаза под нависшими сплошными бровями. Над правым глазом несколько мелких, но глубоких шрамов. Еще один – пошире – на щеке. Шрамы, видимо, заживали сами собой, без медицинского вмешательства. Одет Шах был в камуфлированный костюм, без знаков различия. Рукава закатаны, обнажая сильные, жилистые, волосатые руки с длинными пальцами. На поясе – офицерском ремне – богатые, ручной работы ножны с кинжалом, рукоятки которого не было видно. На ногах – «берцы». Шах смотрел куда-то вдаль, о чем-то, видимо, глубоко задумавшись.

– Салам, Шах!

– А, это ты? Салам.

– Говорят, в поход собрался?

– Не все правда, что говорят.

– Шах! Мы с тобой второй год знакомы, а ты все как бирюк – слова не вытянешь.

– Слова – пустота.

– А что тогда не пустота?

– Клятва!

– Но клятва – это тоже слова.

– Нет, Валера. Клятва есть клятва. Если ее дает мужчина.

– Ну ладно. Вижу, ты не настроен говорить, а я хотел тебя вот с товарищем познакомиться, вместе завтра в горы идем.

– К Косым Воротам?

– К ним. Ты-то откуда знаешь?

– Знаю. Там встретимся. – И, посмотрев на Доронина оценивающим взглядом: – Там же и с ним познакомимся.

Шах встал и пошел в сторону небольшой рощи, одиноко стоящей на окраине лагеря.

– Да! Этот Шах – личность, судя по всему, непростая. – Александр проводил взглядом удаляющуюся фигуру. – Кто он есть-то?

– Кто? Бывший офицер Советской армии, воевал в конце восьмидесятых в Афганистане практически до самого вывода войск. Орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги». Его комбат по той войне знает.

– А после Афгана?

– А вот после – одни слухи. Сам он ничего никому не рассказывает.

– Что за слухи?

– В девяностых годах уволился, перевез семью в Урус-Мартан, жена у него, кстати, была русской, ну и сынишка. Родители после смерти дом оставили, в общем, жили. Пока война не грянула. Шах с братьями за Дудаевым пошел. Даже, говорили, был близко знаком с генералом. Воевал на их стороне. А потом, после вывода войск, когда точно, не знаю, – убили его семью. Не федералы, не чеченцы, нет. Поговаривали, что это наемники из банды араба Хабиба. А у них же знаешь как? Такое не прощается. Вот и вышел Шах на тропу войны. Объявил кровную месть. Братья его все полегли в боях. Остался он один. Но Хабиб, видимо, опасался Шаха, так как приказал казнить чеченца. Однажды взяли Шаха в плен люди Хабиба. Но тот ушел. Завалил там кого-то и ушел. Его искали по всей Чечне. Знал Хабиб, что нельзя кровного врага оставлять в живых. Но Шах скрылся. Где он был? В России? Грузии? Дагестане? Никто не знает. Объявился он, когда вторая кампания началась и «непримиримых» оттеснили в горы. Объявился среди наших. Разбирались с ним, потом отпустили, его по Афгану многие старшие офицеры знают.

– И теперь что? Против своих воюет?

– Нет. У него своя личная война. Хабиба он ищет, людей его. Если находит наемников, валит без разговора. Но только наемников, чеченцев не трогает.

– Но с той стороны тоже наверняка охотятся за ним? Да и чечены врагом считают?

– Наверное. Но, по-моему, Шаху на все наплевать. Ему нужен Хабиб, и если пуля не обрвет его жизнь, то он араба достанет.

– А что он про встречу сказал?

– С нами Шах пойдет. Вот только почему он решил идти к Косым Воротам? Это плохой признак... А с другой стороны, его присутствие и к лучшему. Разведчик он первоклассный и места те, впрочем, как мне кажется, и все горы в целом, хорошо знает.

– Нелегко с ним будет.

– Ничуть! Я с Шахом уже ходил в рейды. Он незаметен, но иногда такой совет даст, цена которому – жизнь. Вот так.

– Тебе виднее. Пойду в роту, проверю, что там.

– Давай. Теплового белья да одеял возьми побольше. Прапору на складе, жучаре, будет выкобениваться – не положено, мол, скажи: не даст, Егор со своими придет. Сам склад перенесет да еще по макушке получит. У нас с этой тыловой крысой свои дела.

– Учту. Тогда встретимся утром?

– Да нет. Встретимся мы уже у Косых Ворот. Я раньше пойду, с саперами. Встретим вас на месте.

– Понятно.

– Давай, Сань, до встречи.

Офицеры разошлись, чтобы проконтролировать последние приготовления к боевому выходу.

* * *

Как только рассвело, «БРДМ» – боевая разведывательная дозорная машина – в паре с «БМП-2» двинулись вперед. Следом пошли четыре боевые машины десанта – «БМД», два «ГАЗ-66» с саперами и «Урал» с зенитными установками на борту, замыкал колонну бронетранспортер. Личный состав взвода Егорова рассредоточился на броне, контролируя окружающую местность. На «БРДМ» был установлен подавитель радиосигналов – последняя новинка техники, позволяющая отсекаать радиоуправляемые мины и фугасы от дистанционных источников управления. Пройдя на максимально возможной скорости расстояние до пункта назначения, десантные машины взобрались на склоны высот и, устремив стволы скорострельных авиационных пушек в небо, остановились. Десант покинул машины и принялся прочесывать местность. Часть саперов приступила к разметке позиций будущего опорного пункта на обеих высотах. Другая часть отправилась под командованием начальника инженерной службы в глубь «зеленки» – накрывать ее минной паутиной.

Егоров стоял возле одной из «БМД» и наблюдал сверху за действиями своих подчиненных, одновременно рассматривая в бинокль горы и подступы к высотам. Внезапно кто-то спросил сзади:

– Изучаешь обстановку?

Валера резко обернулся.

– Шах? Тьфу ты, черт нерусский. Откуда ты взялся? В колонне я тебя не видел.

– Меня не было в колонне.

– Как же ты добрался сюда?

– Какая разница?

– Ну коли ты здесь, то что думаешь о позициях, разведчик?

– Позиции ничего. Ваши решили, что отсюда по-крупному не ударят?

– Я не знаю, что решают наверху, мне приказали быть здесь. Вот я и здесь.

– Как понимаю, сюда еще рота того старлея подойдет?

– Да.

– Ну-ну.

– Шах! У тебя здесь дела какие?

– Ты знаешь, какие у меня дела.

– Знаю.

– И не удивился, почему я именно здесь, а не на востоке?

– Только не говори, что ждешь здесь появления Хабиба.

– Я не говорил ничего подобного.

– Шах, скажи прямо, ты что-то знаешь? То, о чем наше командование не догадывается?

– Знал бы – сказал. Зачем проливать лишнюю кровь? В этой войне что русские, что чеченцы – все жертвы. Я имею в виду рядовых исполнителей чужой воли. Но есть те, кому очень нужна эта бойня. И есть еще Хабиб, который пришел на мою землю, который убил мою семью. И с ним свора наемников, которым без разницы, против кого воевать, лишь бы платили.

И с ними у меня один разговор – пуля. А насчет того, знаю я что или нет? Не знаю, Валера, но что-то подсказывает мне, что ваше командование напрасно так укрепляет восточное направление. Нет, его, конечно, нужно держать. Но то, что таким проходам, как, например, этот, значения особого не придают, считаю ошибкой. Эта позиция хороша против небольших, человек до ста отрядов. Но вот если противник решит нанести отсюда главный удар, то сметет вас в два счета. Да, ущелье неудобное для прохода больших сил, но только неудобное, не более. Сосредоточить силы в нем можно. Ты видел на карте, сколько относительно проходных склонов в нем, да еще добавь русла ручьев, трещины, звериные тропы – то, чего на карте

нет. И вход в ущелье с той стороны практически не закрыт. Так что сосредоточить в ущелье крупные силы вполне возможно, тем более зная, что такой вариант развития событий вашим командованием не рассматривается. Потом, «зеленка» и аул. То, что вы закроете лесной массив минными полями, по большому счету, не помеха для специалистов. Люди мины ставят, люди и снимают.

– Ты считаешь, что могут ударить и из «зеленки»?

– Ударить? Нет. Забросить туда достаточное количество людей для удара невозможно. Но отвлечь малыми силами смогут. Да и снайперы достанут. Конечно, накроет артиллерия, в случае чего, сектор, но тогда и вы лишитесь минных полей. Так что отвлекающий маневр против вас организовать проблем не составит. И со стороны аула? Почему его никто не контролирует? А потому, что планом это не предусмотрено. Основные силы пойдут, понятно, через Косые Ворота, и ничего вы сделать не сможете. Дивизион поможет, слов нет, но не остановит живой лавины, если бросок из ущелья будет внезапным и мощным. Посчитай, сколько тебе понадобится времени, чтобы связаться с артиллеристами, сколько времени, чтобы сработала их машина. Прикидываешь? И если противник пробьется в мертвую для дивизиона зону, при этом используя еще и вспомогательные силы, заставляя вас вести круговую оборону, то легко можно представить, что будет дальше.

– Подожди, Шах. Это все, конечно, грамотно, профессионально, но при условии, что боевикам удастся собрать в ущелье крупные силы. И сделать это скрытно. А разведка? Воздушная разведка? Она не пропустит такого скопления людей.

– Вот и плохо, что вся надежда на воздушную разведку. Посуди сам. Ночью ее проводить практически невозможно, рано утром и почти до обеда туманы затянут ущелье наглухо. А после противник вполне в состоянии затеряться в горах, уйдя на склоны и применив маскировку. Что даст воздушная разведка? В лучшем случае обнаружит сотню-другую, но для этого вы и стоите здесь, чтобы не пропустить малочисленные отряды. Вам сообщат. Вы приготовитесь. Но... произойдет другое. Страшное. И никакая помощь к вам не успеет.

– Послушать тебя, надо сворачиваться и в обратку. Я, конечно, уважаю твой опыт, и очень даже может быть, что все так и произойдет, но, Шах, у меня приказ. И я его буду выполнять.

– Знаю и понимаю тебя. Но попробуй убедить командование еще усилить вас. Хотя бы выставить посты в самом ущелье и подвести поближе пару рот, чтобы заблокировать аул.

– Легко сказать. Во-первых, я сам в подчинении у командира роты, которая прибывает сюда основной силой, но это еще ладно, его убедить можно. А вот как обосновать свою позицию командованию выше? У меня что, есть проверенные данные? Какие аргументы привести? Доложить, что мы тут с Шахом прикинули, что может произойти теоретически, и решили запросить дополнительные силы для отражения массированного нападения вероятного противника? Знаешь, куда нас с Дорониным и с тобой пошлют?

– Знаю. В этом вся и беда. Когда аргументы будут, просить чего-либо будет поздно.

– Ну и черт с ним. Что будет, то будет. Своих ребят я знаю, лишь бы доронинские не побежали, а там не так-то просто будет нас с высот опрокинуть. Сутки выстоим, при худшем раскладе, а там и подкрепление подойдет. В любом случае духам твоим задницы надерем как следует.

– Не кипятись, Валера. Я знаю тебя. И тоже уважаю, уверен, что стоять будешь насмерть. Поэтому и разговариваю с тобой. И потом, я же только делаю предположения и вполне могу ошибаться. Только Аллах знает, что произойдет завтра. Может, ваши генералы и правы и у них есть весомый повод поступать именно так. Но лучше подготовиться к худшему, по Афгану знаю. Я пока поброжу здесь, посмотрю, что к чему. А ты насчет ущелья все же подумай. Хоть один пост, но выстави, не помешает.

– Подумаю. Только ты бродить-то повременил бы. Займем позиции, предупредим людей, тогда и броди, а то подстрелят ненароком.

– За меня не волнуйся. Я знаю, что делаю.

– Ну ладно. Иди. Только, если что, я предупреждал.

Шах так же бесшумно, как появился, зашел за боевую машину, и вскоре силуэт его был виден уже внизу у тропы. Он двигался в направлении аула. Кто знает, что у него на уме? Но в его предположениях был смысл. Смысл, основанный на богатом боевом опыте двух войн. Егорову стало как-то тревожно. Прав Шах, надо подумать, как и где установить наблюдение за ущельем, немного в глубину. Да и аул с «зеленкой» держать хотя бы взводом. И вообще, придется занимать круговую оборону.

Егоров подозвал сержанта-сапера, который руководил разметкой опорного пункта, взял у него схему и внес изменения, отметив места, где следует оборудовать точки для ведения огня по «зеленке».

– И давайте «кроты» не только размечайте, а начинайте копать, чтобы до прибытия подразделения опорный пункт имел хоть какой-то вид.

– Товарищ капитан, да мы за неделю все не сделаем.

– А все и не надо. Ты работай. Подойдет рота, вы уйдете. Только и вы поднатужьтесь. Вас не будет, а ребятам здесь бой принимать. Только смотри, чтобы все изменения были в точности соблюдены. И начальника своей службы пригласи ко мне. Понял?

– Так точно!

– Вперед, сапер, и прошу, поработайте на совесть.

– Постараемся, товарищ капитан.

– Постарайтесь.

Через несколько минут подошел начальник инженерной службы – молодой старший лейтенант. Они были знакомы еще по базе.

– Ну что, Вить, «зеленку» заминировали?

– Заканчиваем.

– Схема с тобой?

– Конечно!

– Ну-ка, объясни мне, что к чему.

Сапер на профессиональном языке разъяснил схему постановки мин. Простых и дистанционных, растяжек, «лягушек», сигналок.

– Так, – оценил Егоров, – поработали вы, как вижу, на славу. А в целом по району где еще будешь накрывать?

– В самом проходе – противопехотные, обычные. Триста метров в глубь ущелья – обычные и сигнальные, пятьсот метров – растяжки по склонам, если возможно, и везде сигнальные – звуковые и световые. Затем, между высотами, на подступах с двумя проходами, и вдоль дороги – фугасы, метров семьсот в сторону аула.

– Все?

– А что, мало? – удивился сапер. – Я вообще не понимаю, к чему такая плотность и разнообразность?

– Ну это не нам решать. Только ты, как с «зеленкой» закончишь, подожди продолжать. Мои люди местность изучат, кое-что скорректируем. Надеюсь, этим мы ничего не нарушим?

– Да нет. Согласуем общую схему, и все.

– Ну тогда заканчивай и подходи – будем дальше планировать.

– Хорошо.

– Приятно с такими работать. Другой бы начал ныть – у меня схема, приказ, свяжитесь с начальством. Молодец, старлей!

– Да ладно.

Старший лейтенант быстрым шагом спустился с высоты, прошел открытое пространство и скрылся в зарослях лесного массива, где колдовали, в прямом смысле, его подчиненные.

Начали возвращаться люди Егорова. Они подходили, садились отдыхать, дожидаясь остальных. После того как взвод собрался, капитан обратился к ним:

– Ну что, орлы, осмотрелись?

– Да вроде.

– В глубь ущелья кто ходил?

– Мы с Кириенко, товарищ капитан, – доложил сержант Сергеев.

– Ну и?

– Плохое ущелье. Дно неровное, видно, во время дождей поток прет здесь нехилый, везде валуны.

– Из ущелья нас видно?

– Если подняться метров на двадцать по левому склону, то Малая высота как на ладони.

Правый склон отвесный – Большая не видна.

– А глубже?

– Глубже то же самое, но на расстоянии метров в пятьсот хребет закрывает видимость.

От самого прохода высоты просматриваются хорошо, но видны только макушки.

– Понятно. Будем камуфлироваться. Глубже ходили?

– Дальше – сужение и поворот, склоны отвесные, высокие. Насколько хватило обзора.

Глубже не пошли.

– Так. – Егоров что-то отметил на карте. – Кто еще что скажет?

– Разрешите, товарищ капитан?

– Говори, Голиков.

– За Малой высотой балка приличная, довольно глубокая. Если смотреть с высоты, то просто нагромождение камней видно. На самом деле там овраг. В полный рост вполне передвигаться можно.

– Откуда начинается и где заканчивается балка? Ближайшее от нее расстояние до позиций?

Солдат повернулся, показал на гору, от которой, собственно, и начинались Косые Ворота.

– Вон там. За горой, за изгибом, от трещины, потом по дуге, как бы огибающая высоту, и снова с изгибом, прямо к левому флангу. От самой балки до высоты от трехсот до пятисот метров примерно. От окончания балки до левого фланга – меньше ста, как раз на склон, на самый фланг, в мертвую зону от позиции.

Егоров посмотрел на карту. Ничего подобного на ней отображено не было. Он занес изменения.

– Голиков? А с горы прикрыть балку можно? Скрытное место для огневой точки есть?

– Если только среди валунов, немного левее, есть там ниша. И сверху закрыта. Оттуда если из пулемета, то вполне.

– Хорошо. – Валера вновь сделал отметку. – Кто еще что скажет?

– Разрешите? Если начать сверху «гостей» встречать, в ущелье, то неплохо бы еще одну точку на склоне организовать, – высказал свое мнение Кириенко.

– Есть место?

– Да. Одна пещерка глухая. И высоко, почти на хребте, с нее закупорить дно надолго можно.

– А уйти с нее при случае можно?

– Только по верху и канатами вниз прямо по скале.

– И где спуск?

– А вот, прямо перед нами, правая сторона Ворот.

– Вижу. Значит, уйти можно... – задумался Егоров. – Примем к сведению. Что еще?

– Можно еще дальше по ущелью каскад сделать (под каскадом подразумевалось такое построение огневых точек, которые располагались на разных уровнях, одна над другой, позво-

ляя осуществлять эффективное и бесперебойное ведение огня, создавая иллюзию присутствия больших сил), но тогда весь взвод уйдет в ущелье. Не молодых же сажать в горы?

– Нет. Каскад отпадает. А вот на узком участке следует пару завалов организовать.

– Это можно, товарищ капитан, условия позволяют.

– Хорошо. Есть еще у кого что сказать? Нет? Тогда, ребята, так. Рассредоточьтесь по высотам равномерно, машины на позиции, одну вниз. И всем спать. Ночь наша будет. Потом с пехотой разберемся. Все, выполнять!

Обученные и дисциплинированные бойцы, воюющие не первый год, быстро выполнили распоряжение командира, выставив наблюдение и найдя подходящее пристанище, – в полной мере использовали возможность отдохнуть.

Егоров тем временем разговаривал с начальником инженерной службы. Держа в руке планшет с картой, он указывал саперу, что следует сделать, учитывая обстановку после проведенной разведки.

– Ну как? Запаса твоих «игрушек» хватит?

– Придется между высотами оставлять незащищенное пространство. Тогда боезапаса должно хватить.

– Между высотами не столь важно, делай как я тебя прошу.

– Сделаем.

Старший лейтенант подал команду своим измотанным подчиненным и, построив их, поставил согласованную с капитаном задачу.

К 18.00 подошла рота. Доронин приказал быстро разгрузить машины и разложить груз на обочине дороги. «БМП» развернулись, построились в колонну и стали ожидать саперов, чтобы вместе вернуться на базу.

Александр поднялся на высоту к Егорову.

– Прибыли?

– Как видишь. Ну, что тут за дела?

– Докладываю. Приданный тебе взвод по прибытии провел рекогносцировку местности, исходя из результатов которой саперы разметили схему опорного пункта и продолжают установку минных полей. Пока все, товарищ старший лейтенант.

– Брось, Валер, не ерничай. Тут и козе понятно, кто на самом деле старший.

Егоров улыбнулся, хлопнул Доронина по плечу.

– Нам ли, Сань, власть делить? Но субординацию блюсти должны. Ты своим взводным задачу поставь – пусть людей распределят – траншеи рыть. Саперы разметку сделали и кое-где уже вгрызлись в грунт. До наступления темноты надо хоть по пояс закопаться. Я буду тебя ждать на северном склоне. Поговорить есть о чем.

– Твои не помогут копать?

– Моим ночью работать, пусть отдыхают.

– Добро.

Доронин, спустившись, построил роту, вызвал командиров взводов и приказал начать оборудование опорного пункта.

– Запомните, с сего момента мы с вами на выполнении боевой задачи. Работая, оружие, бронежилеты и каски держать при себе. В первую очередь оборудуйте индивидуальные ячейки для ведения огня стоя. Затем навстречу друг другу – ходы сообщения, сколько успеете до наступления темноты. Первый взвод у нас обоснуется на Малой высоте и оборудовать ее начнет завтра. Сегодня же взвод должен сделать блиндаж для укрытия личного состава. Запомните, филонить не имеет смысла, ибо чем быстрее мы укроемся, тем больше будет у нас шансов сохранить свои головы. Враг реально может быть рядом, и не только наблюдать. Так что попрошу осознать это и работать быстро, как только можно. Режим следующий – пятьдесят минут работа, десять – отдых. Будьте внимательны и посматривайте, что происходит вокруг.

Все! Не будем терять время. Командиры взводов, ведите личный состав на высоту, там сержант-сапер объяснит схему построения обороны. Выполнять!

Рота, с полной выкладкой, повзводно, начала подъем на высоту.

– Старший лейтенант Панкратов, останьтесь! – Панкратов, перепоручив взвод заму, подошел к Доронину. – Что с тобой, Панкрат?

– А в чем, собственно, дело?

– Да вид у тебя какой-то убитый, недовольный. Ты примером должен служить, а сам кислый как лимон.

– Ты за этим меня вызвал? Кому какое дело, какой у меня вид? Ты за собой, ротный, лучше смотри. И учти, я тебе не Панкрат, изволь называть как положено, а лучше вообще никак.

– Надо было бы тебя заменить. Была же возможность. Нет, понадеялся, что здесь ты другим станешь.

– Зря надеялся, я другим не стану, так что принимай таким, какой есть. И давай общаться только в пределах служебных отношений.

– Договорились. Только предупреждаю, к солдатам обращаться уважительно, без оскорблений и высокомерия, а то ты большой любитель показать свое мнимое превосходство. Здесь тебе не в части, под крылом Куделина. Здесь и свои могут подстрелить невзначай.

– Угрожаешь?

– Дурак ты, Панкрат. Предупреждаю. И требую – больше заботы о людях, больше общения, чтобы они в тебе командира, друга видели, а не врага.

– Может, мне еще анекдоты, как ты, по пьянке им рассказывать?

Доронин, играя скулами, посмотрел на Панкратова.

– Выполнять задачу!

– Есть, товарищ старший лейтенант. – Панкратов чуть не щелкнул каблуками, приставив ладонь к виску. – Разрешите идти?

– Вали отсюда, клоун!

Панкратов рассмеялся, пренебрежительно, надменно.

– Это тебе, Доронин, надо привести себя в порядок, нервишки-то не того?

Александр, посчитав ненужным далее продолжать бесполезную полемику, направился через высоту к северному склону, где его ждал Егоров.

– Ты чего смурной такой? – спросил капитан.

– Да взводный у меня один, заноза еще та. И что за человек? Есть же такая категория людей, даже назвать не знаю как.

– А так и называй – козлы. Неточно по определению, зато обидно и доходчиво. Плюнь на него. Такие до первого выстрела петушатся. Если возникнет заварушка, всю спесь мигом снесет, возможно, с головой вместе. Он у тебя, как понял, на Малой будет?

– Да. Взвод там покрепче. Пока этот не испортил.

– Ничего, я ему туда Голикова с отделением подсажу, если что, тот организует оборону похлеще иного офицера.

– Ладно. Ты хотел ввести меня в курс дела.

– Да. Слушай.

Егоров подробно рассказал о результатах разведки, о решении изменить схемы минных полей, о том, что надо бы организовать две огневые точки, контролирующие балку и часть ущелья, о завалах. Поведал и про диалог с Шахом, передав опасения и предположения последнего. Доронин слушал внимательно, смотря поочередно на карту и окружающую местность.

– Все понял! – сказал он, когда Егоров закончил. – Значит, Шах считает вероятным прорыв здесь крупных сил?

– Да.

– А сам ты как?

– Черт его знает. Тяжеловато все же сколотить приличный отряд и провести его незаметно через ущелье. Возможно, но тяжеловато. Да что гадать? Укрепимся, а там как бог даст.

– И то правда.

– Ты не сказал – утверждаешь мои решения, командир?

– А что мне остается делать?

Егоров пожал плечами.

– Когда со взводными знакомить будешь?

– Пойдем, по ходу и познакомимся.

Офицеры вернулись на вершину высоты, где вовсю кипела работа. То тут, то там взметались кирки и ломы, рушились на камни, выбивая искры. Работа давалась тяжело, но солдаты, понимая, что на этот раз это не пустая, никому не нужная работа, а их личная безопасность и, возможно, жизнь, вкалывали серьезно, молча, иступленно.

Первый, к кому они подошли, был лейтенант Лузгин.

– Лузгин! Познакомься, капитан Егоров.

– Валерий.

– Андрей.

– Лузгин – командир второго взвода, год как из института. Ну что, Андрей, как твои?

– Да ничего, пашут вовсю.

– Ты за режимом следи, отдыхать давай.

– Я смотрю.

– Какой-то он у тебя, как это мягче выразиться, немного потерянный, что ли? – высказался Егоров, когда они отошли от офицера.

– Есть немного. У меня в роте один балагур, парнишка, подчиненный Лузгина, чуханом его называет.

– И что? Прозвище соответствует действительности?

– Как сказать? Служит, словно срочную тянет. Ни то ни се, короче. Но, по крайней мере, исполнительен и лишнего не сболтнет.

– Это уже кое-что.

Они подошли к третьему взводу, где Егоров также был представлен командиру взвода старшему лейтенанту Дмитрию Боброву.

– Следующий – твой «петушок»?

– Да. Панкратов.

– Ну что ты – смотри, как Наполеон, на валуне стоит. Пулей бы его шугануть. Посмотрел бы я, как он остался бы на валуне красоваться!

– Панкратов! Старший лейтенант Панкратов, ко мне!

Тот не спеша подошел, козырнул.

– Знакомься, Панкратов, капитан Егоров. Валерий.

– Старший лейтенант Панкратов, очень приятно.

– Управляетесь, господин офицер?

– Управляемся.

– Ну-ну. Пошли, командир, знакомство закончилось, надо с саперами заканчивать да отправлять их на базу.

Словно услышав мысли Егорова, между склонов показалась группа саперов. Во главе с начальником службы.

– Все, Валера! – начальник ИС обращался к Егорову как к старшему по званию. – Как ты и просил. Вот схемы. Подпиши.

– Это не ко мне. Старший лейтенант Доронин – комендант этой горной заставы.

Сапер безразлично повернулся к Доронину.

– Подпишите вот здесь. А эти схемы возьмите, на них все подробно нанесено. Вроде моя работа закончилась? Сержант! Строй людей и к машинам. Ну что ж, ребята, храни вас бог. Мы сделали что могли. Удачи вам.

– Вить, привет комбату.

– Передам. «БМП» ждут нас?

– Да, так спокойнее.

Офицеры пожали друг другу руки, и начальник инженерной службы пошел к своим «шестьдесят шестым», на которые грузились саперы подчиненного ему взвода. Стало смеркаться.

Ночь в горах наступает удивительно быстро. Только что светило солнце, на виду были цветущие, зеленые склоны и белоснежные неприступные вершины, но вот светило спряталось за горизонт – и картина резко меняется. То, что еще недавно радовало глаз, становится неприятливым, однотонно серым, даже угрожающе враждебным. Первый одинокий всхлип укрывающегося где-то среди камней шакала сразу подхватывается его сородичами, и кажется, этот вой, плач, смех, крик окружают тебя со всех сторон, вызывая тревогу. Становится неудобно и одиноко, несмотря на то что ты не один. Это ощущение пройдет чуть позже, когда во всей красе раскроется звездный небосвод, необъятный и близкий отсюда, притягивая к себе взгляд, очаровывая, меняя тревогу на чувство, сравнимое, пожалуй, с вдохновением. Такое чувство мы испытываем, наслаждаясь картиной великого мастера или убранством и грандиозностью православного собора.

Долгая, тяжелая, однотонная работа валила солдат с ног. Некоторые, отработав очередные пятьдесят минут, через короткий промежуток расслабляющего отдыха просто не находили в себе сил встать и продолжить долбить ненавистный камень. Но и оставаться на месте, значит показать, что ты слаб, что ты хуже других. Ведь другие работают? И встают, через силу встают, чтобы вновь, взяв в руки ломы, кирки и лопаты, иступленно вгрызаться в этот каменный грунт.

Колян работал вместе с Костей, оборудуя пулеметное гнездо. Он видел, как тяжело дается другу непривычный труд, и старался взять на себя самое сложное – отбивание кусков грунта, предоставив Косте лишь вытаскивать его на поверхность и укладывать равномерно по краю окопа.

– Че, Кость? Замудохался? – спросил Николай, увидев, что друг в изнеможении присел, прислонившись к стенке.

– Если честно, не могу больше. Не понимаю, как ты выдерживаешь?

– А че тут понимать? Я привычный, Кость. Конечно, не камни дробить, видал бы я их! А к физической работе вообще. Ты вот все больше к умственной, понятно, интеллигент, а я к физической, мне в отличие от тебя напрягать мозги не в кайф, а лопатой помахать, мотыгой там – совсем другое дело... У нас в деревне – не в городе. На одной картошке спину сломишь. Вскопать землю надо? И не шесть соток, а все тридцать-сорок. Посадить надо? Окучить, прополоть? Все надо, иначе нельзя. Да еще жук этот гребаный. Колорадский. Это, считай, пока ботва не укрепится, будешь по полю «раком» ползать. А жуку хоть бы что. Чем больше его, гада, давишь, тем больше он появляется. Ничего его не берет, в натуре говорю. Вот такие, Кость, дела. Э-э, братан? Ты, я гляжу, покемарить решил? – увидел Николай, как друг склонил голову. – Так не пойдет. Давай выгребай, пока я покурю.

Николай выпрыгнул из ячейки, прилег рядом и, смачно затягиваясь, принялся наблюдать, чтобы Костя равномерно укладывал пласты.

Оборудование опорного пункта продолжалось почти двое суток. Наконец он приобрел надлежащий вид. Для «БМД» соорудили капониры. По общему решению не стали их вкапывать, превращая в стационарные огневые точки, оставив возможность применения по прямому

назначению. Позиции накрыли камуфлированной сетью. Установили порядок несения службы. И начались будни.

Из караула в караул проходили дни. И вот уже неделя позади и пообвыкли все, но службу несли бдительно. Бойцы Егорова часто ходили в разведку, особых новостей не принося. Прибыли три машины взвода обеспечения, пополнив запасы. Жизнь, казалось бы, вошла в обычное русло. Война не ощущалась – никто нигде не стрелял, только раскаты грома иногда напоминали отдаленную канонаду. И хотелось, чтобы так продолжалось если не вечно, то хотя бы три месяца командировки. Но война уже тянула свои шупальца все ближе и ближе к высотам, где закрепилась сводная рота старшего лейтенанта Доронина.

* * *

Началось с того, что как-то ранним утром ушел Шах. За все время совместного пребывания он ни с кем, кроме Егорова, так и не сошелся. Шах ушел, чтобы через неделю вернуться, неся новость, которая грозила в ближайшем будущем кардинально изменить общую обстановку. Вернулся он к обеду. Выглядел Шах усталым, встревоженным, взволнованным. Первым его вопросом был:

– Где Егоров?

Найдя Валеру, Шах отвел того за высоту.

– Валера, я нашел Хабиба!

– Серьезно? И где?

– В одном ущелье. Схрон у него там, среди заброшенного аула. А с ним человек двадцать, не больше.

– Точно Хабиб?

– Валер! Ну ты что, сомневаешься во мне?

– Какого черта он тут делает? Да еще с таким маленьким отрядом? Кстати, от нас далеко?

– Сутки пути.

– Так давай наведем авиацию. Разнесут летуны твоего Хабиба вместе с аулом.

– Нет, Валер! Разнести-то авиация, понятно, разнесет, только Хабиб уйдет. Нельзя никого вызывать.

– Что же делать?

– Брать его! Если Хабиб здесь, это неспроста, он ждет кого-то или чего-то. Ты представляешь, что будет, если удастся взять араба? Это же событие. Он, сука, смелый, пока вокруг него стая его послушных шакалов, а сам, тьфу, слизняк. Я не могу его упустить отсюда, Валера, понимаешь? Не могу. Помоги мне, капитан. Пойдем в ущелье, возьмем араба. Он же тебе, твоему командованию нужен не меньше, чем мне, если не больше. Через него вы узнаете многое, он же приближенный самого Хаттаба. Клянусь, я отдам его тебе, чтобы ты узнал все, что нужно, перед тем как уведу его с собой, чтобы отправить в ад. И у тебя будут очень весомые аргументы, чтобы скорректировать при необходимости обстановку. Многие жизни ты спасешь, взяв эту мразь.

– Да-а, – задумался Егоров. Он анализировал ситуацию. Предложение Шаха было заманчивым, очень заманчивым. Взять Хабиба означало нанести бандитам серьезный удар.

Но если идти за ним, значит, брать с собой как минимум человек десять, и самых лучших, тем самым ослабив роту на несколько дней. А если произойдет непредвиденное? Или к Хабибу подойдет подкрепление. Или противник нападет на высоты, а его, Егорова, здесь не будет? Или то и другое?

– Валера, я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Что на позиции могут напасть в твое отсутствие, так?

– Так.

– Скажу тебе, в нашем ущелье пока никого нет, я проверял. А чтобы сгруппировать достаточно сил, нужно дня три-четыре. Мы же вернемся через двое суток.

– А если, когда обложим Хабиба, с ним будет не двадцать-тридцать человек, а сотня-другая? Такого не может быть?

– Может. Но тогда ты сразу уйдешь назад. Оставишь мне «СВД» – снайперскую винтовку – и уйдешь. Я останусь.

– Ты говоришь, туда сутки ходьбы?

– Да, если напрямую. Вечером выйдем, вечером следующего дня будем на месте. А там посмотрим.

– Сутки туда, сутки обратно, ночь там, – размышлял Егоров, – в принципе можно попробовать. Игра стоит свеч. Идем к Доронину. Я должен посоветоваться с ним.

Александр внимательно выслушал Егорова. Шах стоял рядом и в разговор не вступал. Изложив суть, Валера спросил:

– Что скажешь, командир?

– А не доложить ли нам комбату? Прибудет спецназ – накроет Хабиба.

– Докладывать нельзя, – произнес Шах. – Узнают у вас наверху, уйдет Хабиб.

– Почему?

– Не спрашивай меня, сам должен понимать.

– Сань, Шах прав. Пойдет информация по связи, араб узнает и уйдет, так уже было не раз.

– Скажи, Александр, – впервые Шах обратился к Доронину по имени, – ты боишься оставаться один, без Егорова? Только честно?

– Не бояться, Шах, ты знаешь кто. Валер! Ты сам-то как думаешь? Стоит рискнуть?

– Ради такого дела стоит!

– Тогда вперед, ты весь взвод забираешь?

– Нет, десять человек. За меня останется Голиков. Через двое суток буду здесь. Со щитом или на щите, как говорили древние.

– Лучше со щитом.

– Как бог даст! Ну что, Шах, пошли? Обмозгуем все, людей подберем.

Чеченец кивнул, протянул руку Доронину.

– Спасибо. Шах не умеет прощать, но он также не умеет забывать добро, спасибо!

– Удачи вам!

В 22.00 группа из двенадцати человек, включая капитана Егорова и чеченца, бесшумно спустилась с высоты и направилась к проходу через Косые Ворота. Александр смотрел им вслед, пока сумерки не поглотили их.

Вечером следующего дня небольшой отряд достиг нужного места. Шах, следовавший несколько впереди, остановился, присел, подал условный знак – прекратить движение, укрыться. Егоров подобрался к нему.

– Прибыли?

– Почти. Перед нами спуск, затем полоса кустарника – довольно широкая и плотная. За ней речушка, и дальше на подъеме – аул. На левом фланге – схрон.

– Места внешнего наблюдения зафиксировал?

– Они были на крышах уцелевших жилищ, но нужна дополнительная разведка. Слева, метрах в трехстах, – небольшая балка, веди своих ребят туда, организуй отдых. Я пойду к аулу – присмотрюсь еще раз. Только дай мне прибор ночного видения.

Егоров передал Шаху небольшой ящик и подал бойцам сигнал следовать за ним. Балка оказалась очень удобной с точки зрения маскировки и организации отдыха. Покрытая кустарником, она надежно укрыла отряд. Назначив посменное наблюдение, Егоров приказал остальным спать.

Шах продирался сквозь колючий кустарник. Хорошо, что поднялся ветер. Кусты под его порывами качались и шелестели, давая возможность разведчику без соблюдения особых мер предосторожности преодолеть естественное препятствие. Выйдя из полосы густой растительности, Шах оказался напротив давно заброшенного и полуразвалившегося аула. Он взял прибор ночного видения и стал внимательно изучать развалины. Осмотрев первый ряд строений, Шах немного встревожился – нигде и намека на присутствие человека. А ведь здесь должен находиться целый отряд. Он поднял прибор выше, на утес, который как бы накрывал аул сверху. И там он увидел то, что так ожидал увидеть. Почти под самой вершиной – трое, да, трое боевиков, видимо, в подготовленном укрытии. Значит, вот где пункт наблюдения? В прошлый его приход поста там не было. Интересно, как туда прибывает смена? И почему пост там? Что эти трое могут разглядеть в такую темень? Судя по их движениям, они особенно не интересовались тем, что происходит внизу под ними, только один из них изредка осматривал окрестности в бинокль. Непонятно, для чего Хабиб загнал так высоко пост? А может, как приманку? Мол, вот оно, наблюдение, обойди его и действуй? Но для кого предназначена эта бутафория? Черт его знает. Настоящий пост где-то рядом с его логовом. Скорее всего, в развалинах домов. Как их обнаружить? Идти параллельно аулу по колючке? А если растяжки? Или ждать до утра? Ведь в первый раз он обнаружил Хабиба именно утром, чуть не выйдя из кустарника прямо на него, плескающегося в ручье. И тогда только три бойца находились на крышах, остальные или их часть присутствовала рядом со своим хозяином, прикрывая его. Это и не позволило Шаху завалить врага. Будет ли завтра то же самое? Выйдет ли Хабиб из схрона? Следует ли сейчас пытаться вычислить посты? Шах пришел к выводу, что рисковать не стоит. Следует посоветоваться с Егоровым и начать действовать утром. Чтобы не беспокоить своим появлением людей Егорова, Шах не пошел к балке, а залег под развесистым деревом, между торчащими наружу корнями.

В 4.00 Шах вышел к балке. Часовой, узнав его, тихо окликнул. Чеченец спустился к нему.

– Где Егоров?

– Нужен?

– Да.

– Жди здесь, сейчас подниму.

Боец бесшумно скользнул в кусты и вскоре вышел оттуда вместе с командиром.

– Что, Шах?

– Надо поговорить.

– Сережа, – обратился Егоров к солдату, – оставь нас, иди отдыхай. – Когда боец укрылся в зарослях, капитан спросил: – Ну? Какие дела?

– На вершине утеса – пост. Три человека. Остальных определить не смог, да и не стал рисковать – дальше не пошел.

Шах вкратце доложил о результатах разведки и сделанных выводах.

Егоров внимательно выслушал и спросил:

– А с чего ты взял, что должны быть еще посты? Или растяжки? Или еще что-то? Если бы Хабиб чего-то здесь опасался, он просто не пришел бы сюда или пришел с приличным отрядом. Чего ему здесь опасаться? наших войск тут и в помине нет, авиация если и совершает облеты, то больше разведывательные. Мне кажется, ты усложняешь.

– Может быть. Но этот проклятый Хабиб столько раз был практически у меня в руках и... в последний момент уходил. Словно заколдованный.

– Но один раз и ты ушел от него?

– Было и такое.

– Знаешь, чем объясняется твоя подозрительность? Неуверенностью в себе. В тебе упрямо сидит мысль о том, что и на этот раз не удастся взять врага. Этакий синдром неуз-

вимости противника. Вот ты и начинаешь постепенно раскручивать бесконечную махину всевозможных предположений. А надо, я считаю, сделать все проще. Чем проще, тем лучше.

– Хорошо, Валера, что предлагаешь ты?

– Ты говорил, что утром Хабиб выходил к воде, так? Так. Зачем ему менять привычку, если это привычка, разве есть у него такой повод? Я считаю, что нет. Но даже, черт с ним, не пойдет эта мразь умываться. Нам главное определить, где он обитает. Узнаем – сразу ударим. Ближе к рассвету разведу людей вокруг аула. В ударной группе будем мы с тобой да пара бойцов. Атакуем одновременно. Утро, с 8.00 до 10.00, – самое лучшее время для нападения, если Хабиб не выйдет раньше. Светит солнышко, люди в это время расслаблены, сыты после завтрака, спокойны после тревожной ночи. Вот тут мы и появимся. Главное, взять Хабиба и не оставить свидетелей. И мы его возьмем, если он здесь и утром из аула не выйдет пара сотен головорезов, что маловероятно. Так что не нервничай, поспи часок.

– Хорошо, что ты пошел со мной.

– Кто бы спорил? Иди, иди, мне утром сонные не нужны будут.

Около пяти часов утра отряд разделился на три группы. Первая обходным маневром вышла на левый, основной фланг аула, вторая – на правый, третья, с Егоровым и Шахом, пройдя полосу кустарника, залегла на ее границе, имея перед собой прекрасный обзор того места, где первый раз был замечен Хабиб. Один человек из отряда с гранатометом расположился под наблюдательным пунктом утеса. Вторая группа, медленно проходя аул, постепенно перемещалась к левому флангу. В случае необходимости она должна была отвлечь противника, создав иллюзию нападения справа. Но пока она продвигалась без проблем и наконец вышла на исходную позицию, где и укрылась в ожидании штурма. Рассвело. Скоро из-за хребта показалось солнце. Неожиданно из одного из строений вышел бородач в белой навывпуск рубахе, перехваченной широким поясом, в руках он держал автомат. Боевик, отойдя немного в сторону, помочился. Потянулся. Сделал приседание. И тут же стали выходить другие, почти так же одетые, бородастые люди. Один из них был в камуфлированном костюме. Голова его была совершенно лишена растительности, зато борода поражала своими размерами.

– Тот, в форме, Хабиб, – прошептал Шах.

От группы боевиков отделились трое и скрылись за зданиями, чтобы вскоре показаться на невидимой снизу тропе, круто забирающей вверх. Они шли, видимо, менять пост. За саманной стеной одного жилища показался дым – кто-то разводил костер.

Шах следил за троицей, поднимающейся на утес.

– Снять бы их во время смены, – проговорил он, – надо бы твоего гранатометчика предупредить.

– Не волнуйся, он свое дело знает. Значит, как рванет пост – открываем огонь, валим окружение араба и рывком вперед. Ребята с флангов отсекут оставшихся в живых бандитов от схрона.

Шах напрягся, поочередно глядя то на Хабиба, который о чем-то говорил своим подчиненным, то на троицу, приближающуюся к посту.

– Быстрее бы.

– Шах! Держи себя в руках. Теперь все под контролем, будет тебе Хабиб на завтрак.

Шах что-то тихо и быстро шептал, может быть, молился.

Троица на тропе наконец скрылась из глаз, и через некоторое время прозвучал хлопок, короткий шелест, и там, где находился наблюдательный пункт, грянул взрыв, огненным шаром уходящий вверх. Одновременно раздались короткие очереди. Так ничего и не понявший Хабиб продолжал стоять, когда его люди один за другим стали валиться на камни. Бросок отряд Егорова совершил синхронно с трех направлений. Сам командир быстро уложил главаря банды

на землю. Группа правого фланга ворвалась в схрон и забросала его гранатами. Не прошло и десяти минут, как дело было сделано.

Шах подошел к поверженному кровному врагу, что-то быстро сказал ему с нескрываемой ненавистью и плюнул арабу в лицо.

Егоров отдавал распоряжения:

– Быстро прочесать близлежащие развалины, кого найдете – валите, лучше будет, если живых свидетелей не останется. Через пятнадцать минут отход. Пошли, ребята!

Закончив зачистку и никого из живых не обнаружив, отряд Егорова вернулся к командиру. Тот начал было ставить задачу на отход, когда произошло непредвиденное. В наступившей после грохота автоматов и катящихся с гор камней прозвучал одиночный выстрел. Хабиб дернулся и медленно завалился на бок. Егоров резко наклонился и увидел, что пуля, пробив насквозь грудь, поразила араба насмерть. Выстрел оказался точным. Но кто стрелял? Бойцы без команды ринулись в развалины и через несколько минут вынесли окровавленное тело, даже не тело, а кровавую массу, оставшуюся от одного из боевиков, в которой еще теплилась жизнь. Пораженный осколками гранат, с оторванными по колено ногами, он смог все же доползти до выхода из развороченного схрона и произвести роковой выстрел.

Шах наклонился к нему. Боевик что-то тихо бормотал на неизвестном языке. Впрочем, речь его была коротка. Через минуту тело его дернулось в предсмертных судорогах и затихло.

– Что он говорил? – спросил Егоров.

– Он сказал лишь три слова: «Вам конец».

– Ты сказал три слова, а назвал два.

– Третьим он добавил – «скоро»!

– Твою мать! – выругался Егоров.

Подчиненные стояли рядом с виноватым видом. Но их вины в произошедшем не было. Они сделали все как надо. Кто мог предположить, что в огненном аду, устроенном в схроне взрывами мощных гранат «Ф-1», сможет кто-либо уцелеть? Егоров это понимал и был зол, но зло свое держал в себе, давая выход накопившимся эмоциям через отборный мат, персонально ни к кому не относящийся.

– Придется тащить тело этого ублюдка с собой. Надо зафиксировать смерть Хабиба и обнародовать ее. Иначе пропаганда Удугова быстро «воскресит» его.

Шах стоял угрюмый.

– Что, Шах, загрустил? Вот он, твой враг. Мечь свершилась.

– Я не исполнил клятву. Хабиб вновь ушел от меня. Теперь навсегда. Не от моей руки он умер.

– Да какая разница? Не понимаю. Ты лучше скажи, что, по-твоему, подразумевал тот обрубок, когда говорил, что нам конец?

– Не знаю. Но что-то произойдет. Хабиб не зря находился здесь и не только ради девушки он пришел сюда.

– Какой девушки? – не понял Егоров.

– По дороге расскажу. Надо уходить.

– Так, ребята! Завернули в плащ-палатку Хабиба и по очереди понесли его. Выступаем. Сергей и Дима вперед – передовым дозором, замыкает Кириенко, по старому маршруту в обратку, марш!

Двое бойцов подняли на наспех сооруженных носилках грузное тело араба, и колонна, вытянувшись, начала движение на подъем, в сторону оставленных накануне позиций.

Егоров шел рядом с чеченцем.

– Так что ты там сказал о девушке? Что за дела?

– Помнишь, ты удивился, почему я пошел к Косым Воротам?

– Было что-то в этом роде.

– Так вот, дело в том, что в ауле, за высотами, проживает одна семья. По слухам, Хабиб вознамерился еще прошлой осенью взять младшую дочь из этой семьи себе в жены. Родители, особенно брат ее, воспротивились, и арабу пришлось отступить.

– Чего же он силой не взял ее?

– Тогда это было невозможно. Ты про Аслана Кадаева слышал?

– Еще бы. Знатная фигура среди боевиков.

– Так вот, он, Кадаев, и был братом девушки. Теперь ты понял, почему Хабиб не применил силу?

– Понятно. А что изменилось сейчас?

– Зимой умер Кадаев. Попал под авианалет, был ранен, потом умер. Тем самым развязал арабу руки.

– А что, у этой девушки больше защиты нет? Семьи-то у вас, чеченцев, большие.

– Тех, кто мог бы противостоять Хабибу, нет.

– Почему раньше не рассказал?

– Потому что мой расчет насчет Хабиба был лишь предположением.

– Поэтому-то ты и ходил в аул?

– Да. Узнал, что девушка в семье. Значит, араб может здесь появиться. Вот он и объявился.

Встретились они, отряд Егорова и передовой дозор боевиков, внезапно, пройдя большую часть пути. Встретились лоб в лоб, спускаясь со склонов в балку. Люди Теймураза Костолома шли с противоположного склона. Тишину весеннего вечера разорвали автоматные очереди. Бойцы Егорова увидели врага первыми и использовали это небольшое преимущество, сразу открыв огонь, нанеся тем самым урон бандитам и заставив их держать оборону. Десантники рассредоточились по ширине, захватив врага в полукольцо. Но и боевики, видимо, не впервые участвовали в подобных стычках. Отражали удар они тактически грамотно, стараясь затянуть бой до подхода основных сил, которые уже наверняка спешили, услышав звуки ожесточенного боя.

Валера прекрасно понимал, что дать втянуть себя в затяжной бой – значит обречь отряд на уничтожение. Но и отходить, имея в огневом контакте противника, означало то же самое. Оставался один выход. Атаковать передовой дозор. По команде командира бойцы ринулись вперед, прикрываемые пулеметным огнем Егорова. Упал, словно споткнувшись, первый солдат, за ним – второй. Схватился за грудь третий. Отряд нес потери, но штурм принес результат. Оставшиеся десантники прорвались сквозь огонь и вступили в ближний бой. Он продолжался недолго. Бойцы Егорова, превосходящие противника числом и мастерством, справились наконец с врагом, уничтожив передовой дозор.

Теперь отход. Ситуация осложнилась тем, что теперь семерым уцелевшим предстояло нести на себе троих – Хабиба и двух павших товарищей. Раненный в грудь Кириенко после скорой медицинской обработки мог пока передвигаться сам. Но далеко ли уйдет отяжелевший, потерявший маневренность отряд, если начнется преследование? А начнется оно обязательно. Нужно было хотя бы оторваться и залечь где-нибудь в «зеленке». А для этого требовалось задержать противника, который совсем скоро будет здесь. Другими словами, прикрыть отход. Только ценой жизни того, кто будет удерживать противника, можно попытаться спасти остальных.

Добровольцем быть вызвался Шах.

– Валера, веди людей вверх на перевал. Там укроешься. Потом по темноте иди строго на юг, выйдешь к речушке, дальше – вниз по течению. Русло приведет тебя в ущелье километрах в двух от Косых Ворот. Там определишься.

– А ты?

– Я поведу преследование по балке, в сторону. Уведу от вас.

– Шах?

– Действуй, капитан. Обо мне не думай, там, внизу, много путей оторваться от погони. Дойди ты. Передай наверх, здесь Костолом, и идет он к Косым Воротам, это очевидно, а отряд у него очень большой, до тысячи стволов, по крайней мере был таковым. Готовьтесь к встрече. Иди, Валер, иди. Может, и свидимся.

Егоров отдал распоряжение, и раненый отряд вопреки логике стал подниматься наверх, чуть левее пути, по которому совсем недавно спускался. Подниматься, напрягая все силы, чтобы достичь спасительных зарослей кустарника, до которого было метров триста.

* * *

Доронин обходил караул, когда его вызвали на КНП.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился посыльный, – вас Беркут вызывает.

Александр быстро вернулся на командный пункт, взял рацию.

– Слушаю, Беркут, Первый на связи.

– Первый! Слышим отдаленную стрельбу, довольно плотную. Где-то бой идет, Первый!

– Вас понял, Беркут. Оставайтесь на связи.

Беркут – позывной, который получил расчет, занявший огневую точку, контролирующую часть ущелья.

– Сержанта Голикова ко мне, – приказал посыльному Доронин.

На душе стало тревожно. Противное чувство отдалось тупой болью в области желудка, заняло сердце. Что происходит в горах? И где Егоров?

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

– Входи, Голиков. Беркут передал, что слышит отдаленный бой в горах, что скажешь?

– Неужели командир нарвался на духов? Или им устроили засаду? – размышлял вслух сержант. – Егоров на связь не выходил?

– Пока нет.

– А сами вызывать его не пробовали?

– Нет. Мы договорились об односторонней связи.

– Тогда остается ждать. Мы же не знаем, где они.

– Товарищ старший лейтенант, вас опять Беркут. – Связист протянул аппарат.

– Первый на связи.

– Первый! Докладываю – стрельба прекратилась, по крайней мере мы ее не слышим.

– Понял, Беркут. – Доронин отключился и сказал Голикову: – Огонь прекратился. Или отодвинулся, стал не слышен.

Сержант понимающе кивнул.

– Командир? Считаю, надо поднять людей по «боевой». Занять позиции. Стрельба в горах – это не случайно.

– Согласен. Передай приказ Панкратову, но проконтролируй сам. Иди. Если что, свяжусь с тобой по проводу.

Между высотами, на небольшой глубине был протянут телефонный кабель, соединивший две высоты через древние «ТАИ-43» – аппараты, сохранившиеся на вооружении еще со времен Великой Отечественной войны.

Доронин вызвал Лузгина и Боброва.

– Личный состав вывести на позиции согласно боевому расчету.

– Что-то случилось? – спросил Лузгин.

– Выполняйте приказ!

– Есть! – Командиры взводов вышли с командно-наблюдательного пункта.

Вскоре по траншеям засуетился личный состав, занимая индивидуальные позиции. И тут сработала связь с Егоровым. Аппараты, обеспечивающие эту импульсную, закодированную, недоступную для противника связь, напоминали трубки радиотелефонов.

- Первый! Я Егерь, как слышишь?
- Слышу, Егерь, слышу. Что у тебя?
- Карта при себе?
- Минуту... передо мной.
- Отмечай, мы в квадрате Д-4, отклонение шесть, поправка четыре, уяснил?
- Да.
- Со мной груз. Пойду маршрутом, – капитан обозначил свой обратный путь, – выйду в нашем ущелье, в двух-трех километрах от Косых Ворот. Будет нужна помощь. Высылай встречу.

Тут же сработала связь с Беркутом.

- Минуту, Егерь, вызывает гора.
- Жду.
- Что у тебя, Беркут?
- Вновь стрельба, правее и менее интенсивная, но ближе к нам.
- Понял, – и обращаясь к Егорову: – Что за канонада в горах, Егерь?
- Наш друг уводит «гостей», которых полным-полно в горах. Приготовь позиции.
- Уже приготовил.
- Тогда часам к четырем отправляй людей навстречу, человек десять.
- Понял!
- До связи!

Доронин тут же по «ТАИ» вызвал Голикова. Десантник не заставил себя долго ждать, видимо поняв, что поступила серьезная информация.

- Что случилось, командир?
- Егоров вышел на связь. Произошло столкновение, у него потери. Три человека. Шах уводит за собой преследование. В горах полно боевиков. К четырем утра просил встретить его вот здесь. – Доронин показал на карте интервал, где может выйти отряд Егорова.
- Понял! В 1.30 надо выдвигаться.
- Возьми своих пятерых и моих столько же, пусть почувствуют обстановку.
- Я все понял, командир. Ваших у Панкратова взять?
- Я сам пришлю людей.
- Значит, в 1.30?
- Значит, так.
- Разрешите идти?
- Иди. И Панкратова ко мне пришли.

Закончив связь, Егоров выглянул из кустов. Стрельба, начавшаяся практически сразу, как они скрылись в зарослях, то затихала, то начиналась вновь, но неуклонно удалялась. Шах грамотно уводил за собой преследование. Валера видел из своего укрытия, как внизу показались боевики. Сначала их было немного, затем они заполнили почти всю балку. Устроили что-то вроде привала. Но на склоны не лезли. Приближались сумерки, и надо было готовиться начать марш. А пройти им предстояло путь немалый. И как можно быстрее, пока бандиты не заполонили всю округу. Откуда их столько взялось? Куда смотрит разведка? Вопросов было много, ответа – ни одного. Успокаивало одно – боевики не зачищали местность и, судя по их действиям, не собирались делать этого. Почему? А черт их знает! Может, попались на простую уловку Шаха? А может, еще что-то? Какой смысл гадать? До начала движения примерно час. Не изменится ли обстановка за этот час? Кириенко становилось хуже, идти сам он уже

не мог. Придется и ему подключаться и тащить раненого на себе. Лишь бы в ущелье выйти, там встретят. Если бросить труп Хабиба, то станет полегче, но делать этого нельзя. В случае западни можно будет использовать и его труп. Боевикам же неизвестно, жив он или мертв? Но почему все же они не прочесывают местность? Или не знают, что отряд Хабиба уничтожен, и считают, что дозор встретился с обычной войсковой разведгруппой? Но истина откроется им скоро, и что будет тогда? Наверняка трудно придется его отряду. Когда же наступит темнота? Никогда еще в жизни Валера Егоров так не желал, чтобы крошечная тьма накрыла землю. До этого дня он опасался темноты, сейчас нестерпимо желал ее наступления. Бойцы, отдохнув, тоже были на взводе и готовы в любую минуту рвануть вперед. Они ждали сигнала, и наконец Егоров скомандовал: «Вперед!»

Группа Голикова в 3.30 достигла намеченного пункта. Сержант рассредоточил людей через каждые сто метров. Началось ожидание. 4.00 – отряда Егорова нет. 4.15 – то же самое. Голиков нервничал – почему командир приказал им встретить отряд в ущелье, а не идти навстречу? Сам точно не знал, каким маршрутом пойдет? Скорее всего. Но где же они? Выйдут ли в такой темноте, да еще с телами погибших ребят? Наконец, в 4.30 отряд вышел от Голикова в пятистах метрах левее. Сержант подал условный сигнал сбора и почти бегом, насколько позволяла местность и видимость, поспешил к месту выхода. Бойцы отряда еле держались на ногах. Еще бы – такой марш, да с телами погибших. Егоров в изнеможении сидел, прильнув к скале. Сил идти дальше не было. Все! Организм исчерпал свои возможности. Остальные тоже, уложив тела, свалились, в прямом смысле, тут же, рядом с ними. Подбежал Голиков, присел перед капитаном.

– С возвращением, командир?

– Угу!

– Сейчас мы вам спиртику – приободритесь.

Он достал флягу, раздвижной стаканчик – налил граммов пятьдесят. Егоров выпил в два глотка, никак внешне не реагируя на крепость напитка.

– Сергей Ванин, Коля Мефодьев убиты. Кириенко срочно отправь на позиции, пусть вызывают медиков.

– А кто третий, товарищ капитан? Там три тела.

– Третий – Хабиб, слышал о таком?

– В самом деле? Достали, значит?

– А разве могло быть иначе? Слушай, что за гадость ты мне дал? Приободритесь! Какого черта? Спать тянет – сил нет.

– Так спите, мы вас и на руках отнесем, командир!

– С тобой сколько человек?

– Десять.

– Все наши?

– Нет. Пятьдесят на пятьдесят. Так Доронин решил. Говорил – пусть прочувствуют обстановку.

– Правильно решил. Ладно, хватит валяться, подъем! Всем вперед.

Егоров с большим трудом поднялся. Отряд с группой прикрытия спустя два часа поднялся на Большую высоту, где их с нетерпением ждали Доронин и весь личный состав опорного пункта.

Солдаты роты Доронина смотрели на безмерно уставшие лица тех, кто только что вернулся с войны. Особенно на них подействовало, когда мимо пронесли самодельные носилки с останками павших бойцов. Казалось, сама смерть прошла рядом, легким дуновением касаясь каждого.

Егоров был не в состоянии немедленно доложить о результатах рейда, поэтому совещание перенесли на более поздний срок. Он только посоветовал Доронину связаться с комбатом,

доложить о захвате Хабиба и наличии больших сил противника в районе, вплотную примыкающем к ротному опорному пункту.

Комбат выслушал Доронина.

– Это точно, что у вас труп именно Хабиба?

– Точно. Так Егоров доложил.

– Примерное количество сил противника известно?

– Предположительно не менее пяти сотен.

– Хорошо. Я доложу наверх. Вы там смотрите в оба. Ситуация может кардинально измениться в любой момент. Дивизион я предупредил, он сориентирован на вас. Буду просить помощи. Связь теперь дважды в день – в 8.00 и 18.00.

– А что делать с Хабибом, да и ребята наши под открытым небом?

– За ними, скорее всего, придет спецкоманда. Все! До связи.

– До связи, Восторженный.

Восторженный – позывной командира сводного батальона.

После связи с комбатом доложил Беркут. Доложил, что в горах тишина.

Наступивший день, солнечный, безветренный, теплый, резко контрастировал с тревожной ночью, и казалось, что в такой великолепной гармонии природы не может произойти ничего, что разрушило бы ее. Но для войны законы не писаны. Никакие. И смерть медленно сжимала свои холодные объятия вокруг двух небольших высот, на которых держала оборону всего лишь одна рота, сотня с небольшим молодых ребят, средний возраст которых не превышал двадцати одного года.

Около полудня Егоров проснулся и тут же поспешил на КНП, куда Доронин вызвал командиров взводов и сержантов спецназа.

Егоров подробно обрисовал свой рейд.

Сообщение о наличии крупных сил противника в непосредственной близости встревожило командный состав. Особенно поразило оно Панкратова. Он выглядел испуганным.

– Я не понимаю, – говорил командир первого взвода, – почему мы должны оставаться здесь, наверняка зная, что нас может атаковать противник, имеющий пятикратное, если не большее, преимущество в живой силе? Все же мы знаем, что оборону можно удержать, только если враг имеет преимущество до трехкратного предела. А против нас, в лучшем для нас случае, – полнокровный батальон.

– И что ты предлагаешь? – спросил Егоров, с неприязнью смотря на потерявшего внешний лоск старшего лейтенанта.

– Немедленно вызывать подкрепление, как минимум пару рот, требовать авиационного налета, а если это невозможно, уходить отсюда. Зачем обрекать людей на бессмысленную смерть?

В это время на связь вышел комбат. Доронин взял передатчик:

– Высота на связи.

– Слушай меня, Высота. Чуть позже авиация проведет воздушную разведку прилегающих к вам территорий. По ее результатам будет принято решение о вашем усилении. За телами вышел взвод на «БМП», обеспечьте встречу и разгрузку. С ними придет корректировщик огня дивизиона, санчасть, дополнительные средства связи, продовольствие и боеприпасы. Загрузи их своим грузом. У тебя есть какие изменения?

– Нет!

– Дай мне Егорова. – Доронин передал связь Валере. Командир начал разговор без предисловий: – Ты действительно считаешь, что обстановка серьезна?

– Да, очень. Сами посудите, для чего противнику скапливать такие силы? Не для прогулки же? Они будут пробиваться на плоскогорье, а проход у них один – Косые Ворота. Если,

конечно, не предпочтут прыгать через перевалы и уйти на восток, сделав крюк километров в двести.

– Понятно. Шах остался в горах?

– Скорее всего. Он прикрыл мой отход.

– Жаль, если погиб. Ну ладно, ждем результат разведки, потом примем решение. Все!

До связи!

– До связи!

Офицеры и сержанты смотрели на Егорова. Прекратив контакт, тот обвел взглядом всех присутствующих.

– Сегодня проведут разведку с воздуха и решат, что с нами делать. Это все!

– Почему ты, капитан, не сказал, что в горах больше тысячи штыков боевиков, почему вы с Дорониным оба не доложили об этом? – чуть не сорвавшись на крик, спросил Панкратов.

– А где доказательства тому, что их там тысяча? Со слов Шаха, отряд Костолома насчитывает до тысячи голов. Я сам видел около трехсот. Где точные данные?

– Так добудь их! И какая разница, сколько их там? Нам нужна помощь, неужели не ясно? Кому тут воевать-то, по большому счету?

– Кому, спрашиваешь? Мне, Доронину, тебе, всем, кто находится здесь. И вообще, Сань, прошу, огороди меня от нытья твоих подчиненных. – И резко в сторону Панкратова: – А ты утри сопли и сделай так, чтобы я тебя не слышал. Сказано же тебе – разведка будет проводиться, ну чего еще не ясно? Не при сержантах будь сказано.

– Разведка, рекогносцировка. Ну ждите, мать вашу, дождетесь, когда всем головы поотрезают. – Панкратов явно потерял контроль над собой: – За что класть голову тут? За сраный аул? За что?

– Панкратов! – Доронин поднялся. – Пошел вон отсюда, командование высотой передаю сержанту Голикову из взвода спецназа, а ты проваливай куда хочешь.

– Вот ты как? Ты, значит, герой, а я дерьмо. Только не герой ты, Доронин. Дурак ты. Времена Матросовых прошли. Неужели ты этого не понимаешь, ты, которого по возвращении выкинут из армии, как ссанный матрац? За что воюешь, Доронин?

– Ах ты, сучонок! – Егоров вскочил с места, и если бы не Голиков, то Панкратов едва бы увернулся от увесистого кулака капитана.

– Пошел вон, скотина! – не сдержался и Доронин.

– Это вы пошли, герои гребаные! – Панкратов, распахнув завесу, резко вышел из КНП.

– Ну, в натуре, заноза, – ругнулся Егоров, – ты его, Доронин, с колонной в тыл отправь. А то он здесь такого наворочает. И идут же такие в офицеры? За каким чертом? Аксельбанты носить? Так трись тогда возле папочки, не лезь в войска. – Валера знал, что отец Панкратова – генерал. – А знаешь, почему он сюда прибыл? Сказать? Думал, гад, пересидит где-нибудь три месяца, орденочек ему нарисуют и в личном деле отметку – воевал. Как же? Боевой офицер! Тьфу, как же осточертела эта порнография.

– Успокойся, Валер! Черт с ним. Как придет колонна – отправлю в штаб.

Послышались испуганные крики, шедшие откуда-то из глубины траншеи.

– Что за черт? – Доронин встал с места и направился на выход, командиры последовали следом.

Навстречу, чуть не сбив с ног, бросился молодой боец.

– Ты куда летишь как угорелый?

– Там... там, товарищ старший лейтенант, двоих наповал, в голову.

– Кого наповал?

– Там, в третьем взводе.

Испуганный солдат ничего больше объяснить не смог. Доронин приказал всем следовать на свои позиции, сам же с Егоровым и Бобровым быстро направился в расположение третьего взвода.

На стыке двух траншей на земле лежали два бойца. Под головами – кровавое месиво. У одного вместо глаза зияла черная дыра. У второго – аккуратное отверстие над правой бровью, ближе к переносице. Затылки разворочены, откуда вместе с мозгом вытекала черная кровь.

– Снайпер, – сделал вывод Егоров, – значит, объявились. Это очень плохо. Так! Кто видел, как стояли эти бойцы, куда лицом?

– В сторону леска, товарищ капитан.

– Разрешите доложить, – попросил слова бледный как мел сержант.

– Давай!

– У них задача была контролировать лесной массив.

– «Зеленку», значит? Понятно. Ладно, тела унесите к тем, что лежат за КНП. И не высываться из траншеи, ясно? Всем передать!

Егоров обернулся к Доронину.

– Почему не сработали мины?

– Ты у меня спрашиваешь?

– У себя. Плохи дела, Сань, раз снайпер прошел минное поле и устроил себе позицию. Вычислить его отсюда будет нелегко. Так что отдавай приказ увеличить насыпь со стороны «зеленки». Без дела по высотам не шастать, головы не высывать и вообще довести до всех, что рядом – смерть. А я пару своих наблюдателей посажу, пусть присмотрятся, авось и будет толк.

– Это все сделаю. Но может, следует что-то предпринять более эффективное, чем наблюдение?

Егоров задумался и принялся размышлять вслух:

– Примерный сектор нам известен, стреляли прямо напротив, скорее всего, с дерева.

– Может, из зенитки кроны посшибать?

– Тебе всего боезапаса не хватит, чтобы и половину-то деревьев оголить. Это не подходит. Я знаешь что думаю? А не рвануть ли нам дистанционки, все сразу? Судя по схеме, они понатыканы везде, может, и заденет какой?

– Может, и заденет, если снайпер не устроил себе берлогу. Думаю, здесь он надолго.

– Или шугануть? Чтобы заметался по «зеленке»? Но опять-таки как? А терпеть рядом с собой стрелка никак нельзя. Будем думать. Ты своих предупреди, а я своим задачу поставлю.

На этом они разошлись. Доронин, отдав распоряжение по роте о соблюдении дополнительных мер безопасности, прибыл на КНП.

Костя нес службу в своей ячейке. Совсем рядом с теми, кого поразил снайпер. Только его сектор находился в противоположном направлении. Буквально считанные минуты назад один из них – Культя, рядовой Культяев, одногодок Горшкова, – подходил стрельнуть сигарету. А сейчас он и его напарник, с развороченными затылками, лежали, накрытые брезентом, где-то за командным пунктом. И никто из них больше не встанет в строй, не подойдет поговорить, не попросит закурить. А дома? Дома теперь получают похоронки, каково матерям-то? Константину не хотелось верить в случившееся, разум отвергал реальность, словно ничего не произошло и ребята просто отошли на минуту по делам. Но кровавые сгустки, смешанные с землей, упрямо напоминали об убийстве и возвращали в действительность. Костя, тяжело вздохнув, взял автомат, прижал приклад к щеке и серьезно, сосредоточенно стал обводить взглядом отведенный ему сектор.

Колян, находящийся рядом, в соседнем окопе, посмотрел на друга. Он испытывал огромное желание с кем-нибудь поговорить, но, поняв состояние товарища, не стал делать этого, также сильно в душе переживая смерть своих ровесников.

Доронин сидел за столом КНП и думал. Сгущающаяся вокруг роты смертельно опасная атмосфера ощущалась почти физически. Неминуемо и неотвратно приближалось что-то страшное, и он это чувствовал, хотя и пытался разогнать тягостное настроение. Он думал о состоянии тех, кто принял первые кровавые уроки войны и находился сейчас в окопах в тоскливо подавленном ожидании надвигающейся опасности. Он думал о Егорове и его бойцах. Обо всем, что окружало его, и об ответственности, которую он как командир, офицер нес за всех на этих чужих высотах. Включая и тех, кого уже не вернешь. Виновен ли он в их смерти? Формально нет, никаких инструкций нарушено не было. Оборона организована согласно боевому Уставу, а потери на войне, к сожалению, неизбежны. Но как ответить матерям этих погибших ребят на простой, казалось бы, вопрос: «Почему вы, тот, кому мы доверили своих сыновей, не уберегли их?» Есть ли ответ на этот вопрос? На него ответа нет, и что бы ни говорить, как бы ни оправдывать себя, а виновен он, виновен в смерти своих подчиненных. Пытаясь отогнать тяжелые мысли, Доронин закурил и принялся изучать по карте «зеленку», определяя, где может находиться проклятый снайпер и каким образом ему удалось пройти сложное, плотное минное поле.

Сработала связь с Беркутом.

Доронин включился.

– Первый на связи!

– Первый! Я Беркут. Внизу под нами Шах.

– Шах? – удивился Александр.

– Он самый, и не один. С ним два связанных духа.

– Что еще?

– Ничего. Шах подает сигнал – связаться с вами.

– Понятно. Просигнализируйте, чтобы оставался на месте. Пока все. Оставайтесь на связи!

Доронин встал, вышел из блиндажа. На приступке сидел посыльный.

– А ну капитана Егорова ко мне, мухой!

Посыльный сорвался с места, уходя в сложный лабиринт ходов сообщения. Через несколько минут Егоров вышел к КНП.

– Что за срочность, командир?

– Зайдем.

Они спустились в блиндаж. Доронин повернулся к Егорову.

– Беркут только что доложил, что из ущелья вышел Шах.

– Шах? – так же, как ранее Доронин, невольно удивился Валера.

– Да. С ним два боевика. По докладу Беркута, связанные.

– Даже так? А ну дай-ка мне Беркута.

– Беркут? На связи Первый, узнаешь меня? Быстренько доложи, что видишь?

– Вижу Шаха, двух черных с ним. Стоят под нами.

– Ущелье осмотрели? «Хвоста» за ними нет?

– Осмотрели. Насколько возможно. Никого не видно.

– Так. Просигналь Шаху – пусть ждет. Конец связи. – Отключив рацию, Егоров сказал: – А сейчас, Сань, мы должны убить, как говорится, сразу двух зайцев.

– В смысле?

– Из «зеленки» проход просматривается?

– Наверно.

– Не наверно, а точно. Теперь прикинь: выходит Шах с пленными. Снайпер его засекает, если, конечно, не закопался в землю. Что будет делать стрелок?

– Скорее всего, попытается завалить Шаха, чтобы дать уйти своим.

– Или будет валить троих. Но в любом случае он должен как-то себя обнаружить. Подожди, я вызову своих стрелков.

Егоров по «ТАИ» связался с Малой высотой и вызвал нужных людей.

– Сейчас, сейчас, Сань, дай все обмозговать.

Валера ходил по блиндажу. В глазах горел огонь, как у охотника, который обнаружил зверя, но еще не решил, как его достать. Прибыли двое десантников. Егоров усадил их за стол.

– Поступим так. Вы, – он обратился к подчиненным, – занимаете позиции там, где были подстрелены люди Доронина. Следите за «зеленкой», внимательно смотрите. Из ущелья выйдет Шах с двумя духами. Снайпер в лесу должен обязательно встрепенуться. Люди на открытом месте, что может быть заманчивее? Значит, как-нибудь, но проявит себя. Вы должны засечь его и уничтожить. Вам ясна задача?

– Так точно!

– Выполняйте! – Егоров обратился к Доронину: – Ты, Сань, будь в готовности взорвать мины дистанционного управления и отдай команду расчету зенитной установки сразу же после подрыва ударить по кронам деревьев. Это на тот случай, если мои люди не сумеют вычислить стрелка, а тот откроет огонь. Теперь дай мне связь с Беркутом.

– Беркут! Я – Первый, как слышите?

– Слышим, Первый.

– Сигналийте Шаху – в «зеленке» снайпер, пусть выходит через десять минут из ущелья, прикрываясь своими пленными. Если по ним откроют огонь, залечь, пока навстречу не выйдет «БМД». Передал?

– Минуту, Первый!.. Передал.

– Добро. Контролируйте ущелье особенно внимательно.

– Понято, Первый, до связи.

– Ну что, Сань? Начнем охоту?

– Я буду ждать твоего сигнала.

– Жди.

Егоров выскользнул из КНП и скорым шагом пошел по траншее. Он встал рядом со своими снайперами. Те, выставив наружу зеркала, из-за укрытия смотрели на «зеленку».

– Так, внимательнее, – руководил Егоров, – через две минуты из ущелья выйдут люди.

Две минуты истекли. Стрелки напряглись и словно окаменели. Время тянулось медленно.

– Есть! – вскрикнул один из бойцов. – Есть, сука!

– Обнаружил?

– Вижу его ствол, сам за деревом. Нам из винтовок не достать.

– Пространство под деревом просматривается?

– Более-менее.

– Сань, – вызвал Доронина капитан, – засекли гада, мои не достанут, он стволом дерева прикрыт. Смотри внимательно, сейчас мы выстрелим трассерами в дерево. Обозначим место. Туда и открывай огонь из зенитки, понял?

– Понял.

– Готовы?

– Давай!

Прозвучали два выстрела, и огненные молнии, мелькнув на доли секунды, вонзились в ствол развесистой чинары. Тут же с двух стволов ударила зенитная установка, разрывая на щепы ствол, укрывший снайпера. Егоров, наблюдавший из трубы за позицией вражеского снай-

пера, увидел, как разлетелась крона дерева и сверху мешком упало что-то очень похожее на человеческое тело. Оно упало и не двигалось, оставаясь открытым как для взгляда, так и для выстрела. Казалось, все было кончено, и капитан решил было идти осмотреть сбитого снайпера, как внутри «зеленки» прогремели два взрыва один за другим. И тишину, наступившую после грохота зенитной установки и взрывов мин, прервал душераздирающий крик. Егоров посмотрел на стрелков, те на него.

– А снайпер-то не один был.

Бойцы согласно промолчали.

– Не ожидали, видно, что мы так ударим, заметались или начали поспешный отход, вот и налетели либо на мины, либо на растяжки. Но как они прошли лес? Втроем? Да и втроем ли? Ну ладно, один, это можно допустить, списать на случай, но группой?

– А если след в след?

– Как бы то ни было, но придется нам, ребята, зачистить эту проклятую «зеленку». Идите в расположение и пришлите ко мне Голикова.

На небольшой высоте прошло звено штурмовиков, через некоторое время донесся характерный рокот вертолетных двигателей, но самих машин видно не было. Командование проводило воздушную разведку.

Вернулась «БМД» с Шахом и пленными на борту. Егоров пошел навстречу. Туда же спешил и Доронин.

– Шах? Дружище, ты ли это? – Егоров искренне радовался возвращению чеченца, которому, по сути, обязан был жизнью.

Егоров, подойдя, чуть присел, схватил того за пояс и оторвал от земли.

– Ну ладно, ладно, хватит дурить.

Валера поставил Шаха на ноги.

– Сказать честно, Шах? Я знал, что ты вернешься. Гадом буду! Такого орла, как ты, завалить, это еще уметь надо. Но одного понять не могу.

– Чего именно?

– Ну ладно, отстрелялся ты, запутал погоню, оторвался, ушел. Это все понятно. Но как при этом сумел еще и пленным взять?

– Ты, Валера, наверное, думаешь, что это люди Теймураза?

– Не понял. Ты кого от нас уводил?

– Уводил бойцов Костолома, но эти люди не Теймураза.

– Кто же они тогда?

– Это афганцы, талибы.

– Откуда эти-то здесь взялись?

– Вот это я и сам хочу узнать. Встретил их в ущелье, когда возвращался. Пятерых. Привал они устроили. Трех положил на месте, а этих с собой прихватил.

– А с чего ты взял, что это афганцы?

– По разговору их. Я же, Валера, в Афгане четыре года провел. Насмотрелся. Да и язык их – пушту – немного знаю. Афганцы они.

Подождал Доронин. Они с Шахом поздоровались за руку, как друзья.

– Прикинь, Сань. Шах нам талибов приволок.

– Талибов? Афганцев?

– Вот и я удивился.

– Ну что, командиры, пошли в ваш штаб, поговорим с «гостями»?

– Пошли.

Два бойца Доронина подняли лежащих наемников и повели следом за командиром. Допрос начали сразу. Егоров спрашивал Шаха, тот – афганцев как мог. В итоге были получены следующие сведения.

В ущелье собрался малыми группами приличный отряд, человек под триста. Начальником у них некий Рашидхан. Их пятерых послали пройти ущелье и осмотреть выход. Закрывают ли его русские. Они пошли и вот... попали в плен. В отряде интернациональный сброд, включая и русских, и украинцев. Есть и женщины-снайперы. Какие цели ставит перед собой командир отряда, они не знают. Больше ничего ценного они не сообщили. На вопрос, откуда родом, ответили – из Кандагара.

– Дожили, – возмутился Шах с горечью, – под Кандагаром я два года из четырех афганских провел. Имели духов как хотели. А теперь на, получай. Эти недобитки на моей земле. С оружием, как хозяева. Весь мир перевернулся. – Он встал, посмотрел на Доронина. – Что с ними думаешь делать?

– Доложу наверх, а пока под стражу.

– Смотри, начнется бой, ЭТИХ живыми оставлять нельзя.

– Учту. – Доронин приказал увести афганцев. Шах вышел. Александр обратился к Егорову: – Валер! Ты послал людей посмотреть «зеленку»?

– Послал. Вернутся – доложат.

– Добро... Ну что скажешь, десантник?

– Надо сообщить комбату результаты рейда Шаха. Получается, Сань, около нас собирается приличная стая. И вожаки у них как на подбор. Теймураз Костолом, теперь Рашидхан, тоже тварь кровавая, да еще если основные силы покойного Хабиба подойдут. А они будут здесь, зуб даю, не зря араб в ауле отирался. Видимо, вся эта нечисть решила здесь собраться в ударный кулак. Пробить наш заслон и рвануть по плоскогорью. И тогда остановить их будет непросто. Начнут занимать селения – попробуй выбей. Разве что вместе с мирными жителями. На это никто не пойдет, так что все вернется на круги своя. С чего начали, к тому же и придем. Вновь возникнет территория, контролируемая боевиками.

– Не пойму я, Валер, наше командование. Неужели они реальной картины не видят? В общем масштабе?

– Черт их знает, Сань. Здесь, в Чечне, вообще все идет через задницу, впрочем, как и везде. Нам что толку обсуждать происходящее? Наше дело – выполнять боевой приказ. Свяжись лучше с Восторженным.

Доронин вызвал по связи командира батальона и доложил о проведенной акции против снайпера, о потерях, о пленении Шахом боевиков-афганцев и об информации, полученной в результате допроса.

– Я понял тебя, Высота. Как личный состав? В моральном плане, после потерь?

– Удручены, но внешне эмоции не проявляют, держатся.

– Это хорошо. Авиаразведка пошла к вам.

– Я слышал.

– Как будут результаты, сообщу. До связи.

– До связи.

Вернулась группа Голикова.

– В «зеленке» три трупа. Один еще жил, когда обнаружили. Кишки у него наружу выпали.

Добили.

– Осмотрели весь массив?

– Практически да. Пока там никого.

– Хорошо. Идите отдыхайте.

Доронин почувствовал себя уставшим. Напряжение сегодняшнего такого долгого и насыщенного событиями дня дало знать о себе. Он прилег на топчан немного отдохнуть, но почти сразу провалился в тревожный сон.

Разбудил его связист:

– Товарищ старший лейтенант! Восторженный на связи.

Доронин встал.

– Я – Высота, слушаю вас, Восторженный.

– Воздушная разведка доложила, что крупных сил в районе ущелья не обнаружено. Замечены отдельные незначительные группы, но такого количества, о котором докладывали вы, не обнаружено. Вот так, Высота.

– Следовательно, ждать нам нечего и неоткуда. Я имею в виду подмогу.

– Пока да. Сам я ничего сделать не могу.

– Я понимаю.

– Вы духом-то не падайте, если что, одни не останетесь.

– Хотелось бы верить.

– А ты верь! Заставь верить и себя, и подчиненных. Колонна «БМП» будет у вас завтра, ближе к полудню.

– Ясно.

– Тогда до связи.

– До связи.

Зашел Егоров.

– Как дела?

– Да никак. Разведка прошла впустую, засекли там несколько разрозненных малочисленных групп. Больших сил не обнаружили.

– Да? Ну что ж. Не обнаружили, значит, не обнаружили. Сань! Давай выпьем? Ну их всех к чертовой бабушке! И боевиков, и Восторженного, и тех, кто выше. Ребят помянем.

– Сегодня, думаешь, ничего больше не произойдет?

– Ничего я не думаю. Будь что будет. По мнению вышестоящего командования, мы паникуем. Пригнать бы сюда весь Главный штаб, посмотрел бы я тогда, как они себя повели бы. Да черт с ними – наливай.

Доронин разлил по сто граммов спирта, молча выпили. Закурили. Говорить ни о чем не хотелось.

– В общем, я у себя. Будет нужда – зови. – Егоров встал и вышел из блиндажа.

За остаток дня на самом деле ничего не произошло. Распределив людей на несение службы, Доронин уединился в своем командно-наблюдательном пункте.

* * *

Раннее утро разбудил грохот многочисленных дальних взрывов и внезапно открывшейся стрельбы. Доронин вскочил со своей лежанки и выбежал из блиндажа. Определился он быстро, шквальный огонь велся в ущелье. Доронин бросился к связисту, который уже вызывал Беркута:

– Беркут, я – Первый, Беркут, ответь.

Связь молчала.

– Беркут, Беркут, – продолжал вызывать Александр.

Наконец бойцы горной огневой точки ответили. Сквозь грохот длинных пулеметных очередей Доронин услышал:

– Первый! Я – Беркут. В нашем секторе противник, силы большие. Вступили в бой. По нам также ведется огонь. Как поняли, Первый?

– Понял, Беркут, держитесь сколько можете. Только выбив весь боезапас, отходите по скале, вас прикроют.

– Понял. Конец связи.

Доронин метнулся к «ТАИ», который непрерывно сигнализировал.

– Доронин на проводе.

– Это Егоров. С Беркутом связался? У них, по-моему, жарко.

– Да, там бой.

– Значит, пошли на прорыв? Вот тебе и результаты разведки, мать их! Сообщи Восторженному и привет им там передай от незначительных, разрозненных групп противника. Я к тебе.

– Давай.

Доронин вызвал штаб батальона. Подполковник Галкин как будто ждал связи. Да так оно и было. Он верил офицерам, находящимся у Косых Ворот, но воздушная разведка предопределила решение, принятое командованием. Он в душе ждал неприятного, но надеялся, что пронесет. Не пронесло.

– Восторженный на связи.

– Восторженный, я – Высота. Противник предпринял первую попытку прорыва. Силы его точно не определены. Горная огневая точка встретила врага огнем. В ущелье идет бой. Плотность огня большая. Отстреляв боекомплект, пост с точки уйдет согласно плану. Возможен выход противника из прохода. Принимаем меры к отражению нападения. У меня пока все.

– Я понял, Высота. Обо всех изменениях в обстановке докладывать немедленно. Конец связи.

Галкин, получив известие о начавшихся активных боевых действиях в районе Косых Ворот, немедленно связался с вышестоящим штабом. Ответил оперативный дежурный. Комбат потребовал генерала, который, как ни странно, через какое-то время вышел на связь:

– Терек на связи. Что у тебя, Восторженный? – Подполковник Галкин объяснил ситуацию, на что получил ответ: – Ты вот что. Пока не суетись. Возможно, это попытка прорыва небольшого отряда и твои с ним справятся. погоди паниковать. Еще ничего не ясно. Посмотрим, что будет дальше.

– Да что смотреть? – взорвался Галкин, возмущенный сонным спокойствием генерала. – Неужели не ясно, что данные о противнике Высоты подтверждаются? Надо срочно посылать дополнительные силы.

– Ты знаешь, на кого орать будешь, подполковник? Не забывайся. И знай свое место.

Генерал прервал связь. Галкин швырнул трубку, длинно выматерился.

Между тем обстановка на высотах накалялась. Егоров находился на КНП вместе с Дорониным. Беркут доложил, что отходит. Валера приказал своим на боевой машине прикрыть отход и встретить бойцов поста. Офицеры ждали, что произойдет дальше. А дальше, по идее, должна произойти попытка выхода из ущелья.

– Может, дивизион вызвать, Валер? Ударить по ущелью?

– Рано. Как выйдут на минные поля – посмотрим. Попрут дальше – вызовем артиллерию.

Стрельба в ущелье, внезапно начавшись, так же внезапно оборвалась. Наступила тишина. Ничего не происходило, как будто врага не было и в помине. Егоров связался с Орлом – точкой, контролирующей балку, – и получил доклад, что в их секторе все спокойно. Ребята слышали бой и спросили: что произошло?

– Ничего страшного, Орел, все, как и должно было быть. Духи сунулись к выходу. Их встретил Беркут.

– Беркут-то цел?

– Все нормально, Орел.

Бойцы, встретившие врага, соскользнув со скалы, сбросили канаты, беспрепятственно добрались до «БМД» и вернулись на позиции. Они доложили, что сначала последовали взрывы в глубине ущелья. Целая серия. Бойцы поняли, что кто-то идет ущельем и налетел на «сюрпризы». Затем боевики вышли в сектор обстрела, человек сорок-пятьдесят. Остановились как раз под огневой точкой. Видимо, принимали окончательное решение. Тут-то Беркут их и

накрыл плотным пулеметным огнем. Те, кто остался цел, открыли ответный огонь, рассредоточившись между камней. По докладу старшего огневой точки в ходе боя уничтожено не менее половины отряда. Когда боевики точно определили точку, то отошли чуть правее, вглубь, за валуны. Затем к ним подошло подкрепление, сколько штыков, сказать трудно, но людей их командиры не жалеют. Потому что предприняли попытку под огнем пулемета прорваться в мертвую, недосягаемую с точки зону. Беркуты пресекли попытку.

– Но они, товарищ капитан, как бараны. Рванутся вперед, мы их срежем, следом еще волна человек десять. И так, пока боезапас не расстреляли. Куда же они так прут? А, командир? Почему? Ведь ясно, что мы их положим, но прут, как штрафники какие. Или они обдолбились там все?

– Хрен их знает, обдолбленные они или еще что-то. Но то, что людей не жалеют, – плохо. Не в смысле жалко, а в смысле того, что людей у них много и цель одна – сломить нашу оборону любой ценой.

– Если и дальше пойдут живой волной, – продолжил размышления Егорова Доронин, – то при такой интенсивности огня надолго ли нам хватит боеприпасов?

– Не будем загадывать. Что сказал комбат?

– Да ничего толком. Будет, наверное, докладывать наверх, но что от него зависит? Своих же резервов у него нет. Остается просить у начальства. А начальство может и послать куда подальше. Вдруг везде такая каша заваривается?

– Может быть и такое. Но почему наши «гости» не идут из ущелья? Группируют силы, чтобы концентрированно ударить? Или отошли?

– Не зря мы пост сняли? Знали бы хоть, что там, в ущелье?

– Ага, знали бы, жди. Мы не сняли бы пост, они, боевики, сделали бы это.

– Товарищ старший лейтенант! – обратился связист. – Вас Орел вызывает.

– Неужели и там началось? Орел, я – Первый, слушаю.

– Первый! Докладывает Орел. Внизу, вдоль склона, движется отряд, человек сорок или около этого. Половина – без оружия.

– Не понял, Орел, как без оружия?

– Ничего в руках у них нет, сзади вооруженные люди, а впереди, как заложники, идут под конвоем. Что делать?

– Продолжай наблюдение, себя не обнаруживай, даже если отряд войдет в балку. Этих не трогать, только смотреть и докладывать, понял?

– Понял, Первый!

– Что за ерунда? – Доронин обернулся к Егорову, но ответил Шах:

– Это Костолом, его повадки. Впереди ведут заложников, на случай минных полей.

– Вот скоты! – возмутился Александр. – Это же форменный беспредел. Идут они к балке, больше некуда. Это что получается? Эти костоломы безоружных людей на смерть пошлют, а сами в стороне останутся? А мы? Позволим это? Валера! Давай отсечем их пулеметным огнем с горы?

– Точку обнаруживать нельзя, а вот наказать ублюдков, ты прав, надо. Дай-ка связь.

– Орел! На связи Первый, доложи, отряд отдельный? За ними никого нет?

– Не видно, Первый, отряд подходит к балке. За ними, насколько позволяет видимость, никого.

– Понятно. Конец связи.

Егоров взял трубку «ТАИ», вызвал Голикова. Тот прибыл. Валера кратко объяснил подчиненному обстановку.

– Надо их, Вадим, наказать, согласен?

– Какой разговор?

– Тогда бери две машины с экипажами, и вот здесь, – Егоров показал на карте проход через минное поле, – подойди непосредственно к изгибу горы, за которой начинается балка. И сразу атакуй. Вали всех с оружием. Хорошо бы прихватить «языка».

– А что делать с теми, кто без оружия?

– Я с тобой пойду, сержант, – выступил Шах. – Я и займусь ими.

Возражений не последовало, и скоро две боевые машины десанта прошли обозначенным проходом, быстро преодолев неглубокую в самом своем начале балку, ударили по боевикам. Нападение было неожиданным, и противник не смог оказать какого-нибудь сопротивления. Соскочивший с брони десант умело вступил в бой и без особого труда и, главное, без потерь уничтожил вооруженный отряд. На время выдвижения машин на высотах завели двигатели оставшихся на позициях двух «БМД», звук от которых заглушил звук моторов движущихся машин.

Шах быстро разобрался с теми, кого определили заложниками, и они, получив направление, быстро побежали, огибая балку, в сторону аула. Бойцам Голикова удалось захватить двоих бандитов, которые были доставлены на КНП.

Допрос пленных нового ничего не дал, подтвердив лишь то, что в горах сосредоточена группировка, образовавшаяся из отрядов Теймураза Костолома, Рашидхана и покойного Хабиба, общей численностью около тысячи человек, но силы еще подходят, правда, незначительные. Человек по двадцать-тридцать.

В основном это люди Рашидхана. Командование принял на себя Теймураз как старший из командиров. Но единого управления не получалось. Каждый из главарей оставался для своих основной фигурой. И когда встал вопрос о проведении разведки выхода из ущелья, были посланы люди Рашидхана как самого младшего, лица разных национальностей. Тех было не жалко. Этот сброд собрался со всего света, чтобы заработать деньги. Потери в ущелье боевики понесли большие. Что-то более сорока человек, да теперь еще и двадцать пять из отряда самого Теймураза. Но путь у них один – на плоскогорье. И как можно быстрее. Точных сроков они не знают. В общем, сообщили то, о чем уже в принципе знали Доронин с Егоровым.

– А что за людей вы гнали перед собой?

– Разных. Они были у Теймураза, он и приказал вести их впереди.

– И много еще таких у Костолома?

– Этого никто не знает. У него вообще много людей.

После того как боевиков увели, Доронин вновь связался с комбатом – доложил о произошедших событиях, освобождении заложников, захвате пленных. Галкин выслушал, приказал боевиков доставить в штаб.

А через два часа на ущелье совершила налет авиация. Штурмовики шли звеньями и начали обстрел почти от самого выхода, уходя с каждым заходом все глубже в горы. До командования, видимо, дошло, что может произойти, если крупные силы противника на самом деле сосредоточены в ущелье и прорвутся на плоскогорье, растворившись в населенных пунктах, фактически захватывая их. Но бомбардировка имела и обратный эффект. После нее главари бандформирований вынуждены будут либо, не откладывая, штурмовать проход, либо отходить, что было бы с их стороны признанием поражения. В любом случае при постоянных авианалетах оставаться в ущелье и бездействовать означало обречь себя на медленное уничтожение. Это понимали Доронин с Егоровым и ждали массированного наступления. Связавшись с артдивизионом, точно обозначили ему цели предстоящего и, вполне вероятно, скорого удара.

Но неожиданно с флангов обеих высот поступил доклад о том, что со стороны аула, рассыпавшись в цепь, приближается вооруженный отряд численностью тридцать-сорок человек. Это был сюрприз. Что бы это могло значить? И откуда взялись эти вооруженные люди? Местные жители? Или те, кого недавно отпустили? Егоров посмотрел на Шаха.

– Что скажешь?

– Я предполагал, что со стороны аула и «зеленки» могут быть совершены отвлекающие маневры.

– Вот и я о том. Сбываются все твои предположения, что отнюдь не радует.

– Этих несложно рассеять, – продолжал Шах, – но главное – удержать на расстоянии, что можно сделать малыми силами. Сразу за фугасами выставь пулеметный пост и посади отделение. Там слева от дороги каменная гряда. Оттуда твои бойцы легко будут держать аул. Там противник не столь грозный, одним словом – отвлекающие силы. Они в прямой бой не пойдут. Ибо, скорее всего, действуют из-под палки, и если твои ребята будут метко стрелять, то скоро провокации прекратятся. Но пост держать там надо. Я еще когда говорил об этом?

– Послушай, Сань, а не отправить ли туда Панкратова? Вот там для него самое место. Здесь не будет мешать.

– Ты прав, Валера, так и сделаем.

Он связался с Малой высотой, и вскоре угрюмый старший лейтенант Панкратов увел людей на указанные позиции. Имитирующий наступление небольшой отряд противника на время выдвижения отделения рассеяли огнем скорострельных пушек и спаренных пулеметов «БМД».

Костя немного отошел от внезапной смерти своих товарищей по оружию. Теперь и он испытывал потребность в общении. Это заметил Колян.

– Костя! – позвал Николай друга. – Слышь, Кость?

– Слышу. Чего тебе?

– Иди сюда!

– Как же я уйду с позиции?

– Да че ты, в натуре? Восемь метров, расстояние, что ли? Или тебе и по нужде отойти нельзя? Иди, побазарим. А если че, сразу метнешься на место.

– А ты подойти не можешь?

– Ну ты сравнил. У меня пулемет, я – огневая точка.

– Ладно, «точка», иду.

Костя подошел к позиции Николая, но встал в траншее в метре от друга, чтобы при случае сразу же вернуться.

– Кость? Видал, как десантники духов шуганули?

– Как же я увижу, если они действовали за скалой? Да и ты не мог видеть.

– Я и не видел. Но ведь шуганули? И пленных притащили. А эти, которые со скалы на веревках? Какая пальба там была. Вот пацаны деловые! И в рейд ходили. Уважаю. Надо разузнать, может, к ним как-нибудь переметнуться? Уж больно ребята геройские.

– Да, бойцы что надо, слов нет. Но ты же видел, и у них троих убило.

– Убило. Согласен. Но как? Вот вопрос? В бою. А наших прямо в окопе замочили. Блин, хоть кровь кто бы убрал... А эти, Кость, снайперы наши, ну десантники? Видал, как хитро сработали? Сами не высывались, а через зеркальца смотрели. Я бы ни за что не допер. Вот это, понимаю, – класс! Потом только р-раз, по выстрелу – и кранты тому козлу, обозначили местонахождение снайпера. Не-е, Кость, что ни говори, чуваки умеют воевать. Мы им не ровня. Да и смотрят они на нас, как на чуханов. Как думаешь, если попроситься, возьмут к себе?

– Они контрактники, Коль.

– Ну и че? И я контрактником стану.

– Тебе что, нравится здесь?

– Нравится не нравится, не в том дело. Пацаны они геройские, и служба боевая, без всяких выкрутасов. Такому научишься, на гражданку придешь – орлом ходить будешь, ни одна падла не заденет. Их всему учат. И в бой идут видел как? Без базара. За это и платят им. Я у одного из них спросил как-то: сколько они получают? Он сказал, у меня аж глаза навывкат,

знаешь, какие бабки? Пять тыщ «зеленых», так и сказал, зуб даю. Это значит пять тыщ долларов в месяц, прикидываешь? Да еще приплачивают за каждого духа. Тут за год можно так заработать, что в деревне у нас всем скопом никогда не заработаешь.

– И ты поверил? Купили же тебя. Не платят им столько.

– А ты знаешь? Да? Че молчишь? Вот и то-то, что не знаешь. А мне мозги забивать этому десантнику какой резон?

– Ну ладно. Но и служба у них, сам видишь, не то что у нас. Год этот можно и не прослужить.

– Э-э, наши вон и месяца тут не протянули – получили по пуле, и гуд бай. Если думать о том, что можешь лапты склеить, то и жить нечего. Сиди и жди, когда копыта откинешь. Я же тебе сколько уже примеров приводил? Кому какая судьба, понял? А убьют в бою, то и черт с ним, я-то этого не почувствую. Умирать все один когда-никогда, а придется, вечных еще не было на свете, только в кино. Так что, Кость, что бы ты ни бакланил, а я этот вопрос перетру как-нибудь с их капитаном. Мужик он, сразу видать, с понятием. Мне в казарму, в часть желанья особого нет. Че я там забыл? На тумбочке этой гребаной торчать? И орать, как клиент дурдома: «Дежурный по роте, на выход», когда какой-нибудь чухан, вроде нашего лейтенанта, будет туда-сюда шастать? И твердить, как попугай длинноклювый: «Подтяни ремень, обезьяна»? Нет уж, мне такой расклад без кайфа.

– Эх, Коля, Коля, отсюда еще вернуться надо. Видишь, что вокруг что-то затевается?

Подошел Гольдин. За время пребывания в Чечне гонор его заметно поубавился, и солдат он особо не доставал. Проходя через позицию недавно погибших сослуживцев, сержант невольно пригнулся.

– Ну чего разбазарились? Ветров, кто разрешал оставить позицию? Вы на войне или как? – копировал Гольдин лейтенанта Лузгина.

– А кому ты кланялся, Голь? – вопросом ответил за друга Николай, который уже привык вести себя вызывающе с теми, от кого мог ожидать неприятностей. – Снайперов давно уже перебили, или че, по привычке?

– Пошел ты... – Гольдин повернулся и ушел.

– Понял? Как я на него удила накинул? Знает теперь свое место. Я ему, козлу, сортира, когда тебя били, в жизнь не прощу. Тоже командир нашелся. Как пацанов завалили, побледнел как смерть, он тут рядом тогда тусовался. Перессал, короче.

– Можно подумать, ты – нет?

– Я виду не показал, поэтому никто ничего не может мне предъявить.

Ребята покурили, и Костя вернулся к себе.

Колонна «БМП-2», заранее предупрежденная об опасности, исходящей от аула возле высот, обошла его стороной и к 15.00 встала на дальних подступах, со стороны заминированной балки, остановленная по связи Дорониным. По минному проходу навстречу вышла боевая машина десанта и провела взвод «БМП» на позиции.

Старшим прибывшей группы являлся капитан, по военным меркам, в годах. Ему было на вид лет под сорок. Очевидно, к карьеристам он отношения не имел, но службу продолжал, имея, наверное, свои веские причины.

– Капитан Ланевский Георгий, – представился он подошедшим Доронину и Егорову, – в настоящий момент командир взвода.

– Ну, скорее уж командующий взводом, – пошутил Валера, – в твои годы оставаться взводным – это поступок.

– Здесь ты, капитан, прав. В армии, наверное, больше командиров полков, чем взводных в тридцать семь лет. Ну да это вопрос второстепенный и личный. Принимайте груз и грузите свой. На все про все у нас не более часа.

– Торопишься, капитан?

– Извини, друг, регламент не я устанавливал.

Из десантных отсеков появился прапорщик Мамедов, с ним еще один прапорщик-артиллерист, два сержанта-контрактника с большими санитарными сумками и лейтенант-медик. Доронин был рад прибытию Мамедова.

– Рад видеть тебя, Акиф! Ты здесь нужен.

– Знаю, командир. Учитывая обстановку, о которой вы докладывали в штаб, принял решение и добился получения большего количества боеприпасов. Немного пришлось сэкономить на продовольствии, но думаю, что патроны и гранаты здесь нужнее тушенки.

– Правильно сделал. С тобой, как понимаю, санчасть и корректировщик?

– Так точно!

Подшли остальные прибывшие.

– Лейтенант медицинской службы Молодцов Евгений Петрович, со мной два санинструктора. Раненые на настоящий момент есть?

– Один. На КНП.

– Кто убит из наших, командир? – спросил прапорщик.

Доронин назвал фамилии.

– Совсем молодые, из последнего призыва. – Мамедов выругался на своем языке. – У десанта тоже потери?

– И у них двое.

– Дела-а. А со стороны вроде все тихо, солнце светит, птички поют. Я слышал, тревожная тут обстановка, командир?

– Потом объясню. Принимай командование, бери людей – разгружай машины. А вас, товарищи медики, и вас, товарищ прапорщик, прошу пройти на командный пункт. Расположитесь пока там. В дальнейшем определимся.

Егоров между тем разговаривал с капитаном, к которому проникся симпатией. Тот осмотрелся.

– Слышал, горячо тут у вас было?

– С утра да, пришлось пережить немало неприятных мгновений.

– Людей много потерял?

– Четверых. Вместе с ротой.

– А чехов сколько уделали?

– По общим подсчетам – около шестидесяти, плюс рейд тут один организовали, где заваляли Хабиба, там еще около тридцати.

– Неплохая статистика, капитан. Четверо против сотни, почти сотни.

– Согласен. Неплохая. Но это не показатель. Почти всех положили из засады. Чехи, по большому счету, не знали о нас. Теперь все изменилось. Они знают о нас почти все, мы – практически ничего, только данные захваченных боевиков. И то, что мы знаем, оптимизма не придает, как не придает его и то, что командование нашим данным не верит, считая паникерами. Провели воздушную разведку – и ничего не нашли. Так, мелкие группы в глубине гор.

– Это всегда так. И не то чтобы тебе не верят, а просто сил не хватает. Генералитет посчитал, что зимы в горах боевики не переживут. Либо сами выйдут, либо сдохнут в своих пещерах во имя Аллаха. Не вышли. Я имею в виду крупняк, и не сдохли, а федеральные войска отвели. Как же? Мирный процесс пошел. Жизнь нормализуется. Дивизии, пусть и раздутой до корпуса, вместе со вспомогательными силами, решили, будет достаточно для контроля. Не угадали. Как всегда. Стали вновь собирать войска, а это упущенное время. Вот его-то сейчас и не хватает, а как результат и сил, чтобы, в частности, ваш опорный пункт усилить. Так-то, десант.

– А ты стратег, капитан.

– Зови Жорой. Меня так все в полку зовут, от командира до начальника склада. А насчет стратега, научился за двадцать один год. У меня на счету и Афган, и Приднестровье, и Чечня. Тут хочешь не хочешь, а станешь кое в чем разбираться.

– Слушай, Жор, не в обиду, а чего ты все в капитанах?

– Это отдельная история. Непокойный я и жопы лизать кому бы то ни было не научился. Ну и еще ряд субъективных причин в придачу. Понял?

– Знакомая картина. Только не проще тебя было из войск выкинуть, чем держать в вечных капитанах?

– Так вместо меня сюда надо кого-то присылать? А зачем? Если есть чудак, согласный здесь без замены обитать?

– А семья?

– Об этом давай не будем. А позиция у вас, Валера, ничего. Огневой мощи побольше бы. Твои четыре пушки – хорошо, но для вас мало. Видел я, как сметают такие вот локальные пункты. И, как правило, из-за того, что не хватает им мощи ударить так, чтобы разнести их обкуренную, обколотую «живую» волну вместе с «зеленкой». Хотя были и исключения. Один раз примерно такой же ротный опорный пункт прикрывали всего лишь две установки «Град». Эти «бээмки» так ввалили прямой наводкой по небольшому склону, откуда развернулся солидный отряд чехов, что сровняли все с землей, к чертовой матери. И больше на роту ни одна блядь не полезла. А у вас мощи маловато.

– У нас есть поддержка артдивизиона.

– Гаубичного?

– Да.

– Толку от него мало. Шума, грохота да. Но эффективность мала, тем более стрелять они будут по наводке, черт знает откуда, по навесной. Нет, Валер, вам бы взвод «Градов» – и закупорили бы эти Ворота наглухо.

– Что об этом говорить, Жор? Ведь не будет здесь ни батареи, ни взвода, ни даже расчета этих машин. А будут лишь четыре ствола «БМД», две спаренные зенитки и несколько ротных пулеметов, то есть то, что есть.

– Ну тогда тяжело придется. Если эти чехи уже сотню своих положили да главаря одного потеряли, не пойдут они другим путем, даже будь такая для них возможность. Только из-за того, чтобы вас удавить, не пойдут.

– Ну, спасибо, утешил. И вообще, Жор, давай забирай трупы и пленных и катись-ка в обратку, пока не стемнело.

– Не торопи меня, капитан, есть одна мысль, и, думаю, весьма дельная. Пойдем-ка к машинам, мне связь с полком нужна.

Егоров пожал плечами, и два офицера подошли к «БМП», которые были готовы к отправке в обратный путь.

– Подожди-ка меня, Валер, здесь.

Ланевский ловко взобрался в командирский люк боевой машины. Егоров закурил, ожидая бравого капитана с красивой гусарской фамилией, еще не понимая, что задумал этот опытный вояка. Минут через десять тот спрыгнул с борта.

– Ну вот, а ты говоришь – катиться.

– Ты о чем?

– О том, что на войне старый капитан может иногда принести больше пользы, чем несколько штабных генералов.

– А если понятней?

– Я связался с командиром. Сейчас три машины, одна с грузом, две в сопровождении, пойдут назад. Их встретят, перегрузят, и мои вернутся, понял?

– Не совсем.

– Объясняю еще раз. Мои машины пополнят боекомплект, подсадят экипажи и вернуться, передав твой груз. На пару-тройку дней я останусь здесь, с вами. Или ты имеешь что-то против?

– Нет, но как тебе это удалось?

– Да просто все. Мы с командиром полка в училище вместе учились, вместе в самоходы ходили, у нас подруги в одной общаге обитали. И на губе вместе сидели. Только тогда я его звал Сеня, а теперь – товарищ подполковник. Ясно? Мы как были друзьями, так ими и остались, вне службы, конечно. Объяснил ему ситуацию, а он понятливый и вообще мужик хороший. Вот и решили, что побуду я пока здесь, поддержу вас, если что.

Валера выслушал этого бесперспективного для высокого начальства, но такого нужного армии офицера, воюющего не за звания и награды, а просто выполняющего свой долг. Предлагающего разделить с тобой не праздничный стол, а тяжелейший и, возможно, последний бой. Причем делал он это обыденно, как само собой разумеющееся. И Егоров почувствовал себя неловко. Слова признательности застряли в горле.

Ланевский прекрасно понял состояние десантника.

– Не надо слов, Валер. Я отправлю машины, и пойдем с твоим начальством определяться, где мне расположиться. Бойцам придется попотеть. Если не использовать взвод как резерв, в чем я не вижу ни особого смысла, ни оперативной возможности, то машины надо укрыть в капониры, а те – еще сообразить надо...

– Об этом, Жор, не беспокойся. Сделаем как надо.

– Тогда жди на КНП, я поставлю задачу и приду туда.

Ланевский повернулся, чтобы уйти, но его остановил Егоров:

– Жор?

– Ну?

– Спасибо.

– Спасибо на хлеб не намажешь, стакан с тебя.

Егоров поспешил обрадовать Доронина. Взвод, конечно, не рота и не батарея, но четыре дополнительные пушки и пулеметы в броне – сила далеко не лишняя и в общем немалая на ограниченном пространстве. Они дождались Ланевского, который тут же потребовал обещанный стакан, и только после того, как опрокинул в себя двести граммов спирта, словно воду выпил, группа офицеров склонилась над оперативной картой района. Жора долго изучал местность, задавая вопросы.

Наконец пришли к общему решению – соорудить капониры и укрыть «БМП» непосредственно у подножия высот с четырех сторон, так чтобы одна машина контролировала «зеленку», другая – балку по всему фронту, а две оставшиеся имели целью проход в ущелье. Причем первые две машины могли перенести огонь как на проход, так и в направлении аула. В совокупности получался неплохо вооруженный и имеющий возможность круговой обороны и маневра усиленный ротный опорный пункт. Несмотря на то что боевые машины являлись, по сути, стационарными огневыми точками, они не утратили мобильность, так что могли при необходимости использоваться и в качестве атакующей силы. Три «БМП» прибыли под вечер, и почти всю ночь личный состав занимался сооружением капониров, благо машины имели низкую посадку, что экономило и силы, и время. Работы производились под прикрытием взвода Егорова. К 4.00 «БМП» заняли позиции. И наступила тревожная тишина. А в 4.15 раздались первые раскаты далекого грома, и по мере их усиления стало понятно, что с гор надвигается приличная гроза. Для обороняющихся она никакой угрозы не представляла, а вот воспользуются ли боевики преимуществами дождя, если таковой, конечно, начнется, было неясно.

* * *

Гроза приближалась быстро. Измотанный личный состав частью был отправлен на отдых, частью обеспечивал непосредственное охранение. Начался дождь. Ослепительные вспышки молний, сопровождаемые оглушительными раскатами грома, бесновались прямо над позициями.

Николай находился в своем окопе. Ему и Косте досталась предутренняя смена. Укутавшись в плащ-палатки, друзья несли боевое дежурство. После очередной ярко-белой вспышки и пушечного громового удара Колян невольно присел. Он с детства боялся грозы, но не хотел, чтобы напарник, внешне спокойно реагирующий на буйство природы, заметил это.

– Вот бьет, как из гаубицы. У нас таких гроз не бывает.

– Страшно?

– Да ладно. Говорю – просто у нас дома таких нет, а здесь, в горах, будто эти молнии не в небе, как положено, а среди скал мечутся. Захерачит какая сюда, и кранты, в момент испепелит. Слушай, Кость? Может, каски снять?

– Чтобы промокнуть?

– Промокнуть? Да хрен с ним. Промокнуть. Они ведь железные, а молния, она перво-наперво в железо бьет.

– Ты что, серьезно?

– Серьезно.

– Ну снимай, если хочешь.

– А ты?

– Я не дурак.

– Ты на че намекаешь?

– Коль! Осматривай лучше сектор. Погода как раз чтобы незаметно подобраться к высотам.

– За дурака ответишь, понял? Умник тоже. А насчет сектора... Какая блядь сейчас ползет?

– Рассказал бы чего. Из жизни своей деревенской.

– Ладно, уговорил. Помнишь, когда окопы эти рыли, я тебе про колорадского жука рассказывал?

– Как раком по полю ползал?

– Точно. Так вот, хочешь историю про то, как два идиота этого жука травили?

– Давай.

– Было это в прошлом году. Я тебе про Тихонка рассказывал? Вот. Раз отправляет его мать поле картофельное опылить. Заразу в бутылке купила и командирует Тихона. Тот, понятно, за мной заходит. Одному-то ему несподручно. И насос качать, и опрыскивать. А мне идти неохота, ну начинаю мозги полоскать. Spина, мол, болит или еще что-то, не помню, но не хотел идти. Он видит такое дело, говорит: «У меня баклашка чемиргезу есть, выпьем, мол, после работы, а то и на ночь останемся – порыбачим», там пруды кругом. Я прикинул – согласился. Че, думаю, дома сидеть? Короче, своих предупредил, и почапали мы. Удочки еще взяли. Я ведро с разными там причиндалами нес, Тихонка – насос. Приходим, значит. А участок ихний небольшой – соток десять. Ну давай мы готовиться к экзекуции. А жука кругом – тьма. Сходил Тихонка за водой, взял бутылку отравы и вылил ее всю. Я на это как-то внимания не обратил, раз льет, значит, знает, что делает. А мне до фени. Перед этим полбанки разгрузили. Короче, сделали все – полили участок этой гадостью. Уже темнело. Ну догнались мы сивухой и вырубались на хер. И про рыбалку не вспомнили. Просыпаемся на восходе, задубели, как цуцки. Тихонка предлагает костер развести. Я ему – какой костер? Домой пошли. Там

и согреемся. Пошли. А через дня два, слышу, шум у Тихонков, мне интересно, что за базар. Прусь к ним на шум. Его предки, как меня увидели, так давай костылять на чем свет стоит. Я никак не въеду, что за дела? А они меня чертыхвостят на все лады. Тут-то Тихонков мне и сказал – сожгли, мол, мы поле ядом. Я сначала не понял, потом дошло. Надо было на ведро воды самую малость отравы влить – колпачок от бутылки, а Тихонков весь пузырь захерачил. Вот и вышла передозировка. Хорошо хоть сами в респираторах работали, а то полегли бы на этом участке вместе с жуком. В общем, картошке мандец пришел, окончательно и бесповоротно. И я-то, дурак, знал, как разбавлять надо, а не допетрил тогда, да и чемиргезу мы прилично выпили.

– Вся картошка погибла?

– Ясный палец! Ботва начисто сгорела, а без ботвы че тебе вырастет? Но, что обидно, – жук, козлище, даже по жженным грядкам ползает. И на соседских участках его видимо-невидимо. Ради чего свой участок сгубили?

– Коль? Ну-ка, подожди базарить. – Костя принялся вглядываться в темноту. Валуны перед входом в ущелье иногда ярко освещались мгновенными вспышками молний.

– Ты че там увидал? – почувствовав в голосе друга нотку тревоги, спросил Николай.

– Мне кажется, Коль, что-то между камней передвигается.

– Где?

– Вон там, у самого входа.

Коля тоже стал всматриваться. Очередная вспышка почти ослепила его, а раскат заставил вздрогнуть.

– Ну ты, черт. Нет там никого. Это у тебя глюки. Ты смотри подольше, скоро и горы в пляс пойдут.

– Да говорю тебе, есть там кто-то.

– Да где, твою мать?

– Меж камней.

– Ну, блин, достал. Дай-ка я по-своему проверю, но, если ничего не замечу, пойдешь за куревом, мои промокли на хер.

Николай взял один из небольших валунов в прицел, закрыл глаза, стараясь держать пулемет в неподвижном положении. Через минуту он открыл глаза. Валуна перед прицелом не было. Он был, конечно, но находился немного левее.

– Ну что, Коль?

– Погоди, надо еще раз.

Он проделал подобную манипуляцию несколько раз, и валун или что-то, скрывающееся за ним, все уходил, забирая левее. Пока вместо него справа не приблизился другой.

– Кость, а похоже, ты прав. Там кто-то ползает, и не один.

– Там же минное поле.

– Угу! Значит, че? А то, что духи вышли на разминирование. А может, от грозы у нас у обоих глюки? Ты вот что, давай дергай на КНП, доложи, а я еще понаблюдаю.

Костя ушел в лабиринт ходов сообщения. Офицеры в это время отдыхали, только лейтенант Лузгин – дежурный – дремал в тамбуре блиндажа, положив голову на стол. Сержант-связист тоже дремал у своего аппарата. При появлении Ветрова сержант и лейтенант встрепенулись.

– Ты что шатаешься по позиции? – спросил Лузгин.

– Мне бы командира роты, товарищ лейтенант.

– А может, самого министра обороны? Я тебе что?

– Мне нужен командир роты, – громко, во весь голос повторил Костя.

– Ты чего орешь?

– Что здесь происходит? – раздался голос Доронина, и он, немного заспанный, вышел из-за полога. – Что случилось? Почему, Ветров, пререкаетесь с дежурным офицером?

Костя проигнорировал вопрос ротного.

– Там, товарищ старший лейтенант, с поста мы с рядовым Горшковым заметили что-то похожее на движение людей по минным полям, слева и справа от Косых Ворот.

– Приснилось поди? – прокомментировал Лузгин.

– А ну помолчи, лейтенант. Иди проверь левый фланг. Продолжай, Ветров.

Но продолжением послужила длинная пулеметная очередь и отчаянный крик Коляна: «Духи-и!» Одновременно с Малой высоты ударил такой же «РПК» и сделала несколько коротких очередей одна из боевых машин.

– Поднять людей! Всем на позиции.

Жившие ожиданием надвигающейся опасности, люди мгновенно проснулись и бросились по местам.

Со стороны ущелья раздалось несколько автоматных очередей. В ответ ударили пулеметы.

– Прекратить огонь! – подал команду Доронин, бросившись на правый фланг.

– Почему стрелял, Горшков? – спросил ротный.

– Духи там, товарищ старший лейтенант, – захлебываясь от волнения, докладывал Колян, – гадам буду. Это Ветров их усек, я поначалу не видел. А потом он ушел к вам, я вгляделся, благо гроза чуть спала, а то так и слепит...

– Короче, Горшков.

– Я и говорю. Всмотрелся в один валун, лежит вроде, как камень, а потом трепыхнулся и махнул, вроде как рукой. А тут рядом с ним валуны начали двигаться, зашевелились. Я въехал – не валуны это, а чурбаны по полям шарят, мины снимают. Ну и лупанул по ним. Там закричали, сам слышал. А когда с той высоты стрельнули, они в полный рост поднялись, огрызнулись из автоматов и свалили за скалу. Я им вдогонку послал пару очередей, но попал или нет, не знаю.

– И много было этих живых валунов?

– Не-е, может, десять. Может, чуть поболее. А может, и меньше, как их сосчитаешь в такой свистопляске? Еще гроза эта. Одни блики огненные в глазах.

– А почему связью не воспользовались? Вот же аппарат стоит, почему по нему не доложили?

Николай виновато посмотрел на телефон, пожал плечами. Он на самом деле не мог объяснить, почему не воспользовался связью, а сразу отправил в штаб Костю.

– Растерялся, наверное, товарищ старший лейтенант.

– Ладно, только в следующий раз не забывайте, что у вас есть связь.

Забывтый в углублении окопа «ТАИ-43» слабо заверещал.

– Слушаю, Доронин!

– Это Егоров. Кто это у тебя такой глазастый, чехов на минах определил?

– Горшков и Ветров. А почему ты спросил?

– Мои давно засекли неладное возле Ворот, но точно классифицировать обстановку не смогли. Пока твои не подняли чехов. Кстати, спроси, как они определили их?

Доронин спросил у Горшкова, тот объяснил свой метод, по справедливости отдав должное Ветрову, который первым обратил внимание на непонятное движение. Александр передал Егорову ответ бойца.

– Вот как? Ну молодчики твои пацаны. Охотники, что ли?

– Это ты у них сам спросишь. Сейчас что будем делать?

– Уже рассветает, скоро буду у тебя. Обсудим.

Доронин положил трубку, посмотрел на Николая с Костей, которые никак не могли определить – правильно ли поступили или в очередной раз лоханулись? Сомнения снял командир роты:

– Молодцы, ребята, от имени службы объявляю вам благодарность. Особенно тебе, Горшков, за решительные и своевременные действия. Молодцы!

С этим Доронин покинул позицию. Николай перезарядил пулемет, посмотрел на Костю, который, в свою очередь, с уважением смотрел на друга.

– Как думаешь, Кость, завалил я кого?

– А что, хотелось бы?

– Не знаю. Но они же сами лезли и отстреливались? Че? Смотреть, пока они нам башни спилят?

– Ты правильно все сделал, и командир тебя похвалил.

– Время-то сколько?

– Не знаю, я в темноте часы разбил.

– Похвалил. Менять-то нас думают? А то я до самых яиц промок. И че толку в этой плащ-палатке?

– Может, сменят, а может, всех оставят на позициях.

Егоров прибыл с Малой высоты. Связались с Орлом. У них все было тихо. После короткой вылазки молчало, не подавало признаков чьего-либо присутствия и само ущелье.

– Доложить комбату? – спросил Доронин.

– А толку? Хоть и положено. Как знаешь, ты командир.

Зашел капитан Ланевский.

– Ну что, пехота? Прощупывают нас чехи? Прощупывают. Разведку бы надо.

– И как ты это себе представляешь? По хребту, что ли? Кстати, а кто Шаха видел? Я что-то со вчерашнего дня его не наблюдаю, – спросил Егоров. Доронин тоже не знал, куда делся чеченец. Валера продолжил: – Если он ушел, то будут нам разведанные, Шах так просто не уходит.

– Кто такой Шах? – спросил Ланевский.

Ему объяснили. Кратко посоветовавшись, офицеры решили было позавтракать, но «зеленка» за высотой содрогнулась и буквально окуталась огненными «грибами» многочисленных взрывов. Оглушительный грохот лишил на некоторое время способности что-либо понимать. Внезапность и, главное, необъяснимость происшедшего ошеломили всех. Люди растерялись.

Бойцы непроизвольно попадали на дно окопов. Из ушей некоторых сочилась кровь. Санитары кинулись по траншеям оказывать посильную помощь. Первыми пришли в себя офицеры.

– Что за дела? – обвел взглядом сослуживцев Доронин.

– Насколько я понимаю, рванула «зеленка», – сказал Егоров. – Но как? Почему? Почему рвануло все сразу?

– «Чушка», – коротко бросил Ланевский.

– Не понял.

– «Чушка», – повторил Жора. – Чехам каким-то образом удалось доставить в лес ликвидатор минных полей.

– Что еще за «чушка»?

– Не встречались? Интересная и очень полезная штука. Выстреливается этакая болванка, которая тянет за собой кабель приличного сечения. Этот хвост представляет собой пороховой заряд, при падении на землю взрывается по всей длине и вызывает детонацию установленных мин. Из сего следует, что им удалось провести противоминный маневр. Так что, господа, мы получили еще метров двести открытого фронта, с явными преимуществами той стороны.

– Но крупных сил сосредоточить там невозможно.

– Тем не менее заноза нам в задницу приличная. Надо корректировать схему обороны.
– Зачем? Они детонировали мины в лесу, но еще осталась полоса перед высотой. Да и сил у нас не хватит полноценно укрепить все стороны, даже используя, Жора, твой взвод. – Егоров по-своему оценивал обстановку. – Сейчас возьму с собой отделение и пройду по чертовой «зеленке». Посмотрим, откуда они взбираются из ущелья.

– Предлагаешь зачистку?

– Именно.

– Логично, – поддержал Егорова Ланевский.

– Хорошо, – принял решение Доронин, – но только ты, Валера, останешься здесь. А в остальном действуй как считаешь нужным.

– Ну здесь так здесь. Связист? Дай связь с Малой.

Он вызвал незаменимого Голикова, и тот, поняв с полуслова командира, увел небольшой отряд в развороченные и дымящиеся заросли раненого леса. Задача десантников состояла в том, чтобы провести разведку. Обнаружив противника, определить его численность. Мелкую группу – уничтожить, с крупными силами, выше взвода, в огневой контакт не вступать, отойти на позиции. При отсутствии боевиков выйти к ущелью, определить места их подъема, по возможности сделать тропы непригодными для дальнейшего использования.

Но едва отряд Голикова скрылся в зарослях, как тут же попал под плотный огонь противника. Стреляли со всех сторон. Стало очевидным, что в «зеленке» успела сосредоточиться внушительная банда. Десантники залегли, открыв ответный огонь. Голиков связался с командиром.

Егоров понял, что произошло непоправимое. Он поторопился, не просчитав обстановку, как делал это всегда, и в результате послал своих ребят прямо в засаду. Валера, услышав грохот развернувшегося боя, застонал. В это время его и вызвал сержант:

– Командир, в «зеленке» крупные силы, мы зажаты с трех сторон. Духов до черта. Приняли бой. Как понял, командир?

– Понял, Дима! Давайте назад, ребята. Возможность отхода есть?

– Нет. Это исключено. Мы в прямом контакте. Есть потери.

– Держитесь, иду на помощь.

– Не делай этого, командир, людей погубишь! – кричал в рацию раненый сержант.

Но Егоров ничего не слышал. Сорвав трубку «ТАИ», он коротко бросил:

– Все ко мне! – И, подняв со стола автомат, скорее потребовал, чем обратился к Доронину: – Дай взвод! И прикрой огнем.

– Не дури, Валера! Нельзя идти в «зеленку».

– Не дашь? Хер с тобой! Пойду со своими.

Доронин схватил Егорова за грудки:

– Стоять, капитан! Никаких движений! Ты не в себе. Своим в «зеленке» уже не поможешь, остальных погубить хочешь?

– Лапы убери, старлей! Ты охерел? Там – пацаны мои. – Егоров был в бешенстве, почти в истерике.

Огонь в лесу стал затихать, прозвучал вызывающий сигнал рации. Валера бросился к ней.

– Слушаю, Егоров!

– Командир... все... конец... команд...

И тут же чей-то чужой ломаный голос:

– Командир? Егоров? Слышишь миня?

– Ты кто, тварь?

– Я? Э-э, я тот, кто резать тебя пришел, свинья русский. Зачем молчишь? Ругайся, да? Тут твоя еще есть один-два живой, сейчас башкам резать будим, тебе кидать будим. Ха-ха-ха, – рассмеялся в эфир ненавистный голос.

Егоров побледнел, сжал аппарат с такой силой, что задрожала рука. Почти не разжимая губы, он произнес:

– Тебе конец, сука, я достану тебя в аду, ублюдок, понял меня, тварина?

В ответ только сильнее смех.

Пока Егоров разговаривал с неизвестным, Доронин вызвал корректировщика:

– Огонь по «зеленке», прапорщик, залпом, понял? Быстро!

– Есть.

Корректировщик оперативно определился по карте и местности, связался со штабом артиллерии. Через несколько минут над высотами прошелся легкий шелест, и лес вздыбился от разрывов мощных, 152-миллиметровых снарядов. Первая волна артралета, практически без перерыва, сменилась второй, третьей, превращая лесной массив в горящий ад, выхода из которого не было никому. Огонь велся настолько плотно и близко от позиций по всему фронту «зеленки», что личному составу пришлось укрыться в траншеях от летящих во все стороны расплавленных осколков, камней, фрагментов деревьев. Налет длился не более пяти минут. Затем наступила тишина, только клубы дыма от горящей древесины и ядовитая пороховая гарь густым туманом накрыли то, что недавно называлось «зеленкой».

Егоров наблюдал через амбразуру блиндажа работу артиллеристов, продолжая держать в руке рацию. Когда все закончилось, он поднес ее ко рту:

– Ну что, тварь, поговорим?

Ответа не последовало.

– Вот так, тварь. Теперь ты на небесах головы будешь резать, вонючка черножопая.

Он бросил рацию, сел за стол, сжал руками голову. Доронин и Ланевский не успокаивали капитана, понимая всю бесполезность слов.

Пораженный в самое сердце гибелью посланных им лично подчиненных, Егоров должен был справиться со своей болью сам. Его оставили одного.

В 7.00 поступил доклад Орла. Пост сообщал о том, что вдоль гор скапливается отряд. Силы подходят, видимо, через неизвестный проход. Доронин принял доклад Орла, отдал распоряжение вести наблюдение, не вступая без приказа в бой. После этого Александр вернулся на КНП.

Егоров, печально глядя куда-то в сторону, произнес:

– Тела ребят вынести бы надо.

– Вынесем, Валер, будет чуть поспокойней, вынесем обязательно, всех до одного.

– Что мешает сделать это сейчас?

– Орел доложил – видит противника, он собирается в стаю.

– Опять метят в балку?

– Скорее всего.

– И вновь по тому же сценарию? Впереди «живой щит»?

– Пока не знаю, но вполне вероятно. Ты вот что, Валер, принимай Малую. Скорее всего, ударят сначала по ней.

– Это уж как пить дать. Ладно. Иду на высоту. Да, Сань, если чехи пойдут в балку по прежней схеме, огневую точку не раскрывай, пусть остается в резерве. Спасать заложников тоже не имеет смысла, а то останемся мы со своим благородством без людей.

– Значит, будем гробить невинных?

– А невинных здесь нет. Среди чехов тем более. Если бы эти невинные захотели, то давно удавили бы своих боевиков, ведь те из их же среды, из их племен, из их народа. А они ни нашим, ни нашим. Раз попали, как бараны, то пусть свои проблемы решают сами. Одних отбили, отпустили, а потом из аула по нам стрелять начали. Кто? Не они ли, эти невинные?

– Ты ожесточился.

– Ожесточился? Не совсем верно, старик. Меня ненависть и жажда мести сжигают. И огонь этот настолько силен, что жалость и гуманизм во мне превратились в пепел.

– Я понимаю.

– И на том спасибо. Пошел я.

Валера вышел, дойдя до той отметки, при которой смыслом жизни становится только война и все действия и помыслы подчинены одному – убивать врага. Как можно быстрее и как можно больше.

Доронин вызвал Орла:

– Орел! Первый на связи!

– Слушаю, Первый.

– Доложите обстановку.

– Все по-прежнему. Народу у бандитов прибавляется, но на открытое место пока не выходят, прижимаются к скалам.

– Повторяю, без команды огонь не открывать, только наблюдать и докладывать, что бы ни происходило.

– Ясно, Первый.

– Как настроение?

– Наших много полегло?

– С Голиковым десять.

– Мать твою! И Диму тоже?

– И Диму. Вот такие дела, ребята.

– Понятно.

– В общем, чуть что, начало движения или еще какие заморочки, сразу доклад.

– Понял, Первый. Один вопрос.

– Да?

– Как командир?

– А как он может быть? Кипит весь.

– Оно и понятно. Вы его сдерживайте, а то, если в разнос пойдет, – мало не покажется.

– Учту. До связи.

– До связи.

7.35. Прошел сигнал о выходе боевиков из Косых Ворот. Информация продублировалась по обеим высотам.

Доронин быстро направился на фланг, к пулеметной точке Горшкова. Именно Колян первым увидел людей, показавшихся в проходе.

– Ну что здесь?

– Да вон, товарищ старший лейтенант, глядите сами, выстроились в шеренги. У них че, крыши посрывало? Открыто строиться?

Доронин ничего не ответил. Он смотрел, как выстраиваются две шеренги, словно устанавливаются на стрельбище ростовые мишени. Ничем не защищенные, открытые для поражения. Живой щит из заложников? Он задумался. Надо принимать решение. Совсем скоро эти безоружные люди пойдут вперед, своими жизнями уничтожить минные поля и прикрывать бандитов. Он принял решение. Взяв трубку «ТАИ», Доронин передал по высотам:

– Всем позициям! В случае начала движения людей со стороны Косых Ворот открывать огонь на поражение, чтобы не допустить продвижения вперед даже на несколько метров. Выполнять!

– Горшков, Ветров? – обратился ротный к солдатам, как только положил трубку. – Слышали приказ?

– Так точно.

– Вас он касается в первую очередь, вы у нас на самом переднем крае.

– Так точно.

– И давайте без вопросов, – прервал Доронин попытку солдат вступить в разговор, – валить всех без разбора.

– Поняли, товарищ старший лейтенант, – ответил за двоих Колян.

Командир роты отошел в соседнюю ячейку, через окуляры бинокля рассматривая обреченных. Было ли ему жалко их, безоружных? Было. Но сейчас главенствуют жестокие законы войны, и они компромиссов не допускают. Уж своих-то ему было жалко не меньше.

Поймав себя на мысли, что не доложил комбату о происшедшем, он убрал бинокль и отправился на КНП. Подполковник внимательно, молча выслушал доклад. Да и что он мог сказать? Роте необходимо подкрепление, а не слова. А вот подкрепления у комбата как раз и не было. Но он доложил наверх, без особой надежды, что его услышат и поймут.

Шеренги безоружных людей, постояв какое-то время, начали движение. Их явно подгоняли сзади. Слышны были короткие, как выстрелы, команды.

Николай припал к пулемету. Руки немного дрожали. Ну еще шаг, еще, никак не решался Колян нажать на спусковой крючок. Шаг был сделан, и с высот открыли огонь. Сначала пулемет с Малой, потом еще и еще, пока не начали стрелять со всех сторон. Николай, повинувшись общему порыву, дал длинную очередь. И стрелял он в людей. И отчетливо видел, как они падают, пораженные свинцом, но продолжал стрелять, пока там, в проходе, не прекратилось движение.

Почти одновременно с воздуха зарокотали вертолеты. Три «Ми-24». Они заходили со стороны аула, прошли над высотами, затем разделились. Двое нацелились на Ворота и ущелье за ними, один, немного набрав высоты, пошел туда, где Орел наблюдал скопление боевиков. Летчики, видимо, были хорошо информированы о реальной обстановке. Поэтому стоило двойке машин зайти на ущелье, как они с ходу открыли огонь «НУРами» – неуправляемыми реактивными снарядами. Значит, видели противника. То же сделал и третий вертолет. Обогнув скалу и оказавшись над местом сбора боевиков, он ударил всеми видами своего вооружения.

Костя с напряжением следил за действиями летчиков. Когда-то вот так же, на такой же боевой машине его отец воевал в Афганистане. И резкой болью отдалось то, что произошло дальше. С земли к одному из вертолетов метнулась молния, он мгновенно вспыхнул, остановив на доли секунды полет, и, разваливаясь на обломки, рухнул на землю.

– Вот суки, с чего это они пальнули? – удивленно спросил Колян, глядя на горящие обломки вертолета. – Кость? Ты че застыл?

– А?.. Видел?

– Видел, не слепой. А из чего его приземлили?

– Не знаю.

– Смотри, Кость, еще один горит.

Второй подбитый вертолет, окутанный клубами черного дыма, уходил от ущелья. Пилот пока держал управление, но машина горела, и долго летчик так протянуть не мог. Третья машина, прикрывая своего раненого собрата, огрызлась пушечным огнем. Вдруг в воздухе раздался взрыв. Не дотянул пилот до подходящей площадки, машина рванула, так и не коснувшись земли. Оставшийся целым вертолет сделал облет места падения своих друзей, развернулся и, набирая высоту и скорость, ушел под нависшие над землей свинцовые облака.

* * *

Доронин, Егоров и Ланевский наблюдали за действиями вертолетов. Валера мрачно выругался:

– Но почему «звено»? Почему только три машины? Без разведки? Когда же этот бардак кончится? Когда воевать научимся? А все их разведанные. Суки, погубили ребят. Почему

нам не верят? Кто может объяснить? Только не надо, Жора, списывать все на то, что не успели войска подвести.

– Не буду, – сказал Ланевский, – а насчет бардака... Без него мы не можем. Бардак – аксиома, закон нашей жизни.

– Товарищ старший лейтенант, – в штабной отсек зашел связист, – вас Орел вызывает.

– Орел? Первый на связи.

– Первый! Отряд чехов двинулся к расщелине. Это они «вертушку» сожгли.

– Знаю. Сколько их?

– До черта!

– А точнее?

– Голов где-то сто пятьдесят – двести, и впереди человек сорок, как тогда. Что нам делать? Ввалить им?

– Ни в коем случае. Пусть идут в балку.

– Но там заложникам кранты?

– Я все сказал. Ты понял меня, Орел?

– Так точно, Первый!

– Вот и выполняй.

Доронин вернулся к офицерам.

– Те, за скалой, пошли к балке.

– Ну что ж, попутного им... в спину, – процедил Егоров.

– Отправляйся, Валер, к себе, будь готов отразить нападение.

– Я думаю, Сань, как боевики втянутся в балку, надо дать команду Орлу отрезать им выход.

– Ты же планировал их беречь как резерв?

– Вот для этого момента и берегли.

– Тогда соединишься с ними сам, все же они твои люди. Я буду на фланге.

– Добро.

Доронин вышел. Его сопровождал Ланевский, который никак не вмешивался в действия командира роты. Либо считая их правильными, либо понимая, что вмешиваться пока рано.

Навстречу по траншее бежал боец.

– Что еще? – спросил Доронин.

– Там, товарищ старший лейтенант, чеченец наш пришел.

– Шах?

– Наверное. Ранен он.

– Seriously?

– Не знаю. Пришел сам.

Александр поспешил к Шаху, вызвав медиков. Тот сидел, облокотясь о стенку окопа. Санструктор принялся перевязывать его.

– Как ты, Шах?

– Как видишь.

– Куда зацепило?

– В грудь. Ерунда. Пуля прошла навывлет. Нам надо поговорить.

– Давай после перевязки на КНП.

Доронин вышел на позицию Коляна и Кости.

– Ну как дела, орлы?

– Какие тут дела? Дела вокруг, а тут тишь да гладь.

– Вы, я смотрю, совсем промокли?

– Обсохнем.

– Если появятся в проходе бандиты, делать что знаете?

- Знаем.
- Боеприпасы в достатке?
- Пополнили, пару «цинков» поднесли, Ветров вон магазины набивает.
- Смотрите, мужики, стоять придется насмерть, не дрогнете?
- Не сомневайтесь.
- Я надеюсь на вас.
- Не подведем.

Николай выглядел явно смущенным, впервые с ними, с рядовыми, молодыми солдатами, так доверительно разговаривал офицер.

– В случае чего метаться не надо, даже если с тыла пойдет атака. У вас свой сектор, вот его и держите. Поняли?

- Так точно!
- Ну давайте, братки, держитесь – вы наш ротный авангард.

Доронин отправился обратно, стараясь подбодрить каждого, кто встречался ему на пути. Подходя к КНП, Александр услышал раскаты взрыва, и за Малой высотой, чуть далее, вверх стали подниматься огненные шары. Доронин понял. Заложники вошли в балку и рвутся на минах. С небольшим интервалом, за скалой, заработал пулемет. Бил он короткими и средними очередями. Войдя в командный пункт, Александр связался с Егоровым.

– Что у тебя, Валера?

– По докладу Орла заложники, человек тридцать, пошли балкой. Следом, на небольшом расстоянии, боевики. Как начали заложники рваться, бандиты залегли, но назад не повернули, а заставили «живой щит» двигаться дальше. После второй серии взрывов, потеряв почти всех «минеров», часть банды осталась в балке, часть начала отход. Их встретил пулеметный расчет Орла. Короче, в балке сейчас весь их отряд. Они там временно заперты. Но что-то надо предпринимать. Если у тех, кто в балке, есть связь с основными силами, то Орла скоро уберут.

– Что предлагаешь?

– Атаковать со стороны гор и выдавить боевиков дальше, на оставшиеся минные поля. Заодно и ребят снять.

– Какими силами считаешь нужным действовать?

– Двумя машинами с экипажами, только в десантные отсеки придется твоих подсаживать, сам понимаешь.

– Это я понимаю.

Трубку взял Ланевский:

– Подожди, Доронин. Пойдут мои люди. Черт его знает, дадут ли мне задержаться здесь или сегодня же отзовут. Так что пойдут мои.

– Я не против.

Через пятнадцать минут две «БМП», взревев мощными двигателями, рванулись за скалу, к началу балки. Но не знали командиры, а горный пост не заметил, что за большим валуном, под самой скалой, в нише, враг, извлекая урок из первого рейда боевых машин, организовал засаду. Как только «БМП» вышли к балке, прямо напротив засады, оттуда ударили гранатометы. Кумулятивные гранаты легко прожигали броню, создавая огромное давление и температуру внутри машин, что мгновенно вызвало детонацию боекомплекта, и в считанные секунды две грозные «БМП» превратились в оплавленный металлолом. Экипажи погибли мгновенно. Все это произошло на виду у горной огневой точки, но Орел никак не мог помочь своим. Позиция гранатометчиков находилась в мертвой, недосягаемой для поста зоне.

Ланевский, наблюдавший за действиями своих подчиненных, стал свидетелем подрыва обеих машин. Он оторвался от окуляров и с размаху ударил рукой по бревнам.

– Сожгли... Два экипажа сожгли. Как я, старый дурак, не предусмотрел, что вполне может быть засада? Как упустил?

Вышел на связь Орел. Он доложил, что противник оттянулся в глубь балки и ушел от прямого огневого контакта с точкой. Доронин приказал посту сняться с места и самостоятельно добраться до высот. Затем он задумался. Почему боевики, вместо того чтобы занять позиции на месте гибели «БМП» и тем самым приблизиться к обороне противника, ушли в глубь балки? Это было нелогично.

Шах зашел, когда Доронин собирался связаться с Восторженным.

– Подожди, старлей, выслушай сначала меня.

– Говори, Шах.

– Походил я по тылам, был на всех направлениях. Обстановка такая: в самом ущелье стволов восемьсот, не меньше, у них же минометы, станковые, безоткатные орудия, «стингеры» и ПЗРК «Стрела», из которых и сбили «вертушки». Часть этого основного отряда ушла вправо в горы, видимо, есть у них где-то возможность выйти на плоскогорье, минуя Косые Ворота, и обойти высоты если не с тыла, то с фланга. В ущелье под «зеленкой» тоже отряд. Там люди некоего Окулиста. Их человек сто – сто пятьдесят, может, двести. Вернее, было до артналета. В ауле тоже появились чужие. Почти в каждом доме по несколько вооруженных мужчин. Кольцо замыкается, старлей. Еще немного времени, и вы будете окружены. И тогда штурм. Штурм со всех направлений.

– Спасибо, успокоил, – подал голос Егоров.

– Говорю то, что знаю.

– И что предлагаешь, разведчик?

– Уходить. Что так смотришь на меня?

– Ты в своем уме? С Панкратовым не общался?

– Я в своем. Сметут они вас, ребята, теперь уже сметут, даже если после гибели «вертушек» ваши и встрепенутся наверху и направят подкрепление. Это уже не поможет. Помощь будет добираться сутки как минимум. Дороги в некоторых местах боевики наверняка «перережут», так что придется пробиваться с боем. А это потеря времени и сил. И десант здесь не сбросишь. Это ты, Валера, лучше меня понимаешь. А сутки продержаться – это слишком много. Поэтому и предлагаю уйти отсюда. Есть одна тропа, она недалеко отсюда. Если задымить местность, подорвать машины, по одному, меняя прикрытие, можно уйти.

– Шах, ты что, крышу потерял? Ты что предлагаешь? У нас приказ, приказ стоять здесь. И неужели ты думаешь, что я, потеряв здесь половину своих бойцов, брошу их и уйду? Какого черта ты предлагаешь такую херню? – возмутился Валера.

– Я предлагаю вариант, как людей спасти.

– Да пошел ты со своим вариантом. Я знать тебя после этого не хочу. Вали отсюда своей тропой, да по-скорому, не зли.

Шах вдруг улыбнулся, что было большой редкостью. Это заметил и Егоров, который подозрительно посмотрел на чеченца.

– Только не говори, Шах, что хотел проверить меня.

– Да нет. Слишком уж ты упертый, Валера.

– Не был бы упертым, давно бы на небесах обитал. Так ты уходишь?

– Конечно, нет. Ты помог мне, я помогу тебе. Таков закон.

– Тогда какого... порешь не знаю что.

– Подожди, капитан, – вступил в разговор Ланевский, – насколько я понял, уважаемый говорил о тропе, по которой можно уйти, так?

– Так.

– Если можно уйти, то можно и прийти?

– Объясни по-русски, Жора.

– Если подкреплению предстоит, судя по всему, прорываться к нам с боем, то почему не использовать эту тропу и не провести силы сюда скрытно? Названной тропой? Это сэкономит время.

– Кажется, я понимаю тебя, Жора. Сань! Давай карту, а ну, нерусский, показывай тропу. Шах подошел к карте и начертил на ней ломаную линию.

– И что, чехи про нее не знают?

– Мало кто знает из тех, кто здесь.

– Даже местные?

– Местные знают, но, даже имея информацию, воспользоваться ею не удастся. Полностью перекрыть тропу невозможно.

– Почему?

– Да какая тебе разница? Долго объяснять. Рельеф не позволяет, устраивает тебя?

– Вполне.

Вошел связист:

– Товарищ старший лейтенант, Восторженный на связи.

Доронин включился:

– Высота слушает.

– Высота, я – Восторженный, доложи обстановку, только кратко.

Доронин изложил суть происходящего.

– У меня для тебя хорошая новость, Высота. Командование решило усилить вас.

– Вовремя решило. Когда люди погибли, две «БМП» сгорели, сбили «вертушки». Очень своевременно. А чего еще денек не поразмышляли?

– Ты там того не этого, понял?

– Понял.

– К вам идет коробка «ДШ», к утру должны подойти к высотам.

– Тогда вот что, Восторженный. Часть коробки направьте маршрутом... – Доронин указал ориентиры потайной тропы.

– Это еще зачем?

– Так надо.

– Добро, раз надо.

– Конец связи, Восторженный.

Доронин вернулся за стол, оглядел присутствующих.

– К нам идет десантно-штурмовой батальон.

– Вовремя, ничего не скажешь. Почему не сутками раньше? Бардак, он и есть бардак, нет других слов, – прокомментировал известие Егоров. – Шах!

– Говори.

– Вот ты в прошлом сам боевик. Не прими за обиду. Ответь только, как думаешь, когда ожидать штурма?

– В любое время. Может, с минуты на минуту.

– А может, до утра подождут?

– Нет, Валера, все начнется и кончится сегодня, до захода солнца, мне кажется, Теймураз прекрасно понимает, что промедление, как говорится, смерти подобно, а ему нужны эти высоты до подхода подкрепления федеральных сил.

– Тогда что же? По местам? Командуй, командир.

Доронин встал.

– Слушай боевой приказ. В целях обеспечения выполнения поставленной задачи приказываю организовать круговую оборону. При появлении противника открывать огонь всеми имеющимися средствами. Боезапас экономить. Отстреляв боекомплект, встречать противника врукопашную, тем самым вновь вооружаясь. Стоять на высотах до конца. Покинувших свои

позиции и побежавших уничтожать, как врага. Командование на Большой высоте принимаю на себя, на Малой возлагаю на капитана Егорова. Капитану Ланевскому обеспечить огневое прикрытие со стороны аула и остатков лесного массива. Общее руководство опорным пунктом осуществляю я. Все изменения в дислокации – только по моему приказу. В случае моей гибели или выхода из строя командование сводной ротой переходит к капитану Егорову, далее по команде к командирам взводов. Связь держать постоянно. Это все! Товарищи офицеры! – Офицеры поднялись. – Будут ко мне вопросы?

– Ясно все!

– Выполнять приказ!

– Есть!

Николай внимательно следил за Косыми Воротами. Рядом находился его друг. Они молча всматривались в горный проход. Время приближалось к полудню. Вновь начался дождь и поднялся ветер. Сколько продлится затишье перед боем, не знал никто.

Костя сел на дно окопа. Колян продолжал стоять, контролируя свой сектор.

– Коль? – позвал друга Костя.

– Ну?

– Ты мне вот о жизни своей веселой, деревенской, рассказывал.

– И че?

– Хочу спросить. Представь, вот сейчас, если бы кончился бой, чехи отвалили бы, нас вернули в часть и дембельнули, что ты первым делом сделал бы?

– Я? Нажрался бы до чертиков.

– А если серьезно?

– Серьезно? Че об этом говорить? Не будет же ничего, и не уйдем мы с этих проклятых высот. Судьба, видать, нам такая – подохнуть здесь.

– Я слышал, Шах про какую-то тропу говорил командиру, мол, уйти по ней можно. А Шах пустозвонить не будет.

– Не пойму, о чем это ты?

– Может, Доронин решится и даст команду на отход?

– Да? А раненые? Их что, бросить здесь? Или пристрелить?

– Я не о том, Коль.

– А о чем, объясни?

– Да так.

– Тогда думай, что говоришь. Сам же не уйдешь, че попусту бакланить?

– Не уйду. Просто подыхать неохота молодым.

– Подыхать никому неохота и никогда.

– Может, помощь подойдет?

– Может, и подойдет, но дожидаться ее мы вряд ли успеем. Еще пара мощных атак, и сметут нас к едрене фене.

– Это точно. Я знаешь о чем думаю? Какой же я балбес был на гражданке. Гулял, пил, дерзил, жил в пьяном тумане. Вспомнить дельного нечего. Не то что дни, месяцы не считал. А сейчас? Сейчас другое дело. Сейчас бы за денек дома, казалось, все отдал бы. Даже согласился бы вернуться обратно, сюда, вот в этот самый окоп. Лишь бы дали жизни глотнуть немного. Просто одни сутки побыть дома.

– Не скули, Кость. Каждый сейчас дорого заплатил бы за такие сутки. Я вот тоже, ну что в жизни видел, кроме своей деревни да сейчас этих гор, пропади они пропадом? Да ничего. Тоже пьянки, драки, ерунда разная. И думал, так и должно быть. Как же иначе? А ведь можно и иначе. Но что об этом говорить? Все же права была наша деревенская Глоба – смерть моя

громкой будет, это точняк. А ведь говорила – не принесешь яйца, не сбудется ничего. Обманула, плесень.

– Да ладно, ты че, веришь в пророчество какой-то старухи?

– Тут верь не верь, а все по-ейному складывается.

– И все же, Коль, если выберемся из этой переделки, что будешь делать? Вернешься в деревню после службы?

– Сначала, конечно, к предкам. А потом куда-нибудь в город. Учиться буду. А не поступлю, в контрактники подамся. В десант.

– А я женюсь, Коль.

– Ну и дурак.

– Почему дурак? Женюсь, тебя в свидетели приглашу, сниму квартиру, на работу устроюсь и заочно в университет.

– Помечтай! Чтоб быть женатым, работать, да еще в университет? Ничего у тебя не выйдет. Ты уж выбирай – либо работать, либо учиться.

– Думаешь, не потяну?

– Хорош пургу гнать! Сначала отсюда, вот из этого окопа, выйти надо. Эх, блин, наступали бы, что ли? Не могу терпеть. Тошно. У нас сколько патронов осталось?

– Цинк.

– Значит, магазинов на тридцать. Сходил бы еще выпросил.

– Сами принесут.

– А тебе трудно? Вот кончатся в бою, запрыгаешь тогда. Иди сходи.

– Ладно.

Костя неохотно встал, пошел по траншее к КНП, где хранились поскудевшие остатки рогатого арсенала.

Колян продолжал наблюдение. Разговор с Костей разбередил ему душу. Стало так жалко себя и обидно за бессилие что-либо изменить, что слеза невольно пробежала по щеке. Колян быстро смахнул ее, не дай бог кто увидит, и крепко прижал приклад своего «РПК» к плечу.

Костя вернулся скоро. Принес еще один цинковый ящик патронов.

И тут же затишье закончилось. На позициях стали рваться мины, пущенные откуда-то с гор. Стреляли довольно прицельно, и мины ложились либо в цель, либо совсем рядом, осыпая укрывшихся бойцов градом раскаленных осколков. В траншее раздались крики боли.

Колян, прижавшись к стене окопа, заговорил:

– Этого нам только не хватало. А лепят-то как, почти все в цель.

– Ты же сам говорил, что минометы – это фуфло и точно бить из них невозможно.

– А я и сейчас говорю, что фуфло. Только разница, в чьих руках эти проклятые трубы. Наши – так мимо били, а эти ничего, кучно, чтоб им сдохнуть.

Минометный обстрел резко прекратился.

– По нервам бьют, Кость. Мол, сидите, тряситесь, ждите, когда по новой влупим. Козлы!

Николай приподнял голову, выглянул наружу и тут же выкрикнул:

– Шухер, пацаны, духи идут!

Он выбросил ствол пулемета на бруствер, не выдвигая опор, и, прицелившись, дал короткую очередь.

– А, падла! Получил?

Коля ругался и стрелял. Весь опорный пункт открыл огонь. Боевики короткими перебежками, от валуна к валуну, подкатывали все ближе, неся большие потери. Но из прохода шла очередная партия, и, несмотря на плотный огонь, враг неумолимо приближался. Костя стрелял из своего «АК-47». Он старался бить прицельно, экономя патроны, и ему удавалось удерживать короткие очереди.

– Костя! – крикнул Колян, который вошел в бой и успел адаптироваться. – Побереги патроны. Брось свой автомат, забей лучше магазины, а то у меня скоро кончатся.

Костя подчинился просьбе друга.

Сзади по брустверу вздыбились фонтанчики земли, и мелкие осколки камня больно ударили по незащищенным местам.

– Коль! Сзади бьют!

– Хер с ними. Там есть кому отбиваться. Наша задача – наш сектор. Ну и прут, суки!

По приказу Доронина ударили зенитные установки. Отрывисто и хлестко стреляли пушки боевых машин. В небе вновь противно завывало, и на позиции обрушилась очередная порция мин, заставляя обороняющихся на время прекратить огонь и укрыться. Только орудия «БМП» и «БМД» продолжали вести огонь, сдерживая наступательный порыв атакующих. Одна из мин попала прямо в зенитную установку Большой высоты, разворотив ее. А может, это была и не мина, но как бы то ни было, зенитки больше не существовало, как и ее расчета. Малая высота перенесла огонь на балку, откуда появились боевики.

Они так же, перебежками, пытались пробиться на расстояние метания гранат, но, попав под обстрел и выйдя на полосу минного поля, понесли потери и вернулись в балку.

Основная же масса валила из прохода Косых Ворот непрерывно, как вода через горлышко опрокинутой бутылки. Мощи опорного пункта, как и говорил опытный Ланевский, явно не хватало. Укрывшиеся за валунами снайперы противника выхватывали из траншей головы обороняющихся и метко поражали их. Делали свое дело и многочисленные осколки расколотых пулями камней. Один из бойцов с диким воплем откинулся от бруствера на противоположную стенку окопа. Все его лицо было разбито мелким камнем, глаза вытекли.

Рота несла потери.

Доронин вновь вызвал корректировщика и приказал вызвать огонь на сектор, охватывающий Ворота, пространство перед ними и часть ущелья. Артиллерия не заставила себя долго ждать, и вскоре указанный район покрылся огромными грибами разрывов. Залп орудий нанес приличный урон противнику, заставил того залечь, но назад боевиков не повернул. Возникла короткая передышка. Доронин доложил Восторженному об интенсивности боя, о превосходящих силах противника и попросил авиационной поддержки.

Восторженный пообещал что-нибудь предпринять.

Александр переговорил с Егоровым, определили потери – двадцать восемь человек убиты, восемнадцать – ранены, из них около десяти – тяжело. Уничтожена зенитная установка, и, что очень неприятно, на Малой повреждена «БМД». Во время вылазки из балки гранатометчик духов успел-таки прицельно выстрелить. Заряд попал в подствольное пространство и вывернул башню. Боекомплект расстрелян примерно на треть. Это означало, что еще две такие атаки – и рота останется безоружной. Вопрос в том, хватит ли боевикам сил еще дважды так мощно штурмовать высоты? По самым скромным подсчетам, потерять они должны были не менее сотни от прямого огневого контакта с ротой и вдвое больше от арналета. Это при том, что неизвестной оставалась обстановка в ущелье. Но и там наверняка бандитам досталось не слабо.

Дождь продолжался, но никто на него внимания не обращал.

Колян опустился на дно окопа, прикурил сигарету. Костя остался наблюдать из-за укрытия за сектором.

– А не хило мы им подкинули, правда, Кость?

– Не хило. Но больше артиллерия ввалила им.

– Ну и артиллерия, конечно, – согласился Коля, смачно вдыхая табачный дым.

Из-за поворота траншеи показался Гольдин. Во время минометного налета одна из мин разорвалась за бруствером совсем рядом с ним, и, контуженный, сержант плохо соображал, что делает.

– Смотри, Кость! Явление Христа народу. Ты че, Голь, такой потерянный?

Тот шел, шатаясь и тихо бормоча:

– Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре...

– Че он там бормочет, Кость?

– Не знаю, считает что-то.

– Эй, Голь? Крышу потерял? Че лопочешь-то?

– Отстань от него, Коль, видишь, человек не в себе.

– Так че шараться, если не в себе? Сиди тогда в окопе, чего людей пугать?

Гольдин подошел к ячейке Коляна, о чем-то задумался, вдруг рывком перемахнул через бруствер и оказался на открытом склоне.

– Куда, дурила? – успел только выкрикнуть Николай.

Тут же из-за валунов ударила автоматная очередь. Пули, перебив ноги, заставили Гольдина упасть. Сильная боль прояснила его контуженный разум.

– Убьют ведь дурака, – резонно предположил Колян, – а ну, Кость, прикрой меня.

– Ты что удумал?

– Не бросать же его, прикрой, я сказал!

Костя открыл огонь длинными очередями, Николай в это время выпрыгнул из окопа и подкатился к сержанту.

Это увидел с Малой и Егоров. Он тут же приказал открыть шквальный огонь, наблюдая за попытками солдата спасти сержанта.

Колян, очутившись рядом с Гольдиным, спросил:

– Живой?

– Живой. Только ноги вот.

– Ноги – мелочь, давай держись за меня, надо сваливать обратно, пока не добились нас тут, как куропаток безмозглых.

Как бы в подтверждение, что-то сильно ударило Коляну в спину.

– А ну шевели мослами! – крикнул он.

– Ноги, – продолжать стонать Гольдин.

– Локтями работай. А то замочат нас сейчас.

Гольдин начал двигаться, подталкиваемый Николаем. Еще череда фонтанчиков прошла совсем рядом. Колян напрягся изо всех сил и перебросил тело сержанта в окоп, следом перевалялся сам. И тут же по брустверу прошлась очередь.

– Фу, блин! Пронесло. – Николай сидел на корточках, глядя на Гольдина. – Ну и тяжел ты, Голь. А знаешь почему? Говна в тебе много и дури. Ты че, опупел? Куда перся-то, чудила?

Но сержант молчал. Быстро подбежали санитары и унесли раненого. Колян закурил. Костя с восхищением смотрел на друга.

– А ты герой, Коль!

– Да пошел ты... со своими подколами.

– Нет, я серьезно, ты же командира вытащил на себе с поля боя.

– Нашел командира. Ну вытащил, и че? Смени тему.

Николай попытался встать, но сильная боль в спине усадила его обратно.

– Ты ранен, Коль? – встревожился Костя.

– Да нет. Пуля в бронежилет попала, больно, словно кирпичом уделали меж лопаток.

– Вызвать медпомощь?

– Ага! Набери вон по аппарату 03.

– Я серьезно.

– Я тоже серьезно. Ты на меня-то не смотри, следи за сектором. Я сейчас встану.

После того как Колян под огнем вытащил Гольдина, Егоров позвонил Доронину.

– Кто это у тебя такой геройский?

- Что раненого вытащил? Горшков опять отличился.
- Молодец пацан!
- Согласен. У тебя там что? Как балка?
- Балка молчит, но черт его знает, может, туда стягиваются силы. Ты авиацию запрашивал?
- Да.
- Что-то не торопятся летуны. Да их понять можно. Какой толк лезть на «стингеры»?
- Думаешь, не поддержат с воздуха?
- Не знаю. Скорее всего – нет.
- Бойцы Орла вернулись?
- Вернулись.
- Тогда до связи, Валер!
- До связи!

В окопе, где держали оборону Смагин и Кузнецов, царила паника. Вскоре к ним приполз Коркин. Никто из них не был ранен, но морально они были убиты еще первой атакой.

- Пацаны, – скулил Смага, – кранты нам приходят. Надо что-то делать.
- А че здесь сделаешь? – ответил вопросом Корявый.
- Чухать отсюда надо, – предложил Кузя.
- Куда?
- Да хоть в «зеленку» дальнюю.
- Ага! А там чехи!
- Ну и че? Лучше к «духам», чем тут ждать, когда тебя разнесет на куски.
- Если свалить, то когда пойдет атака. И рвать к каньону через сгоревший лес.
- Может, и прорвемся, бежать-то придется метров сто пятьдесят.
- Короче, пацаны, – размышлял осмелевший Кузя, – выбора у нас нет. Как чехи повалят – линяем.
- А свои не пристрелят? – выказал опасение Корявый.
- Кому ты нужен? Рота отбиваться будет, им еще нас пасти? Все, решено. Если выйдем к своим, то пробивались по приказу ротного, налетим на чехов – добровольно переходим на их сторону. Потом и от них сдернем, – категорично заключил Кузя.

* * *

Вторая атака началась так же неожиданно. Боевики по команде вскочили и с криками «Аллах акбар» ринулись вперед. И вновь из прохода повалила толпа. Но на этот раз бандиты сменили тактику, штурм они перенесли на Малую высоту. Как только защитники высоты перенесли огонь на фланг, в сторону Косых Ворот, боевики вышли из балки. Перевес противника оказался значительным, несмотря на огневую поддержку соседней, Большой высоты. Доронину стало понятно: оставлять личный состав на Малой нельзя. Высоту придется сдать, чтобы спасти людей. Он вызвал Егорова.

- Слушаю тебя, – ответил Валера.
- Давай начинай отход. Долго вы там не продержитесь, а ваши жизни здесь нужны.
- Да! Накрыли нас здесь плотно. Вторую «БМД» подожгли. Много раненых. Я согласен на отход, но как это сделать? Выйдем на открытое пространство, и нас всех положат.
- Я вызываю дивизион. Как начнется свистопляска, сразу вниз, здесь броней прикроем.
- Понял.

Корректировщик уточнил цели, и вновь дивизион мощным залпом накрыл наступающих. В это время защитники Малой перебрались на Большую. Они принесли с собой и раненых, и убитых.

С вынужденным оставлением одной высоты положение обороняющихся резко ухудшилось. Займи враг траншеи – и тогда исход боя практически предрешен.

Но оставался дивизион, и он сделал свое дело, разворотив оборонительные сооружения Малой высоты ударом огневой батареи.

Раненых определили в наскоро сооруженный за КНП лазарет, чуть поодаль сложили мертвых. Практически половина роты была выведена из строя, и оборону на Большой высоте держали лишь два полноценных взвода.

Старший лейтенант Панкратов, руководя своеобразным блокпостом, со стороны наблюдал, как ожесточенно дерется рота. Это пугало его, он был растерян и в какой-то мере деморализован. Понимал, что еще один штурм – и оборона роты рухнет. Что тогда? И что делать сейчас? Против его отделения в настоящий момент никто не действовал, и он с подразделением оказывался отсеченным от основного боя, где каждый человек был на счету. Панкратов находился в смятении. Связаться с Дорониным он не мог, его рация случайно вышла из строя. Покинуть пост без приказа означало грубо нарушить Устав, но и оставаться наблюдателем гибели своей роты он также был не в состоянии. Уже бойцы за спиной шептались, что Панкратов, сука, трус, ушел сам и их увел. Офицер делал вид, что не слышал этого. Отреагировать на недовольство подчиненных значило бы идти на высоту, а этого так не хотелось. Не хотелось умирать. Оставаясь здесь, можно, при случае, попытаться уйти ущельем, замереть в нем, затаиться, дожидаться подкрепления. И тогда он и жив, и в почете, он выполнял приказ и выполнил его. Там, когда от роты никого не останется, разбираться не будут, кто и как проявил себя. Славят мертвых, а награждают живых. Но Панкратов при всех своих недостатках оставался все же офицером. И голос офицера твердил ему, что не должен он оставаться в стороне от боя, что его место там, в траншеях умирающей роты. И этот голос пересилил сомнения. Панкратов принял решение.

Когда, перевалив через Малую высоту, противник начал очередной приступ, старший лейтенант приказал:

– Внимание, отделение! Цепью во фланг противника, за мной, бегом, марш!

Бойцы, десяток молодых парней, рассыпались в цепь и, стреляя на ходу, с криком бросились вперед. Панкратов вел людей, сорвав шлем, и немного оторвался от цепи. С высоты ему что-то кричали, но разве можно разобрать, что именно? Он оглянулся, чтобы поторопить бойцов, и... резко остановился, остолбенев. Панкратов мгновенно понял, что совершил преступную глупость, непростительную ошибку, которую справедливо расценят как трусость. А дело было в том, что от аула, так же развернувшись цепью, наступал отряд боевиков, который до сих пор бездействовал. Панкратову захотелось закричать. Ведь Доронин и все на высоте подумают, что он с людьми бежит от противника. Но это было не так. Он же хотел по-другому и отдал приказ, когда посту ничего не угрожало. Он вел людей на помощь. Господи! За что такая несправедливость? Его охватило оцепенение. Он оглянулся. Бойцы, бежавшие по открытой местности, попали под перекрестный огонь бандитов и один за другим стали падать на камни. А Панкратов стоял, бросив на землю бесполезный автомат. Рядом взвизгнула пуля, потом еще одна. По нему стреляли, но кто? Свои или чужие? Да какая разница? Теперь он ни для кого не был своим. И только сильный удар в спину, который чуть не опрокинул его, подсказал, что стреляли с высоты. Они решили, что Панкратов решил сдаться. Бронежилет выдержал удар пули. Старший лейтенант вытащил две гранаты «Ф-1», зубами выдернул кольца и, зажав смерть в ладонях, поднял руки. Боевики приближались.

Видны были их радостно скалящиеся бородатые физиономии. Еще немного, и они захватят русского офицера. Бандиты кричали, чтобы офицер залег, но Панкратов продолжал стоять.

По лицу текли слезы, все тело мелко, противно дрожало. Когда боевики, сгруппировавшись, подбежали к офицеру метров на пять, старший лейтенант Дмитрий Вячеславович Панкратов поднял голову к небу, закрыл глаза и разжал пальцы.

Два взрыва, слившись в один, поставили точку в жизни русского офицера, разметав вместе с ним с десятков так ничего и не понявших бандитов.

Все это видели с высоты. Когда противник начал наступление и рота ответила пока еще довольно плотным огнем, Егоров, находившийся вместе с Дорониным ближе к левому флангу, вскрикнул:

– Смотри, Сань, что твой взводный делает? Он сдурел, что ли?

Александр посмотрел в сторону позиции Панкратова и увидел, что тот, развернув отделение в цепь, ведет его к высоте, а сзади наступает отряд боевиков. Что за дурь?

– Они бегут, Сань. Вот, козел! От кого бежишь, тварь, и куда? Побьют же всех?

– Он не бежит, Валер. Боевики появились позже, когда Панкратов уже покинул пост. Он решил идти нам на помощь. Эх дурак, дурак. Кому нужно твое геройство? Сигнальте им, чтобы залегли, – передал Доронин на фланг. Но было поздно. Офицеры видели, как не понявшие сигнала и попавшие под огонь солдаты отделения стали падать сраженные и как остановился и замер Панкратов.

– Ложись, дубина, – кричал Егоров, но услышать его Панкратов не мог. – Сань! А не кажется тебе, что этот ублюдок хочет сдаться?

– Сдаться?

– Именно. Видишь, стоит, автомат бросил. Точно, сука, решил сдаться.

– Черт с ним, без него проблем хватает. Ты оставайся здесь, я на правый фланг.

– Ну уж нет, ни черта у него не получится, – процедил сквозь зубы Егоров, когда Доронин ушел по траншее.

Валера метнулся следом, только в противоположном направлении. И тут же по позициям ударили минометы противника. Две мины попали напрямую в КНП, разрушив его. Егоров оглянулся – вовремя они с Дорониным покинули командный пункт. Не обращая внимания на близкие разрывы, продираясь сквозь укрывшихся на дне траншеи бойцов, Валера добрался до крайней огневой точки, откуда можно было без труда достать предателя. Егоров выхватил у солдата автомат. Панкратов продолжал стоять, бандиты приближались к нему. Егоров перевел планку «АКСа» на одиночную стрельбу. Прицелился, нажал на спусковой крючок. Мимо.

– Твою мать, – выругался он, прицеливаясь вновь, – сейчас, погоди, я сдам тебя, козла, сам сдам.

Второй выстрел также не достиг цели.

– Что за дела? Солдат? Что у тебя с оружием?

– Все нормально, товарищ капитан.

– Где, к черту, нормально? Прицел сбит.

Егоров прицелился. Выстрел. Панкратов качнулся.

– Ага! Получил подарок?

Валера ждал, когда рухнет на землю предатель.

Но тот только качнулся, устоял, выпрямился и поднял руки.

– Что же это такое?.. – последовала череда злобного мата, Егоров ругался. – Да он же в «бронике»? Надо в башку бить.

Валера снова вскинул автомат и увидел, как Панкратов, окруженный полукольцом бандитов, что-то выпустил из рук. И через мгновение – сильный взрыв.

– Та-ак, – только и смог произнести Валера. Он прислонил голову к стенке окопа, тяжело вздохнул, вытер грязный пот.

Затем перевел взгляд на бойца, который раскрыл рот, став свидетелем смерти офицера.

– Ну что рот раскрыл? Держи автомат и смотрите тут у меня. Этот отряд – ваш. Чтобы ни одна тварь не вышла к высоте, понятно?

– Так точно, товарищ капитан.

Егоров шел назад, к развороченному КНП, когда яркая вспышка ударила в лицо. Со страшной силой его отбросило на бруствер. Валера, теряя сознание, успел понять, что попал под мину. Его окровавленное тело тут же перенесли к вывороченным бревнам лазарета.

После минометного обстрела Доронин поднял людей. Их стало еще меньше. Стоны и крики раненых, искалеченных солдат доносились почти отовсюду. Александр как мог подбадривал ребят. В одном из окопов он наткнулся на лейтенанта Лузгина. Тот сидел, прислонившись к стенке, голова запрокинута назад, невидящие глаза устремлены в небо, лицо перекошено гримасой боли, и через него проложила себе дорожку струйка мелкого песка. Лейтенант был мертв. В лазарете умирал, тяжело раненный в живот, старший лейтенант Бобров, еще один, последний взводный, и прапорщик Мамедов, которому осколок попал в голову. И там же большая часть роты. Он увидел, как внесли тело Егорова.

– Что с ним?

– Миной накрыло, товарищ старший лейтенант. Тяжелый. Без сознания.

– Но живой?

– Пока живой, но состояние сами видите.

– Где ваш командир – лейтенант?

– Убит.

Доронин отошел от места сбора раненых. Погибших оставляли там, где их застигла смерть, там они и лежали. На последних боевых позициях.

– Где капитан Ланевский?

Ответа дать никто не смог. Затишье после минометного налета закончилось, и враг вновь пошел на штурм. На этот раз ответный огонь не был интенсивным, чувствовались потери. Но и сила натиска противоположной стороны ослабла. Для противника бой тоже не обошелся легко. Но где же Ланевский? Неужели и он погиб? Черт возьми, он же, Доронин, не справится один с управлением, когда духи атакуют со всех сторон.

А опытный Ланевский находился в боевой машине пехоты, одной из двух уцелевших в бою. Он понимал, как важно сейчас сбить наступательный пыл противника, когда силы обеих сторон на исходе, дать передышку, сгруппироваться, пока духи не получают поддержку. И поэтому Ланевский решил атаковать противника на межвысотном пространстве.

Появление двух «БМП» между высотами оказало свое действие. Ведя огонь из пушек и пулеметов, машины вонзились, как нож в масло, в наступающие порядки боевиков и вызвали среди них замешательство. Такого маневра они никак не ожидали. В результате дрогнули, начав отход. Они не побежали, а отступали организованно, отстреливаясь на ходу. «БМП» отбросили врага, но и сами стали жертвами. Отошедший к балке и проходу Косых Ворот противник оттуда ударил по машинам из гранатометов. «БМП» взорвались, остановившись, объятые черным дымом, с опущенными стволами бесполезных теперь скорострельных пушек. Капитан Ланевский и его верные бойцы выполнили свой долг, предоставив высоте ценой собственной жизни несколько минут передышки.

Колян с остервенением стрелял из своего раскалившегося «РПК». Рядом из автомата бил по врагу Костя с перекошенным от злобы лицом. Они находился во власти боя. И когда ударили минометы, друзья не сразу обратили внимание, что вокруг рвутся мины, продолжая стрелять по отошедшему немного назад противнику. Колян и вскрик Кости услышал как бы между прочим и в пылу драки не обратил на него внимания. Только когда его почти с головой засыпало землей, Николай оторвался от пулемета и рухнул на дно окопа. И тут заметил Костю. Тот лежал на боку, зажав рукой правое бедро. Из-под пальцев обильно сочилась кровь.

– Ты че, Кость? Задело?

– Осколком, наверное.

– Подожди, я сейчас. Эй, санитары! Давай сюда, – крикнул он в траншею, но из отдаленной ячейки показалось лишь лицо такого же бойца. – Че гляделки вылупил? Ори дальше, зови санитаров – здесь раненый.

Боец понял и повернув голову на сто восемьдесят градусов, закричал, вызывая санитаров.

– Щас, Кость! Кровищи-то сколько, видно, вену перебило. Надо ногу жгутом перетянуть.

Он вскрыл индивидуальный пакет, но тут появились санитары и сделали свое дело. Костю унесли. Колян сплюнул и вновь прильнул к пулемету. На высоту в его секторе взбиралось человек десять.

– Да когда вы, суки, угомонитесь? Сколько можно?

Он вставил новый магазин, передернул затвор, прикинул, сколько у него осталось патронов, и прицельно, короткими очередями стал поражать атакующего противника. Атака застыла. Послышался гул работающих двигателей.

«Неужели подмога?» – мелькнула у Коляна мысль.

Откуда-то слева ударили скорострельные орудия, и духи, огрызаясь огнем, стали пятиться с высоты. «БМП», попадая из своих пушек в человека, разносила того снарядам в клочья. Духи организовано, но быстро отошли. Показались боевые машины. «Наши, с высот», – определил Коля. Значит, это не подмога. Он продолжил наблюдение.

Машины, разделившись на два направления, оттесняли врага на его исходные позиции. Но не надо бы им идти дальше. Колян предчувствовал, что добром этот маневр не кончится. Не понимал он, что, уже выйдя из укрытий, машины потенциально были обречены. Гранатометы достали бы их везде: и между высотами, и на плато. Так что экипажи машин, уходя дальше, вносили вместе с собой врага. И шли на верную смерть они осознанно.

Одновременно из дальнего окопа выскочили трое. Они побежали к лесу. Их из обгоревших деревьев увидели боевики. Когда Смагин, Коркин и Кузнецов забежали в пепелище, их пропустили вглубь, где, у самого обрыва, схватили.

Кузя верещал, что они сами, добровольно ушли от своих.

Командир-бородач презрительно смотрел на бывших солдат, стоящих в окружении его людей.

– Сами, говоришь? Своих бросил, пусть подышают, да? Жить хочешь? Твар ты все. Сви- ния и твар. Убейте их!

Бойцы закричали, но на них навалились по трое. Запрокинув головы, полоснули по натянутой коже длинными, широкими ножами. Так режут баранов.

Бросив забившиеся в агонии окровавленные тела, боевики пошли вперед. Им нужна высота, и они ждали сигнала на последний штурм.

Предательство старослужащих не осталось незамеченным и с высоты, но помешать или предпринять что-либо командир роты уже не мог.

Получив передышку, Доронин приказал собраться всем, кто годен к бою, к останкам КНП. Здесь же был и Шах, незаметный в бою. Да он и не вел бой, а прошел к спасительной тропе, по приказу Доронина, и убедился, что она открыта и ею можно воспользоваться. Противника там не было.

Всего невредимых было четверо, восемь человек легкораненых, способных самостоятельно передвигаться на ногах и при необходимости вести недолгий бой, а также пятеро, имеющих ранения средней тяжести, которым требовалась помощь при движении. Остальные либо убиты, либо безнадежны, либо...

Доронин ясно сознавал, что возможности роты исчерпаны и дальнейшее сопротивление не имеет смысла. Но сдать позиции он, командир опорного пункта, права не имел. Поэтому он позвал Шаха, о чем-то с ним посоветовался и объявил:

– Товарищи бойцы, друзья. Вы сделали все, что могли, и даже больше, выдержали удар многократно превышающего по численности противника. За это вам великая благодарность. Дальнейшее сопротивление считаю бесполезным и приказываю всем, кто может передвигаться, захватить с собой, сколько сможете, раненых и уходить. Этот человек, – Доронин указал на Шаха, – выведет вас навстречу к пробивающимся к нам войскам. Оружие взять с собой. На сборы пять минут. Горшков?

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Как сам? Цел?

– А че мне будет?

– Вот и хорошо. Ставлю тебе персональную задачу. Шах поведет людей, ты будешь замыкать колонну. Учти, на тебе большая ответственность. Если вас будут преследовать, ты должен прикрыть отряд. Все понял?

– Не все.

– Что не понял?

– А вы что, остаетесь?

– Остаюсь, Коля! Мне по штату не положено покидать без приказа эту высоту.

– Тогда я тоже остаюсь.

– Эт-то что за базар, Горшков? А раненых кто прикрывать будет? Выполнять приказ!

– Но здесь же тоже раненые остаются.

– Да, но, к сожалению, всех вынести у нас нет сил. И этим парням, что остаются, уже никакая медицина не поможет. Вот так. Иди!

– Может, передать че хотите? Я бы передал, если выйдем к своим, конечно.

– Передать?.. А ты прав. Подожди секунду.

Отряд, ведомый Шахом, после применения средств задымления местности, скрытый от врага дымом, высотой и небольшой расщелиной, удалялся в сторону дальней небольшой роши, левее аула.

Доронин достал фотографию, где они были сняты вместе с Катей и Викторией, немного подумав, написал на оборотной стороне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.